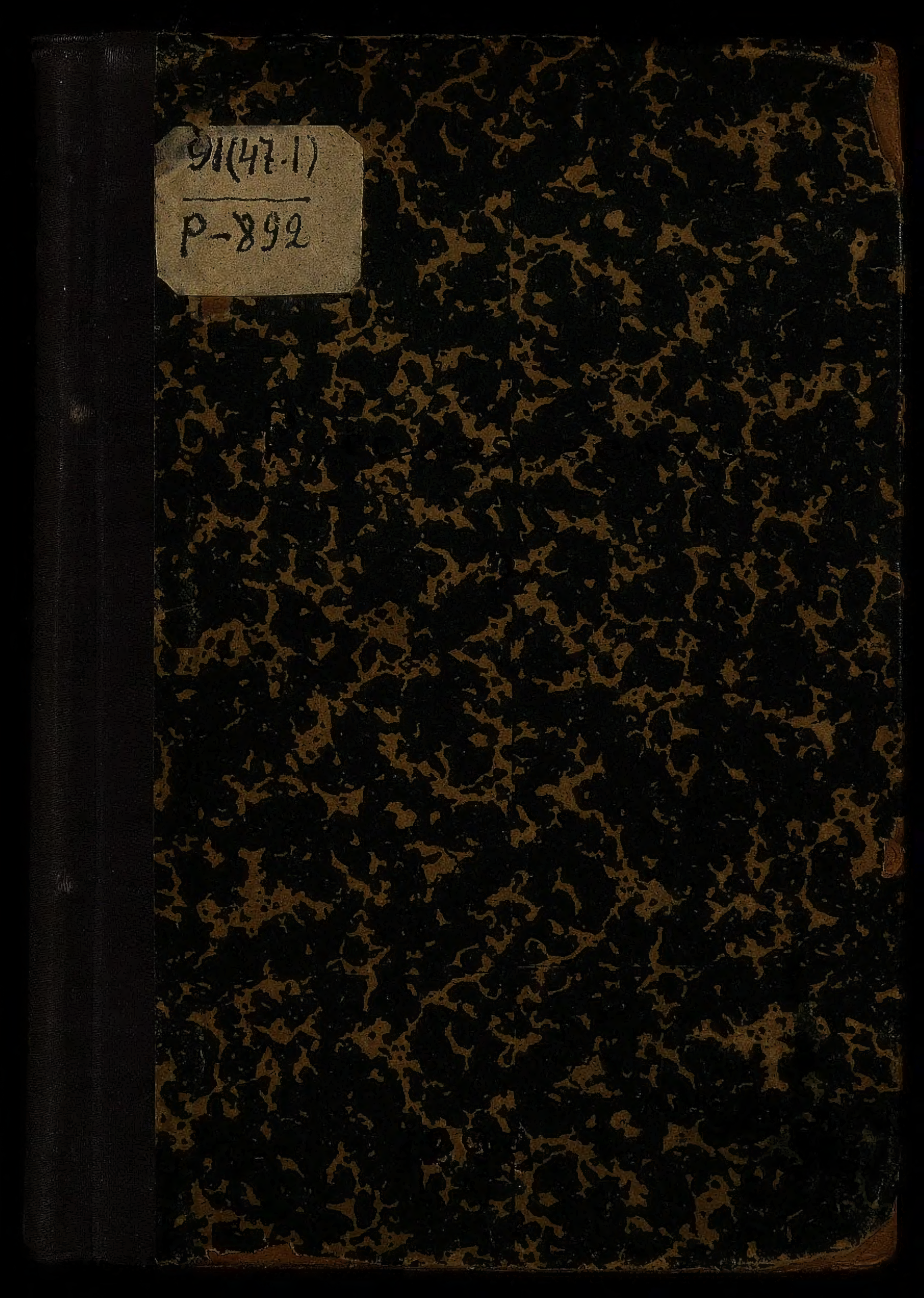
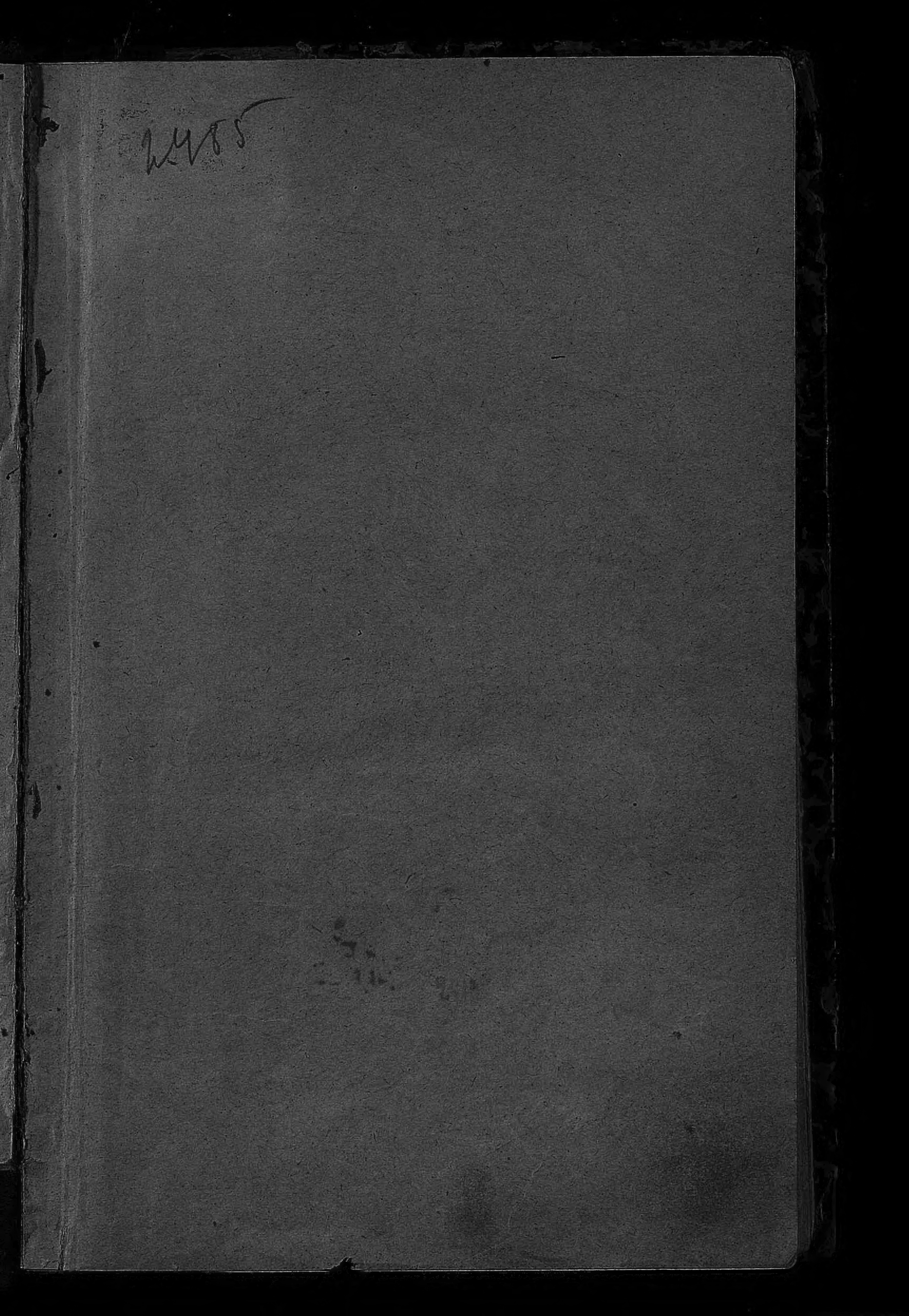

91(47.1)
P-892

2485

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА
издаваемая подъ редакціей В. И. ШЕМЯКИНА

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

(ПРИРОДА СТРАНЫ, НАСЕЛЕНІЕ И ЕГО ПРОМЫСЛЫ)

СБОРНИКЪ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ

ТОМЪ II

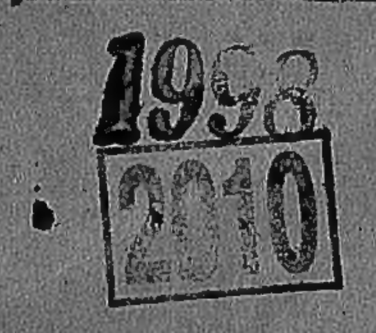
ФИНЛЯНДІЯ, ОЗЕРНАЯ ОБЛАСТЬ

и

ПРИБАЛТІЙСКІЙ КРАЙ

СОСТАВИЛЪ
Я. И. РУДНЕВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. Мартынова, Торговая, 17
1899

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21-го іюля 1899 г.

1.—Природа Финляндіи.

Географическій очеркъ.

Я. Р.

I.

Восемь губерній (Выборгская, Нюландская, Або-Бьернеборгская, Вазазская, Улеаборгская, Тавастгусская, Сенъ-Михельская и Куопіосская), лежащихъ въ сѣверо-западномъ углу Европейской Россіи, между Ботническимъ и Финскимъ заливами Балтійскаго моря, представляютъ своеобразную естественную область, рѣзко отличающуюся отъ другихъ областей нашего отечества.

На каждомъ шагу русскій человѣкъ встрѣчаетъ здѣсь много совершенно для него непривычнаго: и природа области, и языкъ, и религія, и образъ жизни ея обитателей не тѣ, что въ коренной Россіи. Область эта называется Финляндія, а по-фински *Суоми* или *Суоменмаа* (земля Суоми). Подобно другимъ областямъ нашего отечества, Финляндія занимаетъ очень внушительную по своимъ раз-

мѣрамъ площадь (6784 кв. мили), на которой умѣстилось бы цѣлое королевство Великобританія, съ королевствами Бельгіей и Голландіей въ придачу. Но народу на этомъ обширномъ пространствѣ живетъ сравнительно съ средней Россіей немного: всего два съ половиной милліона, такъ что на одну квадр. версту приходится въ среднемъ только девять человѣкъ; особенно слабо населена сѣверная часть Финляндіи—губернія Улеаборгская.

По своей природѣ и внѣшнему виду Финляндія представляетъ какъ бы переходную страну между Скандинавскимъ полуостровомъ, къ которому она примыкаетъ, и Россіей. Мы находимъ здѣсь, какъ и въ Скандинавіи, гранитныя скалы, каменистые водоемы, наполненные чистой, прозрачной водой, безчисленные слѣды древнихъ ледниковъ, но въ Финляндіи нѣтъ такихъ горъ, которыя походили бы на горы Скандинавіи, и здѣсь уже начинаются тѣ обширныя равнины, которыя тянутся черезъ всю Европейскую Россію, до подошвы Кавказа и Урала.

Въ описаніяхъ Финляндіи часто упоминаются горы и скалы. Такъ русскій поэтъ Е. Баратынскій писалъ про Финляндію:

Суровый край! его красамъ,
Пугаяся, дивятся взоры:
На горы каменныя тамъ
Поверглись каменныя горы;
Синѣя, всходятъ до небесъ

Ихъ своенравныя громады,
На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ,
Съ нихъ бурно льются водопады.

Тому, кто не видалъ Кавказа и Альпійскихъ горъ, эти слова не покажутся преувеличеніемъ. Природа Финляндіи дѣйствительно не лишена дикой, своеобразной красоты. Эта страна имѣетъ сильно пересѣченную поверхность, непрерывные крутые подъемы и спуски; утесистыя, иногда недоступныя, вслѣдствіе своей крутизны, возвышенности Финляндіи кажутся на первый взглядъ высокими горами. Но настоящихъ горъ въ Финляндіи нѣтъ. Средняя высота ея не превосходитъ средней высоты Европейской Россіи и даже не достигаетъ 80 саженъ надъ уровнемъ воды въ океанѣ. Отъ высокихъ горныхъ кряжей, расположенныхъ на границѣ Финляндіи и Норвегіи, начинается невысокій гранитный кряжъ Маансэлкэ и идетъ, постепенно понижаясь и пуская отъ себя тоже незначительные по высотѣ отроги, внутрь страны. Этотъ кряжъ служитъ водораздѣломъ между Ботническимъ заливомъ и Бѣлымъ моремъ и имѣетъ важное значеніе, такъ какъ нѣсколько защищаетъ страну отъ губительнаго дѣйствія холодныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, дующихъ съ Ледовитаго океана. Южная часть Финляндіи представляетъ изъ себя какъ бы плоскую раковину, раздѣленную невысокими грядами (по-фински *сэлькэ*) на три котловины: Западную

Тавастландію, Восточную Тавастландію и Корелію. Съ юга эти котловины заставлены длинной, невысокой грядой, которая служитъ причиною образованія пороговъ въ рѣкахъ, выносящихъ воды изъ расположенныхъ въ этихъ котловинахъ озеръ.

Въ общемъ вся Финляндія представляетъ громадную, невысокую гранитную равнину, усѣянную хребтами гранитныхъ холмовъ съ округленными вершинами, загроможденную безчисленнымъ множествомъ большихъ и маленькихъ обломковъ скалъ или такъ называемыхъ «валуновъ». Валуны образуютъ здѣсь цѣлые валы въ десятки верстъ длиною, ими усѣяны поля, лѣса, луга и озера; буквально, куда ни взглянешь, здѣсь увидишь гранитные обломки, которые особенно удивляютъ пріѣзжаго человѣка и придаютъ странѣ какой-то своеобразный, дико-живописный характеръ.

Промежутки между холмами Финляндіи заполнены такимъ множествомъ озеръ, что невольно рождается предположеніе, что здѣсь суша находится въ борьбѣ съ водою. И это предположеніе вполнѣ правильно. Наблюденія, производившіяся въ теченіе ста-сорока лѣтъ въ различныхъ мѣстахъ побережья Балтійскаго моря, доказываютъ, что поверхность Финляндіи непрерывно поднимается. Поднятіе это происходитъ чрезвычайно тихо—отъ 2 до 6 фут. въ столѣтіе, и не вездѣ съ одинаковою скоростью. Берега Финскаго залива поднимаются

фута на два въ столѣтіе, а на берегахъ Ботническаго залива поднятіе происходитъ быстрѣе — отъ 4 до 6 футовъ въ столѣтіе. Если поднятіе Финляндіи будетъ происходить и впредь такимъ же образомъ, то тысячъ черезъ шесть лѣтъ тѣ мѣста, которыя лежатъ нынѣ у моря, отойдутъ отъ него на разстояніе отъ 50—60 верстъ и пространство финляндской суши станетъ вдвое больше нынѣшняго. Аландскіе острова тогда превратятся въ холмы, а сѣверная часть Ботническаго залива въ пресноводное озеро, подобное Ладожскому.

Гранитные кряжи Финляндіи, достигнувъ моря, продолжаются въ Ботническомъ и Финскомъ заливахъ въ видѣ безчисленныхъ скалъ и острововъ, то совершенно обнаженныхъ, то одѣтыхъ лѣсною растительностью. Эти прибрежные скалы и острова, вмѣстѣ съ омывающими ихъ заливами и проливами, называются по-шведски «шэръ» (островокъ, рифъ),—слово, которое русскіе передѣлали въ шхеры. Шхеры окаймляютъ южный и юго-западный берега Финляндіи поясомъ отъ 10—40 верстъ шириною. Особенно обширное пространство шхеры занимаютъ около города Або; въ Ботническомъ заливѣ шхеръ меньше. Плаваніе въ шхерахъ можетъ доставить большое удовольствіе: въ проливахъ между островами море даже при сильномъ вѣтрѣ бываетъ спокойно и въ тоже время путешественнику есть на что полюбоваться. „Подъѣзжая къ

финляндскимъ берегамъ, мореплаватель встрѣчаетъ сперва множество голыхъ гранитныхъ скалъ; первыя изъ нихъ едва виднѣются изъ подъ воды; ихъ темныя, гладкія, блестящія поверхности напоминаютъ спины какихъ-нибудь чудовищъ; за ними вдали виднѣется темнозеленая полоса лѣсовъ, покрывающихъ шхеры, расположенныя ближе къ материку. Миновавъ такъ называемыя наружныя шхеры, послѣднія изъ которыхъ уже покрыты кривыми сосенками, гнѣздящимися въ разсѣлинахъ скалъ, мореплаватель вступаетъ въ область такъ наз. внутреннихъ шхеръ: суровость первой картины смягчается; острова покрыты густымъ хвойнымъ или смѣшаннымъ лѣсомъ (обыкновенно некрупнымъ), лишь кое-гдѣ сѣрѣютъ голыя скалы; долины покрыты сочными лугами, гдѣ пасется крупная шхерная порода коровъ; появляются клочки пашни и человѣческія жилища—по большей части одиноко стоящіе низкіе домики, выкрашенные въ темнокрасный цвѣтъ. Земля постепенно вступаетъ въ свои права, проливы между островами становятся все уже и мельче; появляются заросли тростниковъ; острова становятся все больше; наконецъ, начинается и материкъ, въ видѣ длинныхъ мысовъ между узкими заливами, далеко забирающимися въ глубь материка. По берегамъ заливовъ тянутся обширныя, хорошо воздѣланныя пашни, стоятъ солидныя усадьбы крестьянъ, изрѣдка видѣнъ много-

этажный домъ помѣщика-аристократа (ихъ здѣсь мало); иногда въ глубинѣ залива расположенъ городъ" (Д. Протопоповъ).

II.

Такъ какъ Финляндія имѣетъ общій наклонъ къ югу и юго-западу, то большая часть ея внутреннихъ водъ имѣютъ стокъ въ Финскій и Ботническій заливы. Только на сѣверѣ страны обширное озеро Энаре шлетъ въ незамерзающія воды Варангеръ-фіорда рѣку Пазъ или, по-фински, Патсъ-іоки; кромѣ того, въ Сѣверный Ледовитый океанъ течетъ пограничная съ Норвегіей рѣка Тана.

Повсемѣстное обиліе воды составляетъ самую рѣзкую особенность Финляндіи. Озеръ здѣсь такое количество, что она называется „страною тысячи озеръ", но въ дѣйствительности озеръ здѣсь не тысяча, а многія тысячи и въ общей сложности они занимаютъ болѣе одной десятой всей площади Финляндіи; болота, слѣды бывшихъ озеръ, также захватываютъ обширныя пространства (особенно въ Вазасской губерніи), безъ малаго три десятыхъ всей Финляндіи.

Озера Финляндіи распредѣлены не по всей странѣ равномѣрно: большею частію они сосредоточиваются въ средней и южной части Финляндіи, заполняя отдѣльныя котловины,

изъ которыхъ каждая содержитъ въ себѣ множество озеръ, соединенныхъ короткими, часто порожистыми протоками.

Почти весь юго-востокъ Финляндіи занятъ водоемомъ озера *Саймы*, представляющимъ сплетеніе 120 большихъ озеръ и болѣе 1000 малыхъ. Сайминское многоозорье замечательно множествомъ красивыхъ мѣстъ и представляетъ обширныя пространства для судоходства, которое совершается здѣсь весьма дѣятельно. Единственнымъ природнымъ стокомъ для этото множества озеръ служитъ рѣка Вуокса, впадающая въ Ладогу у города Кексгольма (по-Фински Кеки-сальми, т. е. кукушкинъ островъ). Рѣка эта представляетъ цѣпь проточныхъ озеръ, на которыхъ находится нѣсколько водоскатовъ. Самый замѣчательный изъ нихъ—Иматра, недалеко отъ выхода Вуоксы изъ Саймы. Иматру обыкновенно называютъ водопадомъ, но это въ сущности не водопадъ, а водоскатъ или быстрина. Здѣсь, при ширинѣ потока въ семнадцать саженъ, вода скатывается на протяженіи двухъ сотъ восьмидесяти пяти саженъ по наклону въ девять саженъ высоты. За шесть верстъ слышится шумъ Иматры. Вслѣдствіе крутизны мѣстами совершенно отвѣсныхъ, гранитныхъ береговъ, устройство дна, усѣяннаго утесами, и незначительной ширины потока, вода во многихъ мѣстахъ то прыгаетъ кверху, то поднимается крутыми буграми;

водяные бугры, розсыпаясь брызгами, плещутъ другъ на друга и на береговые утесы, замѣтно дрожащіе подъ яростными ударами волнъ. Не будучи водопадомъ, Иматра, по количеству составляющей ее воды, превосходитъ даже знаменитый американскій водопадъ Ніагару.

Такъ какъ Вуокса не можетъ служить путемъ изъ Саймы къ морю, то уже давно возникла мысль о необходимости искусственнаго соединенія Сайминскаго многоозерья съ моремъ. Во времена шведскаго владычества, при королѣ Густавѣ-Адольфѣ, начали рыть каналъ изъ Саймы къ Финскому заливу, но работы были прекращены. Въ царствованіе Императора Николая I приступили къ прорытію канала по плану, составленному знаменитымъ шведскимъ инженеромъ Эриксономъ и при его непосредственномъ наблюденіи. Торжественное открытіе канала совершено въ 1856 г., въ день коронаціи въ Москвѣ Императора Александра II. Длина всего канала 56 верстъ, изъ которыхъ 30 прорыты въ землѣ и гранитѣ, а 26 приходятся на рѣки и озера, пересѣкаемыя каналомъ. Такъ какъ уровень воды въ Саймѣ стоитъ безъ малаго на тридцать семь саженъ выше, чѣмъ въ Финскомъ заливѣ, то въ каналѣ устроены шлюзы.

Благодаря Сайминскому каналу жителямъ обширнаго Сайминскаго побережья открыта свободная дорога не только въ порты Балтій-

скаго моря, но и въ другіе моря и океаны: парусныя суда изъ Куопіо теперь не только ходятъ прямо въ Лондонъ, Средиземное море, но даже въ Америку и Австралію.

Къ западу отъ Саймы, въ восточной Тавастландіи, лежитъ обширное многоозерье *Пэйене* („Стятое озеро"). Изъ Пэйене въ Финскій заливъ вытекаетъ рѣка Кюмень, такая порожистая и быстрая, что не можетъ служить для судоходства. Вслѣдствіе быстроты теченія вода въ Кюмени рѣдко замерзаетъ даже въ самыя суровыя зимы. Недалеко отъ впаденія Кюмени въ море, на одномъ изъ ея устьевъ, гремитъ немолчный „Гегъ-форсъ", т. е. „Высокій водопадъ".

Третье многоозерье—западное, называется по главному озеру *Няси-ярви* и оканчивается судоходною рѣкою Кумо, впадающею въ Ботническій заливъ у города Бьернеборга. Озеро Няси со своими заливами представляетъ всѣ удобства для значительно развитаго на немъ судоходства. Озера, соединенныя съ нимъ протоками, простираются верстъ на двѣсти къ сѣверу. Одно изъ озеръ, принадлежащихъ теперь къ Няси-ярви, *Ройне*, замѣчательное своими живописными окрестностями, связано съ этимъ многоозерьемъ искусственнымъ образомъ. Перешеекъ саженъ въ семьдесятъ отдѣлялъ Райне отъ другого обширнаго озера, уровень котораго былъ на сажень выше. По расцоряженію правительства, пере-

шеекъ этотъ былъ перекопанъ, вода бурнымъ потокомъ устремилась изъ одного озера въ другое и стола на одномъ уровнѣ, при чемъ на берегахъ верхняго озера получилось 2270 десятинъ плодородной земли. Подобныя работы производились и производятся во многихъ мѣстахъ Финляндіи для осушенія земли, а также для пріобрѣтенія новыхъ луговъ и полей. На одномъ изъ протоковъ Няси-ярви славится водопадъ Кюро, но онъ многоводенъ и красивъ только весною; гораздо величественнѣе его водопадъ Тампере. Императоръ Александръ I, во время путешествія по Финляндіи, обратилъ вниманіе на то, что водопадъ Тампере можно употребить какъ движущую силу въ фабрично-заводскомъ дѣлѣ. Съ цѣлью поощрить развитіе здѣсь этого дѣла, онъ на опредѣленный срокъ освободилъ городъ Тамерфорсъ отъ взноса таможенныхъ пошлинъ. Благодаря этой льготѣ, здѣсь возникло и существуетъ много фабрикъ, которыя пользуются силой многоводнаго водопада и заставляютъ его круглый годъ работать на пользу людямъ.

Въ сѣверо-западной Финляндіи преобладаютъ не озера, а рѣки, которыя впадаютъ большею частію въ Ботническій заливъ и становятся все длиннѣе и многоводнѣе по мѣрѣ удаленія къ сѣверу. Всѣ эти рѣки болѣе или менѣе порожисты, обильны быстринами и водоскатами, и потому чаще употребляются

только для сплава лѣса; всѣ онѣ очень богаты рыбою, давшею названія нѣкоторымъ изъ нихъ (Сика-йоки-сигъ-рѣка и др.). Близъ Улеаборга впадаетъ въ Ботническій заливъ порожистая и быстрая рѣка Улео, вытекающая изъ озера того-же имени, или точнѣе изъ многоозерья, подобнаго описаннымъ выше. Двѣ цѣпи соединенныхъ протоками озеръ шлютъ свои воды въ это озеро; южная цѣпь врывается въ Улео двумя водопадами—Эммекоски (старуха—водопадъ) и Койво-коски (березовой водопадъ). Близъ Эмме-коски видны еще развалины старинной шведскій крѣпости, разрушенной русскими въ 1716 году. Тутъ же стоитъ городъ Каяна, получившій свое названіе отъ финскаго племени квеновъ, которое заселила Улеаборгскую губернію. Къ сѣверу отъ рѣки Улео въ Ботническій заливъ бѣгутъ множество быстрыхъ рѣкъ и рѣчекъ. Самая большая изъ нихъ и во всей Финляніи —Кемь, занимающая своимъ водоемомъ большую часть сѣвера Улеаборгской губерніи. На границѣ Финляндіи со Швеціей течетъ большая рѣка Торнео, или Торни съ притокомъ Муоніо. На берегу рѣки Торнео, нѣсколько южнѣе полярнаго круга, находится гора Авасакса, съ которой въ іюнѣ мѣсяцѣ можно видѣть солнце въ полночь сіяющимъ съ сѣвера. Извѣстно, что за полярнымъ кругомъ лѣтомъ солнце не закатывается въ теченіе нѣкотораго времени, и полуночное солнце можно наблюдать и въ

другихъ мѣстахъ. Но эти мѣста находятся гораздо сѣвернѣе, не такъ доступны, и потому путешественники изъ разныхъ уголковъ Европы въ іюнѣ мѣсяцѣ пріѣзжаютъ обыкновенно на гору Авасакса, хотя отсюда полночное солнце видно не болѣе трехъ разъ; кромѣ того, можетъ случиться, что именно въ эти дни небо бываетъ покрыто облаками. Путешественники обыкновенно взбираются на Авасаксу гораздо раньше полуночи, такъ какъ гора эта хотя и не высока (700 ф.), но восхожденіе на нее довольно затруднительно вслѣдствіе множества громадныхъ острыхъ камней, которыми усыпаны ея склоны. При ясномъ небѣ, съ сѣвера виденъ багровый кругъ солнца, но лучи его не ярки и не грѣютъ, такъ что на него можно смотрѣть безъ всякаго труда.

III.

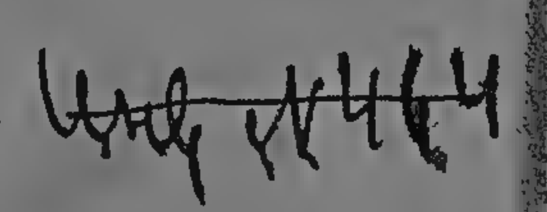
Сѣверная граница Финляндіи уходитъ за полярный кругъ и касается семидесятаго градуса сѣверной широты, южная находится подъ шестидесятымъ градусомъ. Вслѣдствіе такой близости къ полюсу, зимніе дни въ Финляндіи представляютъ лишь слабый просвѣтъ, продолжающійся всего нѣсколько часовъ, тогда какъ въ срединѣ лѣта и ночью бываетъ свѣтло, а за полярнымъ кругомъ солнце въ теченіе нѣкотораго времени и совсѣмъ не скрывается съ гори-

зонта. «Невозможно выразить ни кистью, ни словами особенную прелесть этихъ лѣтнихъ сѣверныхъ ночей: небо безоблачное, но на немъ ни одного свѣтила: ни солнца, ни звѣздъ, а между тѣмъ свѣтло, совершенно какъ днемъ, свѣтлѣе тѣхъ дней, когда небо покрыто облаками; а тутъ надъ вами голубое небо, передъ вами голубыя или серебристыя воды какой нибудь рѣки или озера и повсемѣстный свѣтъ безъ всякихъ тѣней: каждый предметъ одинаково освѣщается со всѣхъ сторонъ—и сверху и съ боковъ, какъ будто всѣ предметы сами свѣтятъ собственнымъ сіяніемъ, никуда не кидая отъ себя тѣни. Наконецъ на сѣверо-востокѣ небо еще свѣтлѣетъ, алѣетъ, и вотъ медленно выкатывается на горизонтъ красное солнце; оно свѣтитъ сначала такъ осторожно, ласково, что можете прямо поглядѣть на него, не опасаясь повредить себѣ зрѣніе; но уже и при этомъ румяномъ свѣтѣ утра просыпается природа, заснувшая на короткое время при такомъ же румяномъ свѣтѣ вечера» (С. Барановскій).

Вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ полюсомъ климатъ Финляндіи вообще довольно суровъ, но мягче, чѣмъ въ русскихъ губерніяхъ, лежащихъ подъ одной съ нею широтою, что объясняется умѣряющимъ вліяніемъ Балтійскаго моря, общимъ наклономъ страны къ югу и юго-западу на встрѣчу теплымъ вѣтрамъ и тою защитой, какую даетъ хребетъ Маан-

сельке отъ холодныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Вслѣдствіе обширнаго протяженія Финляндіи съ сѣвера на югъ ея годовая температура представляетъ замѣтныя колебанія (+5⁰ на Аландскихъ островахъ,—2,5⁰ въ Лапландіи), но средняя годовая температура всего края значительно выше нуля (+2,5⁰Ц). Такая сравнительно высокая средняя годовая температура Финляндіи обусловливается не столько лѣтними жарами, сколько мягкостью зимъ: лѣто въ Финляндіи такое же, какъ въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой, но зима гораздо теплѣе—въ Улеаборгѣ такая же, какъ въ Саратовѣ, а въ Гельсингфорсѣ, какъ въ Астрахани. Но если зима въ Финляндіи сравнительно теплая, зато лѣтомъ иногда цѣлый край страдаетъ отъ холодовъ, что обыкновенно бываетъ, если лѣто случится дождливое; особенно сильно вредятъ полямъ утренники, иногда сразу уничтожающіе всѣ надежды земледѣльца. Ученые объясняютъ эти утренники вліяніемъ болотъ, надъ которыми по ночамъ поднимаются холодные туманы. Осушеніе болотъ, надъ которымъ финны дѣятельно работаютъ, несомнѣнно оказываетъ смягчающее вліяніе на климатъ, но болотъ въ Финляндіи такъ много, что борьба съ ними не скоро кончится.

Особенности климата Финляндіи и качества ея почвы обусловливаютъ собою однообразіе и бѣдность ея растительности. Различныхъ видовъ растеній въ Финляндіи меньше,

чѣмъ въ Швеціи и область распространенія этихъ видовъ гораздо ограниченнѣе. Такъ, напр., дубы, которые хорошо растутъ на западномъ берегу Скандинавскаго полуострова, въ Финляндіи могутъ жить только у самыхъ береговъ Финскаго залива. Вишневое дерево уже не приноситъ плодовъ сѣвернѣе города Вазы; точно также и яблоня въ Улеаборгской губерніи только цвѣтетъ, но не даетъ плода. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ гранитная почва не обнажена, а покрыта песчаными или глинистыми слоями, растутъ хорошо травы, а изъ деревьевъ ель, сосна и отчасти береза. Изъ этихъ деревьевъ и состоятъ лѣса Финляндіи, занимающіе болѣе половины всей ея поверхности и являющіеся главнымъ богатствомъ страны и главнымъ предметомъ вывоза. Изъ хлѣбныхъ растеній въ Финляндіи пшеница разводится только на самомъ югѣ, овесъ вызрѣваетъ въ окрестностяхъ Улеаборга, рожь верстъ на двѣсти сѣвернѣе полярнаго круга, а ячмень еще дальше. Картофель очень распространенъ почти во всей Финляндіи; его съ успѣхомъ разводятъ даже въ окрестностяхъ озера Энаре.

Животный міръ Финляндіи, ея звѣри, птицы, пресмыкающіяся, рыбы, насѣкомыя—тѣже, что и въ сосѣднихъ губерніяхъ Европейской Россіи. Прежде животный міръ Финляндіи былъ нѣсколько богаче: водились лоси, рѣчные бобры, но теперь эти животныя совершенно ис-

чезли; многочисленныя прежде куницы почти совсѣмъ вывелись. Хищные звѣри: медвѣди, волки, рыси, россомахи, лисицы здѣсь еще очень многочисленны и наносятъ значительный вредъ, истребляя домашнихъ животныхъ. Разныхъ породъ птицъ въ Финляндіи насчитываютъ 211 видовъ: изъ нихъ рябчикъ, бѣлая куропатка, глухарь, тетеревъ не покидаютъ круглый годъ здѣшнихъ лѣсовъ, а жаворонокъ, ласточка, лебедь, скворецъ, дроздъ и другія мелкія пѣвчія птицы прилетаютъ сюда только на лѣтнее время.

IV.

Такъ какъ Финляндія занимаетъ обширное пространство, то, конечно, характеръ природы отдѣльныхъ мѣстностей этой области имѣетъ свои особенности. На крайнемъ сѣверѣ Финляндіи природа крайне бѣдна и сурова. Около озера Энаре показываются послѣдніе хвойные лѣса, рѣдкіе и малорослые, а дальше виднѣются либо голыя скалы, либо разстилаются необозримыя тундры, поросшія мхомъ и лишаями. Растущій здѣсь исландскій мохъ составляетъ лакомую пищу сѣвернаго оленя; за недостаткомъ хлѣба, питаются этимъ мохомъ и люди и готовятъ изъ него различныя кушанья, уничтоживъ предварительно его горечь. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что мохъ этотъ легко переваримъ, питателенъ и, какъ подспорье къ хлѣбу, несравненно лучше со-

сновой коры и даже грибовъ. Лѣсъ, луга и клочки пашни, на которой можетъ вызрѣвать только ячмень, являются на сѣверѣ лишь въ видѣ исключенія вдоль нѣкоторыхъ рѣчныхъ долинъ, хорошо защищенныхъ отъ губительныхъ холодныхъ вѣтровъ. Южнѣе, въ области рѣкъ Торнео и Кеми, начинаются густые хвойные лѣса, сильно, впрочемъ, истребляемые.

Западная часть средней Финляндіи, прилегающая къ Ботническому заливу, представляетъ обширную равнину, орашаемую множествомъ рѣкъ и рѣчекъ, бѣгущихъ въ море. Долины этихъ рѣчекъ плодородны и хорошо родятъ извѣстную вазасскую рожь; рѣчныя долины отдѣляются одна отъ другой низкими водораздѣлами, покрытыми мелколѣсьемъ, мхами или песками. Къ востоку отъ этой мѣстности почти вездѣ тянутся высокіе песчанные холмы, между которыми залегаютъ множество болотъ и озеръ. Почва камениста, но покрыта мѣстами тонкимъ растительнымъ слоемъ, на которомъ хорошо растутъ травы и посѣвы, впрочемъ, послѣдніе встрѣчаются обыкновенно только на скатахъ холмовъ. Долины покрыты густыми березовыми лѣсами, быстро вырастающими послѣ пожоговъ. Ближе къ Ладогѣ болѣе выступаютъ наружу гранитныя скалы, а внутри Выборгской губерніи часто встрѣчаются безлѣсные, усѣянные грудами камней холмы, и небольшія, иногда болотистыя долины, поросшія молодымъ березнякомъ.

То же постоянное чередованіе холмовъ и долинъ наблюдается и въ Тавастландѣ. Лѣса здѣсь преобладаютъ хвойные, но въ общемъ здѣсь климатъ мягче, растительность богаче, чаще встрѣчаются воздѣланныя пространства. Еще мягче климатъ и разнообразнѣе растительность на крайнемъ юго-западѣ Финляндіи. Здѣсь въ лѣсахъ встрѣчаются въ дикомъ состояніи дубъ, липа, ясень, кленъ и вязъ—породы, которыя въ другихъ мѣстахъ края растутъ только въ садахъ. Почва здѣсь не особенно плодородна, но хорошо обработана; часто встрѣчаются богатыя крестьянскія и господскія усадьбы съ фруктовыми садами и цвѣтниками, хорошо воздѣланныя поля, луга съ кормовыми травами и прекрасно содержимые лѣса. Но все это расположено на очень небольшомъ пространствѣ сравнительно съ площадью остальной Финляндіи. Невысокіе холмы, покрытые сосновымъ лѣсомъ, сквозь который сѣрѣютъ скалы и камни, клочки посѣва съ однимъ или нѣсколькими дворами, по сосѣдству озеро съ извилистыми берегами, усѣянное группами островов, затѣмъ болото, поросшее грубой травой и уродливыми сосенками, затѣмъ опять озеро, лѣсистые холмы, гранитныя скалы—вотъ, что постоянно видитъ предъ собою путешественникъ почти вездѣ въ Финляндіи. Инымъ покажется это унылымъ и скучнымъ, но въ другихъ суровое величіе природы этой окраины Россіи вызывало чувства непод-

дѣльнаго восхищенія. Вотъ что говоритъ о Финляндіи извѣстный русскій путешественникъ, докторъ А. В. Елисѣевъ: «Надо самому видѣть всю своеобразную прелесть финляндской природы, гдѣ камни, вода и лѣса перемѣшаны между собою, образуя чудные ландшафты,—чтобы понять наши путевыя впечатлѣнія. Особенно прекрасны пейзажи Финляндіи, когда ихъ заливаютъ лучи заходящаго солнца. Мрачные хвойные лѣса тогда кажутся живыми, а ихъ отраженіе въ зеркальной поверхности озеръ—какимъ-то особымъ міромъ, глядящимъ изъ глубины воды. Дикія скалы, покрытыя лишь мохомъ, да лишаями, загораются золотымъ пурпуромъ и огнемъ, а тихія озера кажутся огромными зеркалами, вправленными въ рамку скалъ и лѣсовъ для того, чтобы отражать красоту неба и расцвѣченной солнцемъ страны. Еще волшебнѣе кажутся вечера и лунныя ночи на многочислен ныхъ порогахъ и водопадахъ, которыми такъ богата Финляндія,—эта страна порожистыхъ рѣкъ, каскадовъ и всѣхъ вообще произведеній камня и воды» [1]).

---

[1]) *Источники и пособія:* Э. Реклю „Земля и люди"; „Живоп. Россія", т. II, ч. I; „Финляндія" изд. подъ ред. Д. Протопопова; С. Мечъ „Финляндія"; К. Случевскій „По сѣверо-западу Россіи"; А. Елисѣевъ „По-бѣлу-свѣту" и др.

2.—Иматра.

С. Мечъ.

Поглядывая на верстовые столбы, я замѣтилъ, что мнѣ осталось до Иматры только 4 версты. Вдругъ слышу какой-то шумъ, несущійся изъ лѣсу справа. Шумъ этотъ совершенно такой-же, какой бываетъ въ сосновомъ лѣсу во время сильнаго вѣтра. «Не водопадъ ли?»—подумалъ я, но тотчасъ же разувѣрилъ себя, такъ какъ водопадъ, по моему, долженъ быть совсѣмъ не тамъ, откуда несется шумъ, да и не можетъ же быть, чтобы онъ слышался за 4 версты.

Однако шумъ этотъ все усиливался, сталъ уже напоминать голосъ моря во время бури, и только что я хотѣлъ просить остановиться, чтобы разрѣшить сомнѣніе, какъ изъ-за деревьевъ показалось огромное деревянное зданіе, и мой возница остановилъ лошадь. «Что такое?»—спрашиваю я совершенно смущенный и взволнованный. «Всѣ пріѣхаль!»—отвѣчаетъ тотъ. Оказалось, что цифры на верстовыхъ столбахъ означаютъ разстояніе до

ближайшей почтовой станціи «Ситоля», а вовсе не до водопада.

Подъѣзжаю къ гостиницѣ, вхожу. Здѣсь я умылся и переодѣлся, привелъ въ порядокъ мои дорожныя вещи, а самъ все прислушивался,—комната была полна грохотомъ водопада, который гдѣ-то тутъ, близко.

Вхожу въ большую общую залу. Тамъ нѣсколько пріѣзжихъ изъ Петербурга франтовъ усердно заняты ѣдой. Выхожу на террасу; вижу, сквозь деревья мелькаетъ что-то бѣлое, ревущее. Тутъ ужъ я со всѣхъ ногъ пустился по дорожкѣ къ бесѣдкѣ.

Рѣка Вуокса, выбравшись изъ этого гигантскаго сплетенія озеръ, изъ этого резервуара чистой, какъ слеза, воды, называемаго Саймой, течетъ, прозрачная и широкая, посреди лѣсовъ и бѣдныхъ финскихъ селеній. Безпрестанно заграждаютъ ее пороги, и вдругъ каменные пласты заставили течь рѣку на пространствѣ около $^1/_4$ версты по сильно наклоненной щели, шаговъ въ 50 шириной, стиснувъ ея свѣтлыя воды чудовищными черными глыбами гранита. Рѣка съ бѣшенымъ ревомъ устремляется въ эту тѣснину, прыгаетъ и воетъ какъ дикій звѣрь, высоко подбрасывая гребни волнъ и снопы брызгъ, вся бѣлая отъ пѣны, сверкая красками радуги, обдавая дождемъ береговыя скалы. Какихъ только звуковъ не слышишь въ этой дикой музыкѣ: тутъ и громъ, и вой, и плачъ, и шумъ лѣса, и стоны.

Такова Иматра. Это не водопадъ; это—порогъ, но другого такого порога, конечно, нѣтъ на свѣтѣ. Черезъ знаменитые Днѣпровскіе пороги искусный лоцманъ можетъ провести нагруженную барку, но сохрани Богъ попасть лодкѣ въ это теченіе, столь быстрое, что голова кружится при его видѣ. Большая ель, брошенная въ Иматру, моментально и навѣки исчезаетъ въ ея неизвѣданной глубинѣ.

Всѣ говорятъ, что видъ на Иматру лучше съ другой стороны, противоположной гостиницѣ. Перебраться туда можно очень скоро, но страшновато [1]). Дѣло въ томъ, что черезъ рѣку, черезъ грохочущія стремнины водопада, перекинутъ, высоко надъ ними, проволочный канатъ, и на немъ виситъ легкая тростниковая корзина. Въ корзинѣ стоятъ два плетеные стула. Работникъ вертитъ на берегу деревянный валъ, и корзина скользитъ на двухъ блокахъ вдоль по канату, который при этомъ страшно изгибается внизъ. Я все ждалъ, не отправится ли кто изъ пріѣзжихъ франтовъ въ этой корзинѣ на ту сторону, но никто не рѣшился. «Дѣлать нечего,—думаю,—надо отправиться самому». Осмотрѣлъ способъ укрѣпленія каната на берегу: вижу—вбитъ въ гранитную глыбу желѣзный болтъ и къ нему привязанъ канатъ. Потомъ этотъ канатъ пере-

---

[1]) Теперь черезъ Иматру перекинутъ мостъ.

Составитель.

кинутъ черезъ деревянную перекладину на столбахъ и идетъ на другой берегъ. Осмотрѣлъ корзину: кажется, прочная. Попробовалъ рукой: качается изъ стороны въ сторону, что твоя качель. «Что,—думаю,—какъ голова закружится?»... Но изъ корзины упасть нельзя: дверцы можно задвинуть и сиди себѣ тамъ. Если сдѣлается дурно, упадешь на дно, но не на дно Иматры, а на дно корзины. Отправлюсь!

Купилъ билетъ, заплативъ за него около двухъ марокъ, и пошелъ къ корзинѣ. Жду. Сердце бьется неровно. Страшно. А Иматра прыгаетъ, воетъ и веселится внизу и лижетъ, «голодной волной» почернѣвшія скалы.

Вижу спускается по лѣстницѣ работникъ. Я посмотрѣлъ на него, какъ на палача, и молча сѣлъ въ свой странный экипажъ. Проходитъ минутъ пять, а мнѣ кажется, что это цѣлыхъ полъ часа. Работникъ медлитъ, прилаживаетъ спутавшіеся веревки. «Не выйти ли,—думаю,—назадъ?».

Но вотъ корзина закачалась, и я повисъ надъ стремниной... Оказалось, впрочемъ, что ожиданіе страха страшнѣе самого страха, и я довольно спокойно взглянулъ на прыгающія волны. Только дѣлать это нельзя безнаказанно,—голова сейчасъ начинаетъ кружиться. Поэтому я старался смотрѣть на лѣсистые берега рѣкъ. А корзина нѣтъ—нѣтъ да и остановится,

и виситъ, покачиваясь на изогнувшемся канатѣ.

Минутъ черезъ пять я вышелъ на берегъ. Дѣйствительно, если сойти немного внизъ по рѣкѣ и стать на камни какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ на противоположномъ берегу сдѣлана бесѣдка въ видѣ навѣса на столбѣ, то здѣсь водопадъ гораздо грандіознѣе. Главный напоръ и бѣшенство волнъ—здѣсь, у васъ подъ ногами. Въ двухъ шагахъ отъ васъ, изъ нѣдръ быстро несущейся рѣки вырываются блестящія массы крупныхъ брызгъ и взлетаютъ, блестя на солнцѣ; вы чувствуете, какъ мелкій дождь орошаетъ ваше лицо и руки. Здѣсь рѣка дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы вырваться изъ тѣснины и потомъ, поднимаясь огромными волнами, разливается по болѣе широкому и спокойному мѣсту.

Долго стоялъ я на влажныхъ, черныхъ камняхъ, не отрывая глазъ отъ величественной картины, которую, вѣроятно, уже не увижу никогда. Солнце ярко сіяло на безоблачномъ небѣ. Высокія сосны и березы стояли не шевелясь. Тысячи муравьевъ копошились подъ ногами. Но всѣ звуки были поглощены, подавлены немолчнымъ, оглушительнымъ шумомъ воды. Какой-то тонкій, тонкій звукъ, весьма похожій на непрерывный трескъ кузнечиковъ, одинъ ярко выдѣлялся въ этомъ концертѣ. Я вначалѣ такъ и принялъ его за стрекотаніе насѣкомыхъ, но скоро понялъ,

что его производятъ милліоны лопающихся водяныхъ пузырьковъ, въ которые превратилась здѣсь рѣка.

Назадъ пустился я уже безъ страха, но забылъ задвинуть дверцу корзины, въ чемъ дорогой и пришлось раскаяться: сквозь нее была видна рѣка внизу, и глаза невольно взглядывали туда, какъ я ни старался смотрѣть въ другую сторону. Я чувствовалъ все усиливавшееся головокруженіе и не имѣлъ силы задвинуть дверцу. Однако-жъ, все обошлось благополучно, и я остался цѣлъ и невредимъ.

3. — Сайменскій каналъ.

М. В. Овчинниковъ.

Выборгская бухта представляетъ довольно оживленный видъ. По всѣмъ направленіямъ снуютъ суда и лодки; всюду движеніе; но народу какъ-то не слышно. Все дѣлается молча, безъ крика, неизбѣжнаго у насъ всюду, гдѣ толкотня. Погода стояла очень благопріятная для выхода въ море. Подулъ легкій сѣверо-восточный вѣтерокъ; суда стали сниматься съ якорей, поставили паруса, и стали выходить изъ залива.

Нашъ пароходъ отвалилъ ровно въ 8 часовъ, съ аккуратностью нѣмца.

При входѣ въ каналъ приходится проходить мимо желѣзнодорожнаго моста. Разводная часть этого моста не отводится въ сторону, какъ у Николаевскаго, у насъ въ Петербургѣ, а сдвигается на берегъ съ помощію колесъ и рельсовъ и скрывается въ тоннелѣ подъ землю. Этой-же системы всѣ мосты чрезъ Сайменскій каналъ.

Но вотъ наконецъ и каналъ. Первое его

колѣно, соединяющее бухту съ небольшимъ озеромъ, имѣетъ въ длину сажень 50, и настолько узко, что два судна и не разойдутся.

Изъ узкаго канала мы въѣхали въ довольно широкое озеро, и намъ открылись давно ожидаемые финляндскіе виды. Берега озера очень гористы и покрыты хвойнымъ лѣсомъ; только мѣстами видны прогалины, и выглядываютъ дачки изъ лѣсной чащи: Онѣ, какъ гнѣздышки, пріютились среди скалъ и лѣсовъ. На западномъ берегу виднѣется башня большой дачи, а сама дача исчезла въ лѣсу. Озеро покрыто каменными островами.

Минуя озеро, пароходъ входитъ въ первый шлюзъ. Здѣсь только трое воротъ, и подъемъ судна происходитъ футовъ на 15 въ два уступа. Каналъ высѣченъ въ высокомъ скалистомъ берегу озера. Когда нашъ пароходъ вошелъ въ первые отворенные ворота, то по обѣ стороны насъ возвышались скалистые берега канала выше сажени. А впереди вторыя ворота, за которыми стѣна воды. Первыя ворота за нами затворились (они на уровнѣ озера); — а впереди насъ, во 2-хъ воротахъ, снизу открыли два шлюза—родъ форточки, величиною въ квадратный аршинъ. Открываются они снизу вверхъ помощью зубчатыхъ колесъ и длиннаго стержня; ихъ приводитъ въ движеніе одинъ человѣкъ. Вода съ страшнымъ ревомъ хлынула въ проходъ между первыми и вторыми воротами, и нашъ

пароходъ плавно сталъ подниматься, благодаря тому, что, по мѣрѣ подъема парохода, матросы постепенно укорачивали снасти, которыми онъ былъ причаленъ. Иначе, онъ раскачался бы до того, что могъ бы черпнуть бортами и быть залитымъ. Уровень воды въ проходѣ все возвышался и возвышался, и наконецъ въ обоихъ проходахъ вода встала на одинаковый уровень. Тогда вторыя ворота отворили, и пароходъ прошелъ къ третьимъ воротамъ, т. е. во второй проходъ.

Вторыя ворота затворяются, а въ третьихъ поднимаются шлюзы, и такимъ-же образомъ вода переходитъ въ проходъ и сравнивается съ уровнемъ верхняго уступа канала. Затѣмъ затворяются третьи ворота, и пароходъ входитъ въ верхнюю террасу канала.

Нужно замѣтить, что ворота въ шлюзахъ отворяются вверхъ противъ теченія воды въ каналѣ; слѣдовательно, они затворяются еще плотнѣе естественнымъ напоромъ воды, и могутъ быть отворены только тогда, когда уровень воды въ сосѣднихъ отдѣленіяхъ канала одинаковъ.

Тотчасъ за шлюзами каналъ дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверъ и вступаетъ въ проходъ между скалъ, покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ, а потомъ входитъ опять въ озеро и т. д. Такимъ образомъ, вы видите, что это не непрерывный каналъ, а цѣпь озеръ, соединенныхъ каналами. Длина всей системы отъ Сай-

мы до Выборга $54^1/_2$ версты; собственно же каналъ—32 версты; остальное пространство ($22^1/_2$ версты) составляютъ озера, вошедшія въ систему. Главное направленіе канала съ С. на Ю., по долинѣ рѣки Сос-кюонъ-іокки, которую онъ пересѣкаетъ нѣсколько разъ. Каналъ часто уклоняется отъ долины въ сосѣднія озера. Озера эти расположены террасами одно надъ другимъ,—поэтому и понадобились шлюзы для поднятія и опусканія уровня воды. Они обыкновенно устраиваются при выходѣ канала изъ озера и при входѣ въ него.

Но для того, чтобы вода въ каналѣ не убывала, отъ него идутъ боковыя вѣтви въ сосѣднія озера и рѣчки, служащія для него питомниками. Всѣхъ шлюзовъ въ каналѣ 28. Они поднимаютъ воду на протяженіи всего канала на 250 футъ; Это видно изъ того, что озеро Сайма лежитъ выше уровня Финскаго залива на такую же высоту.

Сайменскій каналъ построенъ шведскимъ инженеромъ Эриксономъ въ продолженіи 11 лѣтъ (отъ 1845 до 1856 г.) и обошелся въ три милліона рублей. Если принять во вниманіе, что каналъ пришлось высѣкать въ гранитныхъ скалахъ, нерѣдко глубиною въ 10 саженъ,—то этотъ срокъ не покажется длиннымъ,—цѣна же баснословно дешева. Гранитныя скалы разрывались порохомъ. Берега канала обдѣланы гранитомъ, что напомнило

намъ гранитную набережную Невы. Бичевникъ по каналу устроенъ изъ того же гранита.

На второй станціи отъ Выборга находятся самыя большія шлюзы.

Здѣсь судно поднимается вверхъ футъ на 30, съ помощію 4-хъ шлюзовъ; вся эта операція продолжается 20 минутъ.

Мы воспользовались этимъ временемъ и отправились въ горы.

Чудный видъ представляется съ горы.

Передъ нами панорама, хотя не далекая, но красивая. Съ одной стороны шлюзы, и цѣлый рядъ судовъ ждетъ своей очереди; а дальше, раскинулся широкій плёсъ озера съ высокими зелеными берегами. Съ другой, противополомной стороны—горы, покрытыя лѣсомъ,—а тамъ, еще дальше, обнаженная вершина новой горы, голые бока которой настолько вывѣтрились, что обратились въ дресву и песокъ.

Наконецъ, мы опять на пароходѣ, и къ тремъ часамъ дня причалили къ станціи, откуда дорога на Иматру идетъ сухимъ путемъ (32 версты).

Прежде чѣмъ разстаться съ Сайменскимъ каналомъ, скажемъ о немъ еще нѣсколько словъ. Каналъ этотъ, безспорно, имѣетъ громадное значеніе. Съ прорытіемъ его открылся водный путь болѣе чѣмъ на 1000 верстъ, считая отъ сѣвернаго берега озера Саймы, чрезъ

Выборгъ на Петербургъ. Главное его значеніе состоитъ въ сплавѣ лѣса. Какъ извѣстно, лѣса составляютъ главное богатство Финляндіи, особенно внутренней части ея. Всѣ горы, окружающія оз. Сайму съ его безчисленными полуостровами и островами, покрыты хвойнымъ лѣсомъ, который, съ прорытіемъ канала, получилъ сбытъ за границу.

4.—Первый морозъ.

П. Пэйверинтъ.

Была средина августа. Мнѣ понадобилось по дѣламъ отправиться въ одну изъ самыхъ глухихъ мѣстностей Финляндіи, еще не прорѣзанныхъ дорогами. Пришлось итти поневолѣ пѣшкомъ. Разъ, такъ пробираясь, я подъ вечеръ наткнулся на покачнувшійся отъ ветхости крестьянскій «дворъ». Войдя въ домъ, я, послѣ обычныхъ привѣтствій, попросилъ у хозяевъ ночлега. Отказа, конечно, не было. Въ домикѣ я засталъ слѣпого старика, старуху и нѣсколько ребятишекъ, еще не вышедшихъ изъ «безштатнаго» возраста. Старики, очевидно, были дѣдушкой и бабушкой, и первый изъ нихъ пользовался, повидимому, самой горячей привязанностью своихъ внучатъ. То и дѣло дѣти вскакивали къ нему на колѣни, трепали его сѣдые волосы и бороду, гладили и цѣловали его морщинистое лицо.

Разговоръ между мною и старикомъ начался съ обычныхъ разспросовъ: кто я, откуда,

зачѣмъ? потомъ сдѣлался нѣсколько оживленнѣе.

— Вы живете здѣсь постоянно?—спрашиваю я.

— Постоянно.

— Домику-то у васъ, поди, стукнуло не мало лѣтъ?

— Да, почитай, лѣтъ сотня,—еще покойный отецъ строилъ.

— Ну, и вамъ пришлось здѣсь довольно поработать?

— Всего бывало... Казалось, слѣдовало бы дойти до чего-нибудь хорошаго!—Оно, пожалуй, такъ бы и было, если бы подъ бокомъ не было недобраго гостя—мороза. Морозъ, нѣтъ-нѣтъ, да и заглянетъ не впору, такъ и прощай все, не то, что у сосѣдей. Къ нимъ ходитъ онъ, да все-таки рѣже; а у насъ вся бѣда въ томъ, что б бокъ—болото. Съ такимъ сосѣдомъ нашему двору въ одиночку то и не подъ силу! Пока не осушимъ болота,-все будетъ, какъ было: морозъ останется у насъ частымъ гостемъ.

Дѣдъ проговорилъ это, видимо сильно озабоченный своими словами.

Погода стояла дѣйствительно холодная; весь день дула крѣпкая сиверка.

— Когда шли сюда, вѣтеръ былъ съ полуночи?—обратился ко мнѣ дѣдъ.

— Да, съ сѣвера; но, кажется, какъ будто начинало теплѣть.

— О, кабы такъ!—и старикъ глубоко вздохнулъ.

— У васъ семья большая?—спрашиваю я послѣ короткаго молчанія.

— Въ живыхъ четыре сына.

— И всѣ женаты?

— Трое, да одинъ еще холостъ.

— Гдѣ жъ они?

— Новь поднимаютъ, корчуютъ и жгутъ пни.

— Къ ночи вернутся, конечно?

— О, вернутся! вчера еще ушли!

— А невѣстки гдѣ?—съ дѣтьми?

— Да, тамъ же, вмѣстѣ на работѣ.

Мнѣ хотѣлось продолжать свои разспросы, но односложные отвѣты способны были отбить всякую охоту. Старикъ очевидно былъ не въ духѣ; какая-нибудь тяжелая забота лежала у него на сердцѣ. Тутъ ужъ, понятно, не до болтовни! Впрочемъ, дѣлаю еще попытку.

— А въ жизни-то, пожалуй, пришлось вамъ испытать много?

— Всего было вдоволь! Господь Богъ посылаетъ испытанія, но Онъ милосердъ и не покидаетъ вовѣки!—прибавилъ дѣдъ какимъ-то особенно торжественнымъ голосомъ.

Мнѣ показалось сразу, что эти слова не его; дѣйствительно, я припомнилъ, что это одно мѣсто изъ стихотворенія «Крестьянинъ Паво» Рутндерга, и съ живостью обратился къ старику:

— Откуда вы взяли эти слова: изъ книги или слышали гдѣ?

— Угадали... Мой сынъ Матти выроетъ книгу изъ-подъ земли, если нужно. Онъ-то все и читаетъ мнѣ на досугѣ! О, въ Матти вся моя радость! Много хорошихъ часовъ даетъ онъ мнѣ, особенно, какъ примется за слово Божіе. Матти—мои глаза! Благословенъ же Господь, оставившій мнѣ слухъ!

— А вы ослѣпли давно?

— Лѣтъ съ десятокъ. Лучину щепалъ, и оскорёкъ попалъ въ глазъ; глазъ разболѣлся, потомъ отозвалось на другомъ,—такъ и ослѣпъ!

Молчаніе снова.

— Внучки-то, кажется, васъ очень любятъ?

— Любятъ, любятъ; да, по правдѣ, вѣдь и я ихъ люблю.

— Любовь была бы въ семьѣ, остальное—сполгоря. Хороша семья, гдѣ миръ да любовь!—замѣчаю я.

— Да, вѣрно!.. Мы вотъ счастливы: любимъ вмѣстѣ, горюемъ вмѣстѣ; а все мнѣ, какъ большаку въ семьѣ, потяжелѣе другихъ приходиться! Вотъ ужъ сколько лѣтъ у насъ сряду недородъ смѣняется недородомъ. Съ года на годъ приходится ѣсть одну кору, а нынѣшній годъ, пожалуй, выйдетъ еще хуже! Эрки Тинкель придетъ за долгомъ, и на уплату придется понатужиться... Можетъ-быть и удастся! Богъ милостивъ; жатва обѣщаетъ

добрый урожай... Только опять начинаетъ свѣжѣть, — вѣтеръ съ полночи! Ну, какъ морозъ, сохрани Господи, заглянетъ по-старому, — прощай все! Эрки Тинкель навѣрно не пощадитъ: продадутъ скотинку, а скотинка одно наше спасенiе въ тяжелую годину. Сведутъ ее со двора—умирай, да и только! Мало развѣ этого? Поневолѣ молчишь да горюешь!

Такъ говорилъ старикъ; между тѣмъ послышался шумъ въ сѣняхъ, и отворилась дверь: это возращались отсутствующiе члены семьи. Мнѣ захотѣлось со стороны, незамѣченнымъ сначала, приглядѣться ко всѣмъ моимъ хозяевамъ, подмѣтить ихъ взаимныя отношенiя. Это удалось, — стоило только отодвинуться поглубже въ уголъ, куда не проникалъ свѣтъ. Легко было все слышать и видѣть, оставаясь незамѣченнымъ.

«Брр!.. брр!..» послышалось изъ сѣней. Входятъ; каждый спѣшитъ поставить въ уголъ свою мотыку, сѣкиру; народъ все молодой, веселый...

Приглядимся сначала къ «глазамъ» старика, къ его Матти. Любитъ ли Матти отца, какъ тотъ его любитъ? Матти распозналъ я сразу. Рослый, свѣжiй юноша съ голубыми глазами, лѣтъ семнадцати, съ крайне прiятной и располагающей наружностью. Да, несомнѣнно, это былъ онъ, Матти! Живо сбросилъ онъ съ себя загрязненный кафтанъ и тотчасъ обратился къ старику. Съ какимъ-то особенно

сердечнымъ чувствомъ онъ сталъ обнимать его, въ то же время поглаживая рукой его сѣдые волосы.

— Что, сильно скучалъ, батюшка? Вѣдь два дня, какъ мы пропадали. Жаль, что ты не можешь читать,—все было бы веселѣе!

Старикъ еще не успѣлъ раскрыть рта, какъ Матти поспѣшилъ къ печкѣ и зажегъ лучину. Потомъ онъ поднялъ съ полу брошенный было имъ кафтанъ и сталъ опрастывать его карманы. Оказалась пачка газетъ. Съ ними въ рукахъ, онъ опять подошелъ къ старику:

— Смотри, у насъ опять есть что читать! Хочешь, прочту новые стихи: «Пиръ крестьянина»? Знаю, что они придутся тебѣ по сердцу,—слушай же!..

«Только начнется недѣля, котомку за спину и въ лѣсъ, принимайся за пни... Какъ поработаешь досыта, то-то весело и спокойно на сердцѣ и сладокъ отдыхъ у домашняго очага! Мызыка у меня своя: птички поютъ около хаты; хоръ имъ подтягиваетъ; это—боръ сосновый на задворкахъ; захочется попировать,—ручей подставляетъ мнѣ свою струю, а явства—хлѣбъ, правда, съ корой, да все-таки недурной, право!..»

«Но какъ постучиться подъ окно сердитый морозъ, какъ тяжело вдругъ станетъ на сердцѣ! Вотъ онъ ужъ задушилъ мою золотистую ниву: колосья ржи повисли безсильно! О, горько, какъ горько, какъ голодъ придетъ

въ семью! Ну, какъ не позавидовать тѣмъ счастливцамъ, которымъ нѣтъ дѣла до крохотнаго зернышка, брошеннаго въ борозду,—не то, что мы! Вотъ, напримѣръ, ко мнѣ, хоть и не урожай, а придетъ кредиторъ и потребуетъ уплаты своего долга полною мѣрой!»

Пока читалъ Матти, я приглядывался къ старику. Лицо его то и дѣло мѣняло свое выраженіе, какъ будто ему хотѣлось выжать изъ глазъ хоть одну слезинку; онъ морщился, морщился, а все не удавалось; вмѣстѣ съ свѣтомъ изсякъ у него и источникъ слезъ,—слезъ не было больше! Правда и то, пѣснь была не изъ тѣхъ, которыя успокоиваютъ наболѣвшее сердце... Послѣ нея, напротивъ, становится тяжелѣе на душѣ. Этого Матти и не замѣчалъ въ своемъ юношескомъ увлеченіи. Онъ только одно зналъ: пѣсня говорила о той же заботѣ, что была и у нихъ на очереди.

— Въ какой книжкѣ это написано? — спрашиваетъ, наконецъ, старикъ.

— А вотъ въ этой газетѣ: «Улеоборгскій еженедѣльникъ»,—отвѣтилъ Матти.—Ночью, только-что отработали, какъ я во весь духъ, да въ деревню, и отъ Гейки Матыля выпросилъ газету, чуть ли не за цѣлый годъ!

Глаза Матти при этихъ словахъ такъ и засвѣтились радостью.

— А пѣснь-то чья?

— Господь знаетъ,—не подписано.

— Кто бы ни написалъ, только онъ знаетъ наше горе и не наобумъ пишетъ. Вотъ и у меня на душѣ такая же пѣснь.

И старикъ впалъ въ тяжелое раздумье. Между тѣмъ остальные члены семьи были заняты каждый своимъ дѣломъ; одни снимали мокрую одежду и развѣшивали ее передъ огнемъ, другіе вытаскивали изъ своихъ кошелокъ соль, маслянки и ставили ихъ на столъ. Жены принялись кормить грудью своихъ ребятишекъ.

— Ну, а какъ рожь? много подвинулась?— спросилъ, наконецъ, старикъ, какъ будто очнувшись отъ своего забытья.

— Порядкомъ... недѣльки черезъ двѣ можно и жать! Рожь сильна! колосья такъ и гнутся. Если морозъ ея не убьетъ, такъ и съ Эрки Тинкелемъ разочтемся, да и чистаго хлѣба будетъ вдосталь.

— И газету свою випишемъ,—вмѣшивается живо Матти, притуливаясь къ отцу и поглаживая его волосы и бороду.

— Двѣ выпишемъ, если одной мало!—отвѣчаетъ старикъ, силясь улыбнуться на слова своего любимца; потомъ опять потупился. Видно, что радостное чувство блеснуло и погасло вслѣдъ за своимъ появленіемъ. Забота, плодъ горькаго опыта, снова заняла свое насиженное мѣсто.

Долго всѣ молчали, потомъ опять заговорили.... а старикъ:

— Ну, дѣтки, а какъ да морозъ, что тогда дѣлать... что будемъ ѣсть?

— Мы, батюшка, поспѣвшіе колосья сняли, боясь мороза; сняли столько, что зерна хватитъ на цѣлый посѣвъ. Хорошо ли сдѣлали? Ты самъ-то намъ объ этомъ не наказывалъ!— обратился къ отцу одинъ изъ молодцовъ.

— Ничего, хорошо! у меня и изъ головы было вонъ,—думалъ, время теплое. Слава Богу, теперь хоть посѣвъ обезпеченъ.

Въ это время замѣтили и мое присутствіе. Познакомились. Разговоръ сдѣлался общимъ. Всѣ жаждали новостей,—спрашивали, что въ общинѣ, въ сеймѣ. Особенно волновался Матти. Онъ подсѣлъ ко мнѣ всѣхъ ближе, глоталъ каждое мое слово, вставлялъ свое, и всегда удачно. Онъ не походилъ на другихъ братьевъ; все, чего не понималъ, добивался уяснять себѣ тутъ же. Очевидно, онъ былъ развитѣе своихъ братьевъ, хотя и тѣ были по-своему далеко не глупы; только одна книга, очевидно, не составляла для нихъ насущной потребности, какъ для Матти.

Подошло время ужина; всѣ столпились около стола, а для меня накрыли особый столикъ въ другомъ углу. Я не могъ отговориться. Какая рѣдкая деликатность въ гостепріимствѣ бѣдняка! Поужинали. На всѣхъ лицахъ появилось утомленіе. Израсходованныя силы заявляли свои права. Семья другъ за другомъ расходилась по своимъ кроватямъ.

Скоро стало раздаваться всхрапыванье то изъ одного, то изъ другого угла. Мнѣ постлали постель въ отдѣльной избѣ. Наступило царство сна и покоя.

Дурная привычка не спать долго по ночамъ! У меня она была развита сильно. Лежишь, бывало, а прожитое днемъ мелькаетъ вновь передъ глазами; думы роятся,—отъ нихъ долго, долго, бывало, не отдѣлаешься. Въ эту ночь очередь была за моими хозяевами: ихъ заботы становились словно и моими заботами.

Что-то морозъ? Неужели онъ побьетъ и жатву и всѣ надежды и мечты семьи? Неужели пылкой жаждѣ знанія у Матти суждено заглохнуть въ тяжкой житейской нуждѣ? Горе побѣжденнымъ! Матти не выпишетъ своей газеты, его юношескія мечты не осуществятся, голодъ поселится въ хатѣ, злой Эрки Тинкель сведетъ послѣднюю корову. Будь еще у нихъ знаніе, сумѣли бы кое-какъ справиться... Вотъ только вздумай осушить болото—морозъ взглядывалъ бы рѣже, на мѣстѣ болота посѣяли бы кормовыя травы, можно бы завести побольше скота и перестали бы разсчитывать на одинъ зерновой хлѣбъ, то и дѣло побиваемый морозомъ. Старикъ былъ бы менѣе озабоченъ, а то сколько страданій и горя! Правда, несокрушимое ничѣмъ упрямство—эта наша народная черта! Благодаря упрямству, мы не мало выдержали

борьбы; но лучше, если бы тутъ же рядомъ стала и сила знанія.

А теперь? Мнѣ не хотѣлось вѣрить, чтобы морозъ не пощадилъ столько надеждъ и столько чаяній! Всѣ вѣдь далеки отъ этой мысли, только одинъ старикъ опасается худшаго. Мнѣ казалось, что Провидѣніе все-таки сжалится, и что морозъ самъ отступитъ въ ужасѣ отъ послѣдствій, которыя онъ поведетъ за собою! Такъ мнѣ думалось, пока глаза не закрылись въ легкой дремѣ. Я заснулъ какъ будто.

Я замѣчалъ, что сны дѣйствительно идутъ всегда однимъ и тѣмъ же путемъ. Мысль и воображеніе продолжаютъ и во снѣ свою работу, только образы во снѣ еще ярче и живѣе, чѣмъ наяву...

Мнѣ снилась та же августовская ночь, съ тѣмъ же яснымъ небомъ. Густо заросшая нива еще гордо высила свои колосья... но, казалось, чего-то ждала тревожно; какъ будто слезы скатывались по стеблямъ и падали на землю. Тихо, такъ тихо кругомъ, а дышалось все тяжелѣе и тяжелѣе. Не даромъ пахло въ воздухѣ,—чуяло бѣду сердцѣ. И вотъ за горой, на сѣверѣ, показалось кроткое лицо мѣсяца; дальше, о бокъ съ нимъ, я увидалъ высокаго сѣдого старика... Онъ былъ съ большую сосну ростомъ, бѣлый какъ снѣгъ; ледяной плащъ спускался съ его плечъ, а у плаща рукава и полы убраны серебристыми блест-

ками; широкая бѣлая борода спускалась до колѣнъ, а борода и брови сверкали ледяными иглами; ледяные рукавицы и сапоги дополняли нарядъ. Старикъ шелъ рука объ руку съ мѣсяцемъ, не отставая; когда они проходили мимо меня, долетѣло и ко мнѣ нѣсколько словъ:

— Не ходи за мной,—проговорилъ тихо мѣсяцъ,—довольно зла, довольно! Люди ждутъ тебя съ ужасомъ. Посмотри отсюда, сколько страданья на ихъ лицахъ! Они знаютъ тебя.

— Нѣтъ мнѣ дѣла до ихъ слезъ, до ихъ страданій!—ворчалъ роковой старикъ.—Не мѣшай мнѣ дѣлать свое дѣло. Я братъ сѣвера; теперь наша пора.

— Ну, такъ иди дальше на сѣверъ! Тамъ холодъ, тамъ нѣтъ людей, однѣ скалы кругомъ!—не принесешь туда ни горя, ни страданій, а сюда еще успѣешь вернуться. Обожди немного, найдешь еще работу: сковать моря и озера, сдержать ручьи въ своихъ объятіяхъ, одѣть все своимъ ледянымъ покровомъ и успокоить землю и болота,—развѣ этого мало для тебя?

Такъ молилъ добрый мѣсяцъ упрямаго рокового старца.

— Нѣтъ, сказалъ ужъ, что нѣтъ!—отвѣчалъ тотъ упрямо.—Такъ наказалъ мнѣ старшій братъ, я иду первый, а онъ за мной. Онъ знаетъ свое время и свое мѣсто. Нынѣшнею

ночью моя первая прогулка! Нельзя сворачивать съ дороги.

Громко говорилъ старикъ, и вотъ встряхнулъ онъ своими покровами. Съ нихъ посыпались миріады искръ инея, закружившихся кругомъ въ бѣшеной пляскѣ, и стужею пахнуло на меня. Я тоже хотѣлъ замолвить слово старику: «Уходи, не приноси за собой скорби!» но упрямецъ ничего не хотѣлъ слышать и шелъ, тяжело ступая своими ногами, все дальше и дальше. Дошелъ онъ до домика, гдѣ ночевалъ я. «Уходи, не губи этой жатвы,—шепталъ я какимъ-то дѣтскимъ лепетомъ:—у Матти не будетъ газеты; слѣпой дѣдъ,—онъ много уже терпѣлъ на своемъ вѣку,—опять вынужденъ будетъ ѣсть хлѣбъ съ корой! Эрки Тинкель неумолимо потребуетъ уплаты долга,—вся семья впадетъ въ нищету!»

Но старикъ остался глухъ къ моему молитвенному лепету. Онъ приблизился къ самому двору, сильно встряхнулъ своей одеждою, нагнулся надъ нивой и дохнулъ на нее. Колосья испуганно встряхнулись, выпрямились, росинки превратились въ ледъ, стужа наполнила воздухъ, а бѣлый иней покрылъ землю.

О, Господи!—вскричалъ я громко, такъ громко, что проснулся отъ своего голоса. Какой тяжелый сонъ! Я весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и едва былъ въ состояніи двинуться съ мѣста.

Мои хозяева еще спали, солнце только-что поднималось... Неужели мои предчувствія оправдались?..

Вотъ взошло солнце; пора было мнѣ и въ путь. Посмотримъ, что на дворѣ. Я одѣлся и вышелъ. Кругомъ было все покрыто морознымъ инеемъ. У меня потемнѣло въ глазахъ и защемило сердце, и мнѣ приходилось на себѣ испытать борьбу съ морозомъ; я знаю его хорошо; морозъ этой ночи былъ такъ силенъ, что могъ добраться и до моего собственнаго поля; но, казалось въ эту минуту, бѣда моихъ хозяевъ была какъ будто ближе моему сердцу.

Печальный, я пошелъ въ поле. Рожь и картофель поникли своею листвой; стебли ихъ такъ застыли, что ломались въ рукахъ какъ стеклянные. Я взялъ нѣсколько колосьевъ и вернулся въ избу. Еще приближаясь къ домику, вижу—сѣни его отворены. Кто-то вышелъ изъ домика и спустился во дворъ. Это былъ слѣпой дѣдъ. Когда онъ дошелъ до средины двора, то опустился на колѣни и началъ ощупывать землю. Чуть только успѣлъ дотронуться, какъ отпрянулъ съ страшнымъ крикомъ: «О, Господи! все пропало».

Шатаясь, онъ вернулся къ крыльцу почти ползкомъ. Потомъ приподнялся и, придерживаясь стѣны, нащупалъ дверь избы. Незамѣтно я пошелъ за нимъ слѣдомъ. Дойдя до средины хаты, дѣдъ закричалъ раздирающимъ голосомъ:

—Дѣти, вставайте, что спите? Нашъ врагъ приходилъ въ эту ночь,—былъ и разорилъ все. Все, все—слышите?—все пошло прахомъ... и труды, и потъ нашъ, и наши расчеты,—все погибло!

Ударъ грома не могъ бы подѣйствовать сильнѣе этихъ словъ старика. Всѣ повскочили съ своихъ постелей и бросились торопливо одѣваться. Дѣти—и тѣ проснулись на шумъ, но никто не шелъ смотрѣть на поле; боялись оглянуться даже другъ на друга. Слова старика не нуждались въ повѣркѣ. Всѣ опустились по скамьямъ около стѣны въ какой-то нравственной истомѣ и безсиліи.

— Что будемъ теперь ѣсть?—проговорилъ старикъ.

— Бѣда съ недоимками!—вмѣшивается старшій братъ.

— А Эрки Тинкель?—отзывается другой.

— О, мои газеты!—сквозь слезы шепчетъ Матти.

— Хлѣба, дайте хлѣбца!—начинаютъ ревѣть проголодавшіяся дѣти.

— О, Господи, дѣти, невинныя дѣти! Какъ имъ придется страдать!..—и старикъ нѣжно обнималъ малютокъ.

— Богъ караетъ насъ!—раздался шопотъ старухи-бабушки.

— Да, Господь оставилъ насъ!—поддерживаетъ дѣдъ.

— Господь посылаетъ намъ испытанія, но

Онъ милосердъ и не покидаетъ насъ вовѣки! — вдругъ раздается твердый голосъ Матти. — Вспомните «Крестьянина Паво»! Онъ не впалъ въ унынiе, не будемъ и мы падать духомъ, попробуемъ гнать смолу, попытаемся перенести бѣду и обойдемся безъ своей газеты.

И всѣ лица вдругъ просвѣтлѣли; какъ изъ тучи блеснула своими лучами надежда.

Мнѣ мѣшать было нечего; я приготовился въ путь. Благодаря за радушный прiемъ, при прощаньѣ я успѣлъ шепнуть Матти, что онъ не останется безъ газеты, пусть только скажетъ какую, да не лѣнится ходить за ней въ приходъ, а газету я ему вышлю. Матти не зналъ, что и дѣлать отъ радости: бросился ко мнѣ на шею, жалъ руки и, наконецъ, вызвался быть моимъ проводникомъ. Выборъ газеты остановился на «Улеоборгскомъ еженедѣльномъ обозрѣнiи», къ которой онъ уже привыкъ.

Мы вышли вмѣстѣ. Его помощь оказалась далеко не лишней. Тропинки то и дѣло переплетались между собою. Матти провожалъ меня верстъ пять. Шли не торопясь. Много было матерiала для разговоровъ. Разстались мы какъ старые друзья и на прощанье крѣпко обнялись. Долго еще Матти оглядывался на меня, провожая глазами, пока я не скрылся изъ вида.

На пути я убѣдился, что морозъ захва

тилъ длинную и широкую полосу. Повсюду посѣвы были тронуты, картофель почернѣлъ, а сладковато-приторный запахъ отравлялъ окрестность. Пришлось вскорѣ услыхать, какъ много пострадало людей, мнѣ близкихъ; но между ними, повторяю, несчастіе слѣпого старика все-таки было мнѣ какъ будто ближе. Милый обликъ Матти долго нѣтъ-нѣтъ, бывало, да и встанетъ предъ моими глазами. Вернувшись домой, я спѣшилъ выполнить свое обѣщаніе—выслать Матти газету и нѣсколько полезныхъ книгъ.

5.—Населеніе Финляндіи.

Я. Р.

Главную массу населенія Финляндіи составляютъ *финны*. Сами себя они зовутъ *суомалайсетъ*. (Suomalaiset), а названіе финны дано имъ западными народами. Откуда произошло это названіе, сказать трудно: сближаютъ его съ однимъ нѣмецкимъ словомъ (Fenn), которое значитъ «болото», «топь», но подобное сближеніе не имѣетъ серьезныхъ основаній. Финны появились въ Финляндіи, вѣроятно, не позже начала IX-го вѣка по Р. Х., вытѣсненные славянскими племенами изъ мѣстности между Западной Двиной и Волгой; впрочемъ, и время прибытія ихъ въ Финляндію и мѣсто ихъ первоначальнаго жительства принадлежитъ къ числу историческихъ предположеній, а не безспорныхъ фактовъ. Достовѣрно только то, что не они были первыми насельниками обитаемой ими страны, а застали здѣсь болѣе древнее населеніе—можетъ быть лапландцевъ, которые были оттѣснены на крайній

сѣверъ страны и теперь живутъ тамъ въ небольшомъ числѣ.

Корни словъ, строеніе черепа и нѣкоторые другіе признаки несомнѣнно доказываютъ, что финны находятся въ ближайшемъ родствѣ съ зырянами, черемисами, мордвой, эстами, вогулами и нѣкоторыми другими инородцами средней и сѣверной Россіи, а также съ мадьярами или венграми, населяющими средне-дунайскую низменность. Большинство этихъ народовъ постепенно исчезаетъ, сливаясь незамѣтно съ окружающимъ ихъ населеніемъ, только финны въ Финляндіи, венгры въ Австріи и отчасти эсты сохранили свою народность, языкъ и характеръ среди моря славянскихъ племенъ.

Что касается наружности финновъ, то даже съ перваго взгляда ихъ нетрудно отличить отъ русскихъ, нѣмцевъ и другихъ европейскихъ народовъ кавказской расы. У финновъ голова круглая, скулы выдаются, борода растетъ плохо, глаза не велики и прорѣзаны немного наискось, глаза свѣтло голубые, волосы свѣтлые, часто съ желтоватымъ оттѣнкомъ, сложеніе крѣпкое, коренастое. Цвѣтъ кожи у финновъ бѣлый, но не такой, какъ у другихъ европейскихъ народовъ: кожа ихъ не такая бѣлая, прозрачно-розовая, какъ у шведовъ или нѣмцевъ; она обыкновенно блѣдная, иногда сѣроватая или даже съ желтизной. Что касается характера финновъ, то

это народъ спокойный, угрюмый, молчаливый, упрямый, настойчивый въ трудѣ, терпѣливый въ лишеніяхъ, честный, но склонный къ пьянству и способный къ порывамъ самой необузданной злости. Впрочемъ финны, по наружности, языку и даже по характеру не представляютъ однородной массы. Они дѣлятся на собственно финновъ или тавастовъ, живущихъ въ юго-западной Финляндіи, и карелу, которая занимаетъ сѣверо-востокъ Финляндіи, заходя и за ея предѣлы, въ Озерный край. Характерныя черты наружности, характера и монгольскаго происхожденія финновъ всего рѣзче сказываются въ тавастахъ. У кареловъ черты лица острѣе, волосы и глаза темнѣе, челюсти не такъ выдаются и даже характеръ мягче и общительнѣе.

Изъ двухъ съ половиною милліоновъ всего населенія Финляндіи финновъ, по послѣднимъ даннымъ, насчитывается болѣе двухъ милліоновъ (2.169.000). По-фински говорятъ въ Финляндіи почти во всей странѣ, за исключеніемъ Аландскихъ острововъ, нюландскаго и части эстерботнійскаго побережій, гдѣ все населеніе говоритъ по шведски. Большинство шведовъ горожанъ знаетъ финскій языкъ, и этотъ послѣдній сдѣлалъ большіе успѣхи даже въ Гельсингфорсѣ, гдѣ четверть вѣка тому назадъ царилъ одинъ шведскій. Финскій языкъ долго былъ не развитъ и языкомъ науки и литературы былъ языкъ шведскій. Въ XIX-мъ сто-

лѣтіи началось быстрое литературное развитіе финскаго языка; теперь на немъ выходитъ много книгъ, газетъ и журналовъ, и онъ занялъ самостоятельное положеніе наряду со шведскимъ языкомъ.

Финскій языкъ по своимъ корнямъ и строю не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ, нѣмецкимъ и другими языками народовъ арійскаго племени кавказской расы. Главной особенностью финскаго языка и ему родственныхъ является отсутствіе рода, а также обиліе формъ мѣстнаго падежа; притяжательнымъ мѣстоименіямъ соотвѣтствуютъ притяжательные суффиксы (окончанія); глаголъ имѣетъ два времени—настоящее и прошедшее; существуетъ отрицательное спряженіе, причемъ спрягается одно отрицаніе, а глаголъ остается безъ перемѣны и т. п. Какъ сами финны, такъ и ихъ языкъ, дѣлится на двѣ вѣтви—западную и восточную; кромѣ этихъ двухъ главныхъ нарѣчій существуетъ довольно много мѣстныхъ, хотя они не настолько различны между собою, чтобы финны, живущіе на противоположныхъ окраинахъ страны, не могли понимать другъ друга.

Финны, особенно восточные, имѣютъ большую склонность къ пѣснямъ, сказкамъ и ихъ народная поэзія очень богата. Самымъ главнымъ сокровищемъ финской народной поэзіи является «Ка́левала», которая была записана и приведена въ порядокъ Эліасомъ Лёнротомъ,

издана въ 1835 г. и вскорѣ переведена на всѣ европейскіе языки. «Ка́левала»—произведеніе неизвѣстныхъ народныхъ пѣвцовъ, описываетъ жизнь финновъ въ теченіе VIII—XIV столѣтій. Въ подвигахъ главныхъ ея героевъ, полубога Вейнемейнена, могучаго кузнеца Ильмаренина и веселаго Лемминкейнена, изображается борьба финновъ съ древними обитателями страны, но главнымъ образомъ съ природой, изображаются религіозныя и нравственныя понятія финновъ, ихъ домашняя, семейная жизнь.

Шведскіе завоеватели огнемъ и мечемъ заставили язычниковъ-финновъ принять католицизмъ, который просуществовалъ въ странѣ до XVI-го вѣка, когда шведы, а за ними и финны перешли въ лютеранство и этого вѣроисповѣданія нынѣ держится большая часть (98%) населенія Финляндіи. Финны вообще религіозны, и изъ всего такъ называемаго господскаго класса, духовенство пользуется наибольшимъ уваженіемъ и имѣетъ глубокое вліяніе на народъ, хотя сборы въ пользу пасторовъ порой ложатся довольно тяжелымъ бременемъ на финское крестьянство. Часть финновъ исповѣдуетъ православіе.

Что касается образа жизни финновъ, то первую особенность, которая бросается въ глаза пріѣзжему изъ внутренней Россіи, составляетъ отсутствіе большихъ селеній. На разстояніяхъ 5—1/4 версты встрѣчаются не

деревни, а лишь отдѣльно стоящіе дворы или группы въ два, много три двора. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются поселки, но и тамъ дома стоятъ не улицей, а въ разбивку и съ большими промежутками. До половины XVIII вѣка въ Финляндіи пустыри чередовались съ большими селеніями, но въ 1750 г. произошло размежеваніе и хозяева отдѣльныхъ участковъ переселились на нихъ. Жилища сельскаго населенія, по своему внѣшнему виду и внутреннему убранству, представляютъ большое разнообразіе, въ зависимости отъ зажиточности хозяевъ: живетъ оно и въ благоустроенныхъ, напоминающихъ наши помѣщичьи, усадьбахъ, и въ тѣсныхъ, низенькихъ иногда курныхъ избушкахъ.

Народная одежда уцѣлѣла только въ немногихъ мѣстностяхъ Финляндіи и замѣнена европейскимъ костюмомъ; иногда, впрочемъ, носится куртка изъ домашняго сѣраго сукна, особенно внутри страны: тамъ же служатъ обувью сапоги безъ подшитой подошвы и цѣльныхъ головокъ. Головнымъ уборомъ служитъ лѣтомъ фуражка или фетровая шляпа, а зимой мѣховая шапка съ отгибающимися на уши краями. Женщины предпочитаютъ темные цвѣта и обыкновенно носятъ платокъ на головѣ.

Основой питанія для сельскаго населенія служитъ ржаной хлѣбъ; на востокѣ его ѣдятъ мягкимъ, а на западѣ пекутъ лишь нѣсколько

разъ въ году въ видѣ круглыхъ лепешекъ съ дыркой по серединѣ (кнекебре); лепешки эти нанизываются на палки и хранатся подъ потолкомъ избы. Въ неурожайные годы на сѣверѣ примѣшиваютъ въ хлѣбъ древесную кору. Затѣмъ вездѣ въ большомъ количествѣ ѣдятъ соленую рыбу; мясо и масло являются сравнительно менѣе доступными кушаньями. Изъ овощей главнымъ предметомъ питанія служитъ картофель, затѣмъ брюква. Главные напитки: квасъ, кислое молоко и кофе. Кофе пьютъ въ Финляндіи и горожане и сельскіе жители; употребленіе этого напитка распространилось даже среди лопарей.

Вторую по численности составную часть населенія Финляндіи составляютъ *шведы* (341—500 чел.). Уже въ X вѣкѣ шведы начали проникать въ Финляндію через проливъ Кваркенъ и селиться вдоль береговъ Ботническаго и Финскаго заливовъ. Съ XII-го вѣка шведскіе рыцари стали совершать крестовые походы въ Финляндію, огнемъ и мечемъ заставляли финновъ креститься, утвердили свое владычество въ странѣ и передали ей свою религію, просвѣщеніе и гражданственность. Шведы въ Финляндіи составляютъ преимущественно высшій классъ населенія (дворянство и чиновничество) и встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ страны, но въ незначительномъ числѣ; сплошное населеніе они образуютъ на побережьѣ Финскаго залива (немного западнѣе города

Катки), Ботническаго залива (62^0 по 64^0 с. ш.), и на Аландскихъ островахъ. Несмотря на семьсотъ лѣтъ совмѣстной жизни и на нѣкоторую примѣсь финской крови, шведы Финляндіи остаются такими же скандинавами, какъ ихъ далекіе предки, и рѣзко отличаются отъ финновъ внѣшностью, языкомъ и характеромъ. Шведы—народъ кавказской расы, германскаго племени. У нихъ длинное, овальное лицо, большіе, близко сидящіе глаза, стройный высокій ростъ, нерѣдко вьющіеся волосы и густая борода. Живые и подвижные по своему характеру, шведы представляютъ полную противоположность угрюмымъ и мрачнымъ финнамъ. Глубокая племенная разница отдѣляетъ шведовъ отъ финновъ и заставляетъ ихъ, несмотря на общіе интересы, жить каждыхъ своею особою жизнью. Финнъ смотритъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ на шведа, а шведъ гордится своимъ происхожденіемъ и языкомъ и считаетъ себя господиномъ въ странѣ, которую его предки вывели изъ дикаго состоянія.

Русскихъ, постоянно живущихъ въ Финляндіи и числящихся финскими подданными, очень немного (тысячъ семь), но зато тамъ много стоитъ русскихъ войскъ. Впрочемъ, русскіе люди давно знаютъ этотъ край: въ давнія времена совершали туда походы новгородцы; въ Финляндіи же, именно въ Сердобольскомъ уѣздѣ Выборгской губерніи находится одна изъ древнѣйшихъ святынь русскаго народа,

Валаамскій монастырь. Постоянные русскіе жители Финляндіи почти всѣ живутъ въ городахъ; русскія деревни есть только на югѣ Выборгской губерніи. Русскіе пользуются въ Финляндіи репутаціей трудолюбивыхъ и бережливыхъ людей. Они занимаются главнымъ образомъ торговлей, огородничествомъ, ремеслами. Сравнительно недавно русскіе, особенно на западѣ страны, забывали родной языкъ, ошведывались и офиннивались, и теперь еще можно встрѣтить въ Финляндіи православныхъ людей съ русскими фамиліями, ни слова не понимающихъ по русски. Но въ настоящее время, благодаря устройству русскихъ школъ, русскіе люди получили возможность не забывать свой родной языкъ, который получилъ теперь большое распространеніе, по крайней мѣрѣ въ Выборгѣ и Гельсингфорсѣ.

На крайнемъ сѣверѣ страны, среди голыхъ скалъ, безконечныхъ болотъ и тощихъ лѣсовъ, живутъ *лапландцы* (тысяча съ небольшимъ человѣкъ), постепенно вымирающіе. Кромѣ того въ Финляндіи въ незначительномъ числѣ живутъ *нѣмцы* (преимущественно въ Выборгѣ и Гельсингфорсѣ), *евреи* (они близки къ безправію и могутъ жить только въ нѣкоторыхъ городахъ) и *цыгане*.

Шесть вѣковъ Финляндія принадлежала Швеціи и не разъ была поприщемъ борьбы между шведами и русскими. Послѣ того какъ окрѣпла Русь и возникъ Петербургъ, стало

ясно, что Финляндія неизбѣжно должна сдѣлаться частью Россійской Имперіи. Часть Финляндіи была присоединена къ Россіи въ XVIII-мъ вѣкѣ, а въ 1809 году, послѣ войны со Швеціей, Финляндія была окончательно и навсегда включена во владѣнія Россіи. Императоръ Александръ I даровалъ финляндцамъ право созыва земскаго сейма и впервые созвалъ его въ городѣ Борго. Финляндія составляетъ такую же неотъемлемую часть Россіи, какъ и любая изъ внутреннихъ губерній, и подчинена общегосударственнымъ законамъ, но ей предоставлено внутреннее самоуправленіе, она имѣетъ свой сеймъ, сенатъ, банкъ и право чеканки своей монеты [1]).

---

[1]) *Источники:* „Финляндія", подъ ред. Д. Протопова; С. Мечъ „Финляндія"; А. Елисѣевъ „По бѣлу—свѣту".

6.—Тавасты и карелы.

А. В. Елисѣевъ.

Зависимость человѣка отъ условій климата и почвы видна всего лучше въ Финляндіи, этой странѣ труда, дикой и угрюмой, хотя и не лишенной своеобразной прелести. Человѣкъ здѣсь вполнѣ отражаетъ природу и носитъ на себѣ всѣ ея яркія и мрачныя краски. Въ то время какъ тавастъ—настоящій финнъ—по природѣ угрюмъ и мраченъ, какъ и нагорные лѣса его родины, карелъ—его родной братъ—живъ и подвиженъ, какъ свѣтлыя воды, обильныя въ его родинѣ; при этомъ они различаются между собою не столько по типу, сколько по строю характера, какъ представители двухъ различныхъ племенъ.

Симпатичная, добродушная, со свѣтлыми добрыми глазами, фигура карела дышитъ такою жизнью, что человѣкъ, знающій финновъ только по маймистамъ и вейкамъ Петербурга, не узнаетъ въ разбитномъ и веселомъ карелѣ настоящаго финна. Онъ не угрюмъ и не молчаливъ, а веселъ и болтливъ, любитъ хорошо

провести время, поплясать и попѣть; въ немъ нѣтъ особенной финской осмотрительности и самоуглубленія, напротивъ того, онъ весь на распашку, какъ русскій мужикъ, онъ легко сходится, пріятенъ въ дружбѣ, не золъ и не вѣруетъ въ роковую судьбу, какъ его сосѣдъ— тавастъ. При живости характера карелъ сообразителенъ, быстро принимается за всякое дѣло, но за то скоро теряетъ и терпѣніе. Въ отношеніи къ другимъ онъ чрезвычайно мягокъ, любезенъ и обходителенъ. Между корелами встрѣчаются чрезвычайно пріятныя и даже, можно сказать, красивыя физіономіи, особенно между женщинами, такъ что ихъ можно назвать красавицами. Вообще, если такъ можно будетъ вырззиться, я сравню корела съ французомъ, въ противоположность тавасту, который похожъ на истаго глубокомысленнаго нѣмца. Въ общемъ лицо карела, какъ и всякаго финна, не представляетъ особой красоты; только высокій лобъ, голубые глаза, въ которыхъ свѣтятся простота, доброта и благодушіе, здоровый цвѣтъ лица и дѣйствительно прекрасные, часто вьющіеся волосы могутъ въ своемъ сочетаніи дать если не красивое, то симпатичное, милое лицо, гораздо чаще встрѣчающееся между карелами, чѣмъ между финнами Центральной и Западной Суоменмаа, какъ называютъ они свою родную страну. Извѣстная стройность, хотя и не пропорціональность формъ тѣла, вмѣстѣ съ хоро-

шимъ физическимъ развитіемъ и пріятными чертами лица, могутъ въ своей совокупности дать типъ финской красавицы въ родѣ воспѣтой въ Калевалѣ прекрасной Сукамвели и прекрасныхъ дочерей Лухи, за которыхъ приходили свататься герои Калевалы.

Хотя корелы, благодаря географическому положенію своей области, соприкасались гораздо болѣе съ славянами, чѣмъ напримѣръ съ шведами, и еще издревле были въ сношеніяхъ съ новгородцами, тѣмъ не менѣе въ Кареліи гораздо болѣе сохранились дорогіе остатки старины, въ видѣ древнихъ пѣсенъ и легендъ. Нѣкоторыя изъ нихъ напоминаютъ намъ о времени борьбы финновъ съ русскими, другія относятся ко временамъ незапамятной древности, быть можетъ, еще къ желѣзному вѣку Финляндіи, къ которому нѣкоторые относятъ Калевалу.

Помимо отрывковъ древнаго финскаго эпоса, найденнаго въ Кареліи, въ этой любопытной странѣ сохраняется много и другихъ остатковъ древности финскаго народа.

Въ Кареліи, особенно въ сѣверной ея части, до сихъ поръ встѣчаются чаще, чѣмъ на западѣ Финляндіи, *коты* служившіе первобытными жилищами финновъ и до сихъ поръ имѣющія подобное значеніе у лопарей; еще чаще чѣмъ коты, можно встѣтить даже по большой дорогѣ въ Іоенсу землянки и *пирти*, немного отличающіяся отъ тѣхъ куренокъ,

въ которыхъ жили финны еще во времена отдаленной древности со своими домашними животными, грѣвшимися у общаго очага. Недалеко отъ Вертсилэ мы сами ночевали въ такой избушкѣ, совершенно лишенной оконъ и согрѣваемой очагомъ, не имѣвшимъ даже настоящей трубы. Въ этой пирти, кромѣ насъ, помѣщался хозяинъ съ многочисленною семьею и двумя работниками, послѣ пожара, истребившаго его настоящую избу. Освѣщеніе этой первобытной избушки производилось лучиною, а въ углу ея можно было видѣть не только разгуливавшихъ куръ, но и телятъ. Слѣды древняго быта въ Кареліи можно видѣть и во многихъ предметахъ домашняго обихода; но быстро двигающаяся съ запада цивилизація стираетъ ихъ, и съ проведеніемъ желѣзной дороги въ Карелію черезъ Сердоболь и Іоенсу уничтожилось многое изъ того, что приходилось видѣть еще намъ въ 1877 г.

Всего дольше, разумѣется, останутся тамъ лопарскіе курганы и могилы,—представляющіеся въ видѣ грудъ камней, сложенныхъ рукою человѣка, или ямъ, наполненныхъ обожженными камнями, углемъ и костями и крытыхъ нѣкогда конусообразными крышами изъ бересты, дерева, камня и земли. Но если даже такіе прочные останки древности, какъ курганы и могилы, пропадаютъ въ Кареліи,

то еще скорѣе пропадутъ тамъ образцы первобытныхъ жилищъ, о которыхъ мы только что говорили. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ жилищъ измѣняется домашняя утварь и обстановка. Повсюду встрѣчавшіяся намъ въ сѣверной Кареліи скамьи южнѣе были уже замѣнены стульями и табуретами,—такъ же точно, какъ и національныя одежды—такки (родъ камзола), костули,—(бѣлая кофта) и др., окрашенныя краснымъ, голубымъ и бѣлымъ цвѣтомъ, замѣнились уже курткою и кафтаномъ изъ сѣраго сукна и платьями западнаго и отчасти русскаго покроя. Древняя онуча финской женщины, принявшая форму штанины, которую можно видѣть еще на ногѣ чухонки изъ окрестностей Петербурга, уже давно считается въ Кареліи старомодною, также какъ и головныя повязки, носимыя русскими карелками.

Тавастъ непохожъ на карела во всѣхъ отношеніяхъ. Многіе изъ нашихъ питерскихъ чухонъ похожи на этихъ представителей финскаго племени.

Тавастъ угрюмъ, серьезенъ и молчаливъ; онъ рѣдко поетъ, и немудрено, что собиратель Калевалы не между тавастами сыскалъ отрывки финскаго эпоса.... Тавастъ любитъ молчать, забившись въ свою скорлупу. Вся его фигура,—неладно скроенная, да плотно сшитая, нѣсколько грузная и аляповатовая,—

гармонируетъ съ его душевнымъ настроеніемъ.

Широкоплечая, приземистая фигура его указываетъ на то, что онъ не боится физическаго труда и лишеній и что онъ можетъ «дѣлать хлѣбъ изъ камня», какъ справедливо говорятъ о финляндцахъ. Эта медленность въ движеніяхъ, тяжесть на подъемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрительность показываетъ увѣренность въ своихъ силахъ и желѣзное терпѣніе, которымъ дѣйствительно тавастъ можетъ похвастаться. Какъ натура крѣпкая и спокойная, тавастъ мужественъ и сражается какъ левъ до послѣдняго издыханія; недаромъ финскіе полки служили ядромъ шведскихъ дружинъ въ ихъ войнахъ съ Великимъ Новгородомъ, а позже съ русскимъ государствомъ. Тавастъ упрямъ, ревнивъ, мстителенъ и жестокъ. Если только что-нибудь выведетъ его изъ его душевнаго равновѣсія, тогда мстительность и злоба его не имѣютъ предѣловъ, и съ виду добродушный, хотя и угрюмый финнъ можетъ стать ужаснымъ злодѣемъ. Съ посторонними тавастъ несообщителенъ, неласковъ, часто даже грубъ, но всегда гостепріименъ. Къ людямъ, не говорящимъ по-фински, онъ всегда относится недружелюбно и подозрительно, но разъ онъ сошелся съ кѣмъ-нибудь, на дружбу его можно положиться, какъ на каменную

стѣну. Безъ сомнѣнія, тавастъ, вскормленный среди дебрей, скалъ и озеръ своей любезной Суоміи, отражаетъ въ себѣ самомъ свою родину—суровую, но полную прелести и дикаго величія стану.

7.—Народный трудъ и образованіе въ Финляндіи.

Главное занятіе финновъ—хлѣбопашество. Еще предки нынѣшнихъ финновъ занимались земледѣліемъ. Земля у крестьянъ въ общинномъ пользованіи; нѣкоторые пріобрѣтаютъ ее въ собственность, живутъ хуторами. Крестьянамъ принадлежитъ въ Финляндіи больше половины земли, меньше половины ея принадлежитъ казнѣ, [1]) у дворянъ же и городовъ земли сравнительно очень немного.

Многіе крестьяне, кромѣ своей земли, обработываютъ еще казенную землю; они арендуютъ ее обыкновенно на долгій срокъ. Если арендаторъ захочетъ купить казенную землю, то казна даетъ ему льготу: крестьянинъ долженъ только впередъ внести арендную плату

---

[1]) Казнѣ принадлежитъ $^2/_5$ земли. Но казенными землями пользуются на разныхъ условіяхъ крестьяне. Размѣры поземельной собственности увеличиваются въ направленіи отъ юго-востока къ сѣверо-западу, но въ томъ же направленіи увеличивается количество неудобныхъ для обработки земель.

Прим. составителя (Я. Р).

за три года, и онъ становится собственникомъ земли.

Покупаютъ крестьяне землю и у помѣщиковъ. Помѣщики здѣсь мелкопомѣстные, у нихъ большей частью всего отъ 5 до 25 десятинъ.

Такимъ образомъ у крестьянъ становится все больше земли.

Несмотря на это, въ Финляндіи много крестьянъ, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ земли: для всѣхъ ея не хватаетъ. Такіе крестьяне становятся или бобылями (торогарями) или же батраками.

Финскій бобыль не похожъ на русскаго. У насъ бобыль безхозяйный, безлошадный, часто бездомовный крестьянинъ. «Какой ужъ это хлѣбопашецъ. Это не хозяинъ, подняться нечѣмъ!» говорятъ про него въ деревнѣ.

Въ Финляндіи бобыль занимается, какъ и прочіе, крестьянствомъ; у него нѣтъ только своей земли, онъ арендуетъ чужую. Условія, на которыхъ снимается земля, разныя; иногда бобыль отработываетъ хозяину за землю, чаще же платитъ за нее хлѣбомъ, масломъ или рыбой. Скопивъ деньги, бобыль покупаетъ себѣ землю или у казны или у частныхъ лицъ. Почти всегда со временемъ онъ становится самъ хозяиномъ.

Батраки живутъ поденной работой: иногда они нанимаются въ работники къ помѣщику или же къ зажиточнымъ крестьянамъ. Бат-

ракомъ часто бываетъ сынъ крестьянина—собственника. Подрастетъ онъ—надо его женить, а семья большая—земли отдѣлить не отъ чего, и идетъ сынъ въ батраки, работаетъ, прикопитъ денегъ или снимаетъ казенную землю или же становится бобылемъ, а черезъ нѣкоторое время и хозяиномъ.

Батракъ обыкновенно работаетъ добросовѣстно: онъ трезвъ и грамотенъ. Хозяинъ работаетъ вмѣстѣ съ нимъ и относится къ батраку, какъ къ родному: они вмѣстѣ ѣдятъ и вмѣстѣ спятъ.

Но не всегда батракъ становится бобылемъ, иногда онъ навсегда остается поденщикомъ. Особенно трудно подняться ему въ неурожайные годы; безъ работы приходится терпѣть много лишеній, а иногда узнать и нищету.

Изъ хлѣбныхъ растеній въ Финляндіи сѣютъ рожь, овесъ и ячмень. Здѣсь особенно славится рожь вазасская. Ее привозятъ на посѣвъ и въ Россію,—конечно, очень немного, такъ какъ въ Финляндіи своего хлѣба не достаетъ, и муку подвозятъ сюда и изъ Россіи и изъ другихъ мѣстъ. Это не удивительно: на каждую душу мужского пола здѣсь приходится пахотной земли немного больше одной десятины, на наличную же душу обоего пола приходится только одна пятая часть

десятины [1]). Пашни среди скалъ, озеръ и болотъ очень малы, тамъ же, гдѣ пашенъ больше и жителей больше, и опять на всѣхъ не хватаетъ. Лѣто тамъ короткое, да еще утренніе морозы губятъ иногда всходы. Но финны не перестаютъ бороться со всѣми этими невзгодами и одолѣваютъ ихъ, и хлѣба прикупать приходится все меньше и меньше.

Много помогаетъ имъ скотоводство. На каждое хозяйство въ Финляндіи приходится не меньше 4—5 головъ рогатаго скота. Здѣсь удобно содержать скотъ, такъ какъ луговъ гораздо больше, чѣмъ пахатныхъ земель; особенно много луговъ на сѣверѣ Финляндіи. Луга даютъ хорошіе покосы, служатъ хорошимъ пастбищемъ; тамъ, гдѣ луговъ нѣтъ, финны сѣютъ кормовыя травы—тимоѳеевку, клеверъ,—которыя отлично растутъ. Воды для питья скоту въ Финляндіи много.

Скотоводство оказываетъ большую подмогу земледѣлію, много выгодъ даетъ оно и само по себѣ. Особенно развили финны молочное хозяйство. Чтобы вести его какъ слѣдуетъ, нѣкоторые зажиточные финны ѣздили за-границу учиться, выписывали оттуда мастерицъ, покупали тамъ скотъ. Раньше мѣст-

---

[1]) Распаханныя земли занимаютъ всего 3% всей площади края, нѣсколько болѣе (5%) занимаютъ луга и выгоны; остальное—лѣсъ и неудобныя земли.

Прим. составителя.

ный скотъ былъ мелкій, невзрачный; сталъ уходъ за нимъ хорошій, и онъ улучшился.

Во многихъ финскихъ деревняхъ устроены школы молочнаго хозяйства; здѣсь ученицы знакомятся, какъ лучше ухаживать за скотомъ, чѣмъ кормить его, какъ лѣчить скотскія болѣзни и какъ приготовлять масло и сыръ. Этимъ мастерицамъ финская казна платитъ каждый годъ больше трехъ тысячъ рублей. Она оказываетъ пособіе деньгами и тѣмъ, кто ѣдетъ за границу, чтобы научиться молочному хозяйству.

Молоко въ разныхъ видахъ (сливки, творогъ, сыръ) стало пищей населенія; лишнее же стали вывозить въ другія страны. Своими молочными скопами Финляндія стала извѣстна не только у насъ въ Россіи, но и за границей. Особенно славится финляндское масло. Его вывозятъ изъ Финляндіи въ другія земли больше трехсотъ тысячъ пудовъ въ годъ.

Кромѣ земледѣлія и скотоводства, многіе финляндцы занимаются и рыбнымъ промысломъ.

Въ моряхъ, рѣкахъ и озерахъ Финляндіи много рыбы. Чтобы не истребить ея совсѣмъ, сельскія общины сговариваются между собою о томъ, когда можно ловить рыбу и какъ ее ловить. Какъ порѣшатъ общины, такъ и должны поступать рыбаки. Ловля прекращается, напримѣръ, когда рыба идетъ метать икру. Изъ цѣнныхъ сортовъ рыбы въ боль-

шихъ рѣкахъ водятся: семга, сиги и лососи. Въ озерахъ и у береговъ морей водится мелкая рыба (садака); эта рыба для нѣкоторыхъ финновъ составляетъ главную пищу. Финны ѣдятъ ее и свѣжую и соленую. Соленую рыбу ѣдятъ по всей Финляндіи, несмотря на то, что соль здѣсь привозная и поэтому дорога.

Часть рыбы отвозится въ другія страны на продажу.

Рыбаки выглядятъ здоровымъ, сильнымъ народомъ, имъ постоянно приходится бороться съ вѣтрами и бурями, и бури становятся имъ ни почемъ. Дѣти ихъ обыкновенно рано привыкаютъ быть помощниками родителей.

Въ Финляндіи много лѣсовъ; ими занято больше половины всей земли. Въ прежнія времена финны сильно истребляли лѣса: они жгли и вырубали ихъ, чтобъ побольше было пашенъ. Но когда провели желѣзныя дороги, прорыли каналы,—лѣсъ удобно стало перевозить, цѣна на него поднялась, и финны стали разсчетливѣе: они начали дорожить лѣсомъ, вырубать его стали меньше, чѣмъ прежде. Деревья употребляются теперь для гонки смолы, дегтя, идутъ они также для изгородей и отопленія. Лѣсной промыселъ даетъ все больше выгодъ. Бревна, плахи, доски, дрова, смолу, ягоды, мохъ, разныя издѣлія изъ мха,—все это больше и больше начинаютъ вывозить изъ Финляндіи за границу.

Лѣсные жители занимаются и охотой:

бьютъ безъ жалости глухарей, рябчиковъ; ихъ вывозятъ изъ Финляндіи сотнями тысячъ штукъ. Много въ лѣсахъ Финляндіи хищныхъ звѣрей: волковъ, медвѣдей, рысей, лисицъ, куницъ и другихъ.

Земледѣліемъ, рыбнымъ и лѣснымъ промыслами занимаются жители почти по всей странѣ.

Тамъ, гдѣ есть гранитъ, финны копаютъ его; онъ идетъ на разныя постройки. Многія старинныя церкви въ Финляндіи построены изъ гранитныхъ необдѣланныхъ плитъ. Въ послѣднее время гранитъ стали обтесывать; его употребляютъ и для украшеній внутри зданій. У насъ въ Петербургѣ изъ финскаго гранита построено много памятниковъ, мостовъ; изъ него же устроены и набережныя.

Кромѣ гранита, въ Финляндіи есть мраморъ; онъ идетъ также на постройки.

Изъ металловъ здѣсь преимущественно добываютъ желѣзо изъ озерной и болотной руды, которой много на днѣ озеръ и болотъ; руда попадается тамъ то большими или малыми плитами, то шариками, то просто пластинками [1].

Число фабрикъ и заводовъ за послѣднее время сильно тамъ увеличивается. Больше

---

[1]) Въ Финляндіи добываютъ также мѣдь и олово (у селенія Импилаксъ, на с.-в. берегу Ладожскаго оз.), въ небольшомъ количествѣ серебро (тамъ же) и золото (въ Лапландіи, въ долинѣ рѣчки Ивалэ). *Прим. сост. (Я. Р).*

всего фабрикъ хлопчатобумажныхъ, затѣмъ суконныхъ. Въ большомъ количествѣ выдѣлываютъ здѣсь также бумагу, нанку, кожи; усиливается также производство желѣзныхъ издѣлій [1]).

При всякомъ производствѣ большую услугу оказываютъ здѣсь водопады, а также и вѣтеръ: они своей силой приводятъ въ движеніе разныя машины.

Издѣлія финскихъ фабрикъ и заводовъ бываютъ обыкновенно хорошаго качества и дешевы. Изъ ручныхъ издѣлій особенно хороши у финновъ корзины. Въ послѣднее время корзиночному ремеслу обучаютъ у нихъ особые мастера и мастерицы. Ремесламъ обучаютъ также и въ школахъ; для этого въ Финляндіи устроены особыя ремесленныя училища.

Устраиваются также здѣсь выставки ручныхъ работъ. На этихъ выставкахъ работаютъ лучшіе мастера и мастерицы; они должны каждому показывать свои работы и объяснять, какъ что дѣлается. Финны очень любятъ такія

---

[1]) Всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ Финляндіи числится около 7 т., съ годовою производительностью приблизительно въ 63 милл. рублей; число фабричныхъ рабочихъ достигаетъ 60 т. человѣкъ. По производству стальныхъ издѣлій наибольшею извѣстностью пользуется заводъ въ Фискарсѣ. Въ г. Або выдѣлываются разныя машины и пароходы. Развивается въ Финляндіи и выдѣлка земледѣльческихъ орудій и машинъ. Обработка волокнистыхъ веществъ (сукна, полотна, хлопчатобумажныя ткани) наиболѣе крупные размѣры имѣетъ въ г. Таммерфорсѣ. Плата фабричнымъ рабочимъ въ Финляндіи не вездѣ и не всегда одинакова и въ общемъ не очень высока. *Прим. сост. (Я. Р.).*

выставки, и сами жертвуютъ на нихъ деньги. Эти деньги идутъ на награды за лучшія работы, даютъ также и медали. Деньги оказываютъ большое подспорье бѣднымъ ремесленникамъ. Ремесленникъ не идетъ въ чужія страны искать заработка; онъ не валяется зимой безъ дѣла на печи; онъ пользуется всѣмъ, что есть у него подъ рукой: и камнемъ, и деревомъ, и прутьями, и корой, и волосомъ, и шерстью, и щетиной, и кожей, и рогомъ, и костью, и металломъ,—все идетъ у него на разныя полезныя издѣлія.

Не быстро работаетъ финнъ, но добросовѣстно,—каждую вещь онъ сдѣлаетъ непремѣнно такъ, какъ задумалъ, и зря не истратитъ лишняго матеріала.

Часть сырыхъ и обработанныхъ продуктовъ тратится дома, на родинѣ, лишніе же увозятся за границу. Пустяки, кажется, какой-нибудь мохъ, ягоды, корзины и тому подобное, а между тѣмъ ихъ такъ много вывозятъ изъ Финляндіи, что благодаря имъ получаются каждый годъ десятки милліоновъ рублей. Взамѣнъ всѣхъ этихъ продуктовъ финны получаютъ все самое необходимое. Имъ приходится добывать все со стороны, начиная съ хлѣба и соли и кончая золотомъ и серебромъ.

Финнъ сильно привязанъ къ своей землѣ. Всѣми силами онъ старается какъ-нибудь устроиться на ней, только безысходная нужда заставляетъ батрака—бобыля искать заработка

на сторонѣ. Чтобъ отправиться на новыя мѣста, финнъ обыкновенно занимаетъ деньги и идетъ чаще всего въ Америку.

Города финскіе процвѣтаютъ,—они ведутъ большую торговлю: у многихъ горожанъ есть свои паровыя и парусныя суда; суда эти красивы на видъ, они хорошо устроены и очень помѣстительны. Города финскіе ведутъ торговлю не только съ европейскими странами: Франціей, Голландіей и Англіей и другими, но и со всѣми частями свѣта [1]).

Финны хорошіе моряки. Мореплаванію и кораблестроенію обучаются они въ особыхъ училищахъ. Кромѣ такихъ училищъ, есть еще училища лѣсного и сельскаго хозяйства.

Не сидитъ финскій крестьянинъ безъ дѣла и зимой.

Заглянемъ къ нему въ избу, посмотримъ, чѣмъ онъ занятъ въ зимній вечеръ.

Вотъ просторная изба; освѣщается она сосновой лучиной. (Не вездѣ еще въ Финляндіи есть лампы). Женщины въ это время прядутъ, шьютъ или чинятъ что-либо; мужчины же занимаются самыми разнообразными работами; все, что нужно для домашняго обихода, они дѣлаютъ своими руками: и скамьи, табу-

[1]) Главнымъ предметомъ ввоза служатъ: хлѣбъ, кофе, табакъ, керосинъ, различные мануфактурные и колоніальные товары. За послѣднія 40 лѣтъ ввозъ въ Финляндію увеличился въ $4^1/_2$ раза, а вывозъ слишкомъ въ 10 разъ и въ настоящее время общая цифра торговаго оборота Финляндіи достигла 122 милл. рублей. *Прим. сост. (Я. Р.).*

реты, и столы, и станки, и разныя ступы, кадки, ведра; многіе шьютъ сами сапоги. Особенно много полезныхъ вещей дѣлаютъ они изъ бересты. Для этого финны снимаютъ кору съ березы длинными полосами и сматываютъ ее въ клубки. Передъ тѣмъ какъ работать, бересту размачиваютъ въ водѣ и потомъ уже плетутъ изъ нея туфли, калоши, короткіе сапоги.

Обувь изъ бересты носятъ и мужчины и женщины; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только въ праздникъ они надѣваютъ кожанную обувь.

Кромѣ обуви, изъ бересты дѣлаютъ дорожныя сумки, плетутъ бутылки, въ которыхъ хранятъ соль и держатъ также червей для рыбной ловли. Изъ бересты плетутъ еще веревки, невода, изъ нея же дѣлаютъ дѣтскія игрушки, но болѣе всего приготовляютъ изъ нея разныя корзины, ящики. Всѣ эти издѣлія изъ бересты хороши тѣмъ, что они очень гибки, не размокаютъ отъ дождя; если они хорошо сплетены, то и вода не проходитъ черезъ нихъ.

Въ свободное время финны любятъ почитать книгу; они читаютъ, какъ духовныя, такъ и свѣтскія книги. Даже въ семьѣ бѣдняка мы найдемъ тутъ нѣсколько книгъ, нерѣдко можно встрѣтить и газету.

Финны любятъ грамоту и дорожатъ ею. Они всѣ грамотны.

Этому много помогло ихъ духовенство—пасторы.

Лютеранское духовенство пріохотило народъ къ чтенію. Оно издало законъ, чтобы каждый, и мужчина и женщина, умѣлъ читать. Иначе финнъ не можетъ ни причаститься, ни жениться.

Образованіемъ народа долго руководили одни пасторы. Теперь за школами надзираютъ сами общины сельскія и городскія, и школьное дѣло идетъ очень успѣшно. Неграмотными остаются только калѣки да больные люди. Неграмотныхъ наберется одинъ лишь человѣкъ на тысячу жителей.

Нѣкоторыя дѣти учатся у своихъ матерей.

Другихъ дѣтей отдаютъ въ подвижную шголу; учитель такой школы приходитъ въ деревню и въ какомъ-нибудь домѣ учитъ дѣтей. Самъ онъ живетъ то у однихъ родителей, то у другихъ; они кормятъ его, даютъ небольшую плату за ученье. Мѣсяца черезъ 2—3 учитель идетъ въ другую деревню, а тамъ въ третью, четвертую и такъ далѣе.

Такихъ временныхъ школъ въ Финляндіи весьма много.

Наконецъ нѣкоторыхъ дѣтей отдаютъ въ постоянныя школы; эти школы въ родѣ нашихъ земскихъ училищъ. Ихъ стали устраивать въ Финляндіи только въ послѣднее время. Села финскія маленькія: бываетъ, что село состоитъ всего изъ нѣсколькихъ домовъ. Для

каждаго такого маленькаго селенія заводить школу средствъ не хватитъ. Школу устраиваютъ въ одномъ изъ селъ, и туда ѣздятъ дѣти изъ окрестныхъ поселковъ.

Постоянныя школы хорошо устроены; въ нихъ много разныхъ книгъ и пособій для обученія.

Кромѣ грамоты, въ финскихъ школахъ учатъ разнымъ рукодѣльямъ и ремесламъ.

Какъ бы малъ ни былъ финскій городокъ, въ немъ печатаютъ книги и газеты, и есть книжныя лавки. Въ Финляндіи печатается 60 газетъ и изъ нихъ 40 газетъ на финскомъ языкѣ.

При всякой финской школѣ есть библіотека (собраніе книгъ, изъ которой могутъ пользоваться книгами нетолько ученики, но и всѣ желающіе. Учителя обязаны устраивать разъ или два въ недѣлю полезныя чтенія для тѣхъ взрослыхъ, которые желаютъ пополнить свои знанія. *(Изъ книги „Разсказы о Финляндіи и ея жителяхъ“. Изданіе „Посредника“).*

8.—Гельсингфорсъ.

С. Васюковъ.

Гельсингфорсъ [1]) городъ небольшой, но красивый и чрезвычайно опрятный. Чистота и порядокъ никогда не нарушаются, хотя не видно ни суеты, ни тѣхъ, кто этотъ порядокъ поддерживаетъ и сохраняетъ. Упомяну кстати, что мостовыя и тротуары въ Гельсингфорсѣ превосходные, хотя первыя и изъ булыжника. Я не разъ видѣлъ, какъ послѣ базара очищалась торговая площадь, откуда только-что уѣхало нѣсколько сотенъ одноколокъ финновъ, и которую покинули городскіе торговцы и торговки. Черезъ часъ ничего не было. Кто же это убираетъ? Женщины и притомъ преимущественно пожилыя и извозчики съ приспособленными къ одно-

---

[1]) Гельсингфорсъ, главный городъ Финляндіи, принадлежитъ къ числу самыхъ красивыхъ городовъ области, имѣетъ много прекрасныхъ зданій, садовъ и Александровскій университетъ, переведенный сюда въ 1827 г. изъ города Або. Гельсингфорсъ возникъ въ XVI столѣтіи. Король Густавъ-Ваза хотѣлъ основать городъ на одномъ изъ песчаныхъ островов въ виду современнаго Гельсингфорса. Но его под-

колкамъ ящиками, въ которые быстро складывается весь соръ и увозится съ мѣста, а не прячется на дворахъ.

Хотя движеніе въ городѣ большое, но суеты и безпорядка нѣтъ. Извозчики и даже ломовые ѣдутъ быстро, пѣшеходы также спѣшатъ. Все весьма чинно! И такъ изо дня въ день, какъ аккуратно поставленные часы, идетъ городская внѣшняя жизнь.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Гельсингфорсъ, я присутствовалъ на похоронахъ одного сенатора. Массы народа! За гробомъ шли близкіе, затѣмъ войска, за ними студенты и, наконецъ, сотни экипажей съ провожатыми, и почти въ каждомъ экипажѣ зеленѣлъ вѣнокъ. Послѣ грома пушекъ, студенческихъ гимновъ, рѣчи пастора, послѣдовало возложеніе вѣнковъ на могилу, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ словъ или небольшой рѣчи. Церемонія продолжалась долго, пока на могилѣ

данные, главнымъ образомъ выходцы изъ шведской области Гельсинге, стали селится верстахъ въ семи отъ нынѣшняго города, при устьѣ рѣки Ванды, которая при впаденіи въ море оканчивается водопадомъ (по-шведски форсъ); но такъ какъ море здѣсь оказалось недостаточно глубокимъ, то городъ современемъ перешелъ на свое настоящее мѣсто. Въ 1819 году сюда былъ переведенъ изъ Або финляндскій Сенатъ и состоялось назначеніе Гельсингфорса главнымъ городомъ края. Гельсингфорсъ—первый по числу жителей городъ Финляндіи и имѣетъ важное торговое значеніе. Со стороны моря Гельсингфорсъ защищенъ неприступной крѣпостью *Свеаборгъ*, возвышающейся на гранитныхъ островахъ при входѣ въ заливъ. *Прим. сост.* (Я. Р.)

не выросла пестро-зеленая гора изъ вѣнковъ.

Я былъ удивленъ.

— Это что!!—сказалъ мнѣ мой переводчикъ.—Жаль, что вы не пріѣхали нѣсколько ранѣе, когда хоронили простого народнаго учителя. Вотъ были похороны!! Куда торжественнѣе... и народа гораздо больше!..

Воображаю, какія похороны были устоены любимому народному поэту Руненбергу, слѣды памяти о которомъ—повсюду въ Финляндіи: вездѣ въ паркахъ его бюсты, могила въ цвѣтахъ, его жилище стало общественнымъ достояніемъ и строго сохраняется въ томъ же видѣ и порядкѣ, какъ было въ день его смерти.

Гельсингфорсъ живетъ веселой, хотя и монотонно размѣренной жизнью. Все въ Гельсингфорсѣ хорошо, прекрасно, но для насъ—какъ будто чопорно и холодно. Сѣверъ, что-ли, наложилъ на нихъ суровую печать. Тамъ, гдѣ-то въ далекихъ, сѣверныхъ деревняхъ, финнъ ѣстъ плохой хлѣбъ и кору, а здѣсь, въ Гельсингфорсѣ, не знаютъ, что выбрать изъ лучшихъ заграничныхъ винъ.

Общественныя зданія построены прочно и красиво, между ними—изящное зданіе политехникума.

— У насъ нѣтъ дорогихъ техниковъ и инженеровъ, а тѣ, которые меньше берутъ и лучше строятъ, тѣ и считаются первыми,—говорилъ мнѣ финляндецъ.

Мѣстные русскіе подтвердили мнѣ это замѣчаніе.

Въ Гельсингфорсѣ замѣчательно удобная и красивая гавань, въ которой во время навигаціи стоитъ всегда много пароходовъ, судовъ, большихъ и малыхъ, мѣстныхъ и иностранныхъ. Одни приходятъ, другіе уходятъ.

Въ гавани кипитъ оживленная дѣятельность; но опять-таки при образцовомъ порядкѣ. Финны—прекрасные работники и превосходные моряки. На утлой лодкѣ подъ парусами они смѣло пускаются въ открытое море, и нетолько мужчины, но и женщины. Я нѣсколько разъ видѣлъ пріѣзжавшихъ со шхеръ однѣхъ только женщинъ, чтобы продать во время утренняго базара, можетъ быть, ими наловленную рыбу.

Вообще въ Финляндіи женщины самостоятельны, и не только женщины, но и дѣти. Крошечныя существа не знаютъ надъ собой надзора, за исключеніемъ дѣтей богатыхъ родителей. Продавщики и разносчики газетъ тоже дѣти и очень аккуратные исполнители этого дѣла.

На набережной гавани выстроены прекрасныя зданія для склада товаровъ, привозимыхъ по морю; здѣсь же, въ десяти шагахъ отъ моря, проходитъ желѣзная дорога, огибающая кругомъ весь городъ и другую, Сѣверную гавань. Очень часто разгрузка производится съ парохода прямо въ вагоны,

подающіеся для этого случая на набережную. Все приспособлено и обдумано до мелочей. Въ гавани царствуетъ порядокъ: пароходы стоятъ въ одномъ мѣстѣ, парусныя суда—въ другомъ и, наконецъ, лодки—въ особо отведенной части.

Парусныя суда (собственно большого размѣра лодки, называемыя ялами) приходятъ издалека, нагруженныя съѣстными припасами: рыбой, ветчиной, картофелемъ, яйцами и проч. Финны живутъ на этихъ судахъ, пока не распродадутъ всего товара—и тогда въ обратный путь.

Я уже говорилъ, что Финны—превосходные моряки, которыхъ вельма охотно берутъ на службу иностранцы. Они служатъ и въ Германіи, и въ Англіи, и въ Америкѣ. Плавать по Финскому заливу среди шхеръ и подводныхъ камней трудно: нужна не только опытность, но огромное вниманіе и хладнокровіе; иногда одинъ, два фута въ сторону и конецъ—судно разобьется въ дребезги.

У самой набережной находится большое зданіе рынка. Войдите туда во внутрь, и вы будете удивлены, поражены чистотой и порядкомъ, которые тамъ найдете. Вы идете рядами по чистому *асфальтовому* полу; направо и налѣво—торговцы въ особо устроенныхъ, довольно просторныхъ помѣщеніяхъ, за прилавками, на которыхъ выставленъ товаръ. Вы все видите и выбираете, что вамъ нужно-

Торговцы и торговки всѣ въ чистыхъ блузахъ и фартукахъ, и зимой, и лѣтомъ. Въ зданіи рынка имѣется рѣшительно все: зелень, мясо, рыба, фрукты, закуски, хлѣбъ и даже пирожное.

Почти у каждаго лавочника *телефонъ*, который чрезвычайно распространенъ въ городѣ. И не мудрено, потому что годовой *абонементъ* стоитъ 30 руб. При этомъ можно говорить со всѣми городами Финляндіи. Телефоны здѣсь прекрасные.

Въ Гельсингфорсѣ на каждомъ шагу убѣждаешся, что можно устроиться удобно, хорошо, устроиться такъ, что каждый можетъ пользоваться всѣми этими удобствами.

Возьмемъ хотя бы желѣзно-конную дорогу. Одна сытая, откормленная лошадка спокойно тащитъ небольшой, но изящный и удобный вагонъ по узкоколейному пути.

Гельсингфорсъ—городъ неровный, улицы, что называется, съ горки на горку, но ничего! даже въ рѣдкихъ мѣстахъ припрягаютъ другую лошадь.. А отчего?

— Оттого, что лошадей очень часто мѣняютъ и очень хорошо кормятъ,—пояснили мнѣ.

Извозчики въ Гельсингфорсѣ превосходные—почти всѣ на резиновыхъ шинахъ; лошади—шведки—бойкія, быстрыя чрезвычайно. Въ Финляндіи шибкая ѣзда очень развита.

Почтовыя учрежденія обращаютъ на себя

вниманіе. Служащіе мужчины и женщины аккуратны и вѣжливы; ненужныхъ формальностей и придирокъ въ финскомъ почтамтѣ не бываетъ. Я получалъ корреспонденцію «до востребованія». Какъ то мнѣ вручили денежную повѣстку и сейчасъ же указали на отдѣленіе, гдѣ выдаютъ деньги. Я подалъ повѣстку. «Паспортъ съ вами?»—спросилъ чиновникъ. Я подалъ ему документъ, на который онъ взглянулъ мелькомъ и тотчасъ выдалъ деньги, попросивъ расписаться въ полученіи. Это мнѣ не стоило ни копѣйки. Меня никто не зналъ, пріѣхалъ я недавно, въ полиціи прописанъ не былъ, такъ какъ этого не полагается.

— У меня второй годъ живетъ прислуга,—говорила мнѣ одна здѣшняя русская,—никакого у нея нѣтъ документа... А весь домъ и дѣтей на нее оставляю.

— И не боитесь, не случилось бы чего?..

— О, нѣтъ!.. здѣсь такая полиція, что живо найдетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какая здѣсь выдержанная, спокойная полиція!.. Городовой смотритъ джентльменомъ: черный сюртукъ, желтые погоны и петлички, всегда чистые воротники и манжеты крахмальной рубахи и перчатки. Постоянно вѣжливый, предупредительный, онъ строго исполняетъ свои обязанности. Онъ все знаетъ, все можетъ вамъ объяснить, указать или направить.

Мнѣ приходилось здѣсь бывать при огромномъ скопленіи народа, и что же? порядокъ былъ образцовый; полицейскіе спокойно и тихо прохаживались среди народа, слѣдя за правильностью движенія. Ни одного слова, только изрѣдка поднимется рука въ бѣлой перчаткѣ—и только: это значитъ спуталось движеніе, но минута—и оно снова возстановлено.

Заработки здѣсь выше, нежели въ Россіи.

Я былъ на одномъ мыловаренномъ заводѣ. Во дворѣ ломовые извозчики нагружали товаръ и отвозили на пристань.

— Сколько платите за конецъ?—спросилъ я у инженера.

— Одну марку (40 к.),—отвѣчалъ.

— Сколько концовъ съ нагрузкой и выгрузкой сдѣлаетъ одинъ извозчикъ въ день?

— Десять, не меньше...

Значитъ, заработокъ ломоваго извозчика въ день—4 р.; работа весной, лѣтомъ и осенью—постоянная.

Гельсингфорсъ со всѣхъ сторонъ окруженъ водой и живописными парками, прекрасно содержимыми. Брунсъ-паркъ, откуда открывается превосходный видъ на море и на крѣпость Свеаборгъ; паркъ Кайсансми, съ небольшими и граціозными озерами и наконецъ паркъ Дюргордъ, при заливѣ, отличается множествомъ гранитныхъ скалъ, съ которыхъ виденъ весь городъ.

Хороши, тѣнисты и живописны эти окраины Гельсингфорса. Много, очень много народа здѣсь бываетъ по праздникамъ, да и въ будни посѣщаются эти парки охотно, особенно велосипедистами, которыхъ, къ слову сказать, въ городѣ насчитывается болѣе 2.000 мужчинъ и женщинъ.

Мрачные, сосредоточенные сѣверяне любятъ пожить хорошо и весело. Зимой театры наполнены, въ нѣкоторыхъ ресторанахъ играетъ постоянно музыка или на приспособленной сценѣ выступаютъ пѣвицы, разсказчики и т. д.

Весной городъ принимаетъ особенно опрятный, веселящійся видъ и характеръ.

На короткій эспланадѣ [1])—два большихъ ресторана, съ помѣстительными балконами и террасами, передъ которыми—масса столиковъ. Въ обоихъ ресторанахъ цѣлый день играетъ по военному оркестру музыки и вечеромъ рѣшительно трудно достать себѣ мѣсто. Мужчины и дамы, студенты и студентки и даже дѣти—всѣ возрасты сидятъ, пьютъ, ѣдятъ и наслаждаются звуками вальса и свѣжимъ, чистымъ вечернимъ воздухомъ.

Море близко. Видны пароходы, суда, а кругомъ цвѣты, молодая, только что распустившаяся зелень.

---

[1]) Пустое, не застроенное мѣсто

9.—Валаамъ и Коневецъ.

А. Н. Овсянниковъ.

На Ладожскомъ озерѣ имѣется нѣсколько замѣчательныхъ острововъ.

На Валаамѣ, одномъ изъ самыхъ большихъ Ладожскихъ острововъ, въ сѣверной части озера, находится Валаамскій Спасо-Преображенскій монастырь [1]), (въ Сердобольскомъ у. Выборгской губерніи) привлекающій къ себѣ постоянно тысячи богомольцевъ. На островѣ Валаамѣ нѣтъ мірскихъ селеній. Кромѣ Валаама, монастырю принадлежатъ еще и другіе, меньшіе острова, числомъ около 40. Поверхность ихъ преимущественно гористая, берега большею частью крутые и скалистые.

Свѣтлыя воды Ладожскаго озера, вдавшись

---

[1]) Когда возникло монашество на Валаамѣ, съ точностью неизвѣстно; по всей вѣроятности, въ X в. Основателемъ монашества на Валаамѣ считается Св. Сергій, а продолжалъ его дѣло Св. Германъ. Валаамская обитель неоднократно была разоряема шведами, а въ 1617 г. о—ва Валаамскіе были отданы шведамъ. Валаамская обитель была возстановлена въ царствованіе Петра Великаго. *Прим. составителя.*

въ материкъ Валаамскихъ острововъ, образуютъ въ разныхъ мѣстахъ живописные заливы и бухты. Никоновскій заливъ, по счастливому своему положенію, считается лучшею пристанью на обширномъ Ладожскомъ озерѣ. Въ чистомъ зеркалѣ спокойныхъ водъ величественно отражаются высокія отвѣсныя скалы и лѣсъ, растущій по берегамъ заливовъ и проливовъ. Весною и осенью пѣнистыя волны смѣло и высоко лѣзутъ на исполинскія стѣны угрюмыхъ и громадныхъ валаамскихъ скалъ; но тщетна ихъ ярость: крѣпкія скалы отбрасываютъ ихъ отъ себя, разбивая въ мельчайшіе брызги.

На берегу острова Валаама бѣлѣется крестъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, любилъ молиться преподобный *Германъ*, Валаамскій чудотворецъ. На высокой гранитной скалѣ виднѣется бѣлокаменное зданіе монастыря съ возвышающимися надъ нимъ куполами и крестами. На площадку монастыря ведетъ изъ подъ скалы гранитная лѣстница, имѣющая 70 ступеней. Зданіе монастыря состоитъ изъ двухъ четырехугольниковъ, заключенныхъ одинъ въ другомъ. Противъ Святыхъ воротъ во внутреннемъ четырехугольникѣ расположены другія ворота, служащія входомъ во внутренній широкій монастырскій дворъ. На правой сторонѣ этого двора—соборный храмъ Преображенія Господня и подъ нимъ церковь Преподобныхъ Сергія и Германа, Валаамскихъ

чудотворцевъ, гдѣ почиваютъ ихъ нетлѣнныя мощи. Архитектура всѣхъ монастырскихъ зданій очень простая; кельи настоятельскія небольшія, со сводами. Кельи братій расположены по обѣ стороны общаго корридора, подобно кельямъ греческихъ монастырей. Каждая изъ нихъ имѣетъ не болѣе полуторы сажени длины, со сводомъ и освѣщается узенькимъ окномъ. Деревянный столъ, стулъ, скамья съ войлокомъ и жесткой подушкой—вотъ всѣ принадлежности смиреннаго иноческаго жилища.

Трапеза монастырская представляетъ длинную комнату, освѣщенную съ двухъ сторонъ рядомъ большихъ оконъ; на передней ея стѣнѣ—выкрашенный деревянный иконостасъ съ иконами Спасителя, Богоматери, Тайной вечери; въ простѣнкахъ между окнами изображены Преподобные Германъ и Сергій.

Вблизи монастыря, для пріѣзжающихъ богомольцевъ, устроена двухъ-этажная гостиница, заключающая около ста номеровъ, снабженныхъ приличною мебелью. Всѣмъ посѣтителямъ прислуживаетъ монастырская братія. Недалеко отъ гостиницы находится зданіе странопріемнаго дома; по два, по три дня, а иногда и по недѣлѣ гостятъ, за непогодой, бѣдняки въ этомъ домѣ. Монастырь питаетъ ихъ, снабжаетъ, при отправленіи въ дорогу, хлѣбомъ, даетъ по возможности, кому платье, кому сапоги, въ случаѣ особой надоб-

ности и деньги; удѣляетъ также разныя сѣмена для посѣва.

Валаамскій монастырь—одинъ изъ древнѣйшихъ на Русси—съ самаго своего основанія не переставалъ оказывать на окрестныхъ жителей просвѣтительное вліяніе и не только христіанскою проповѣдью, но и хозяйственною своею дѣятельностью. Монастырь имѣетъ прекрасныя механическія мастерскія, состоящія изъ литейной, столярной, токарной, кузнечной и проч. Отличная паровая машина доставляетъ монастырю воду, болѣе 20-ти сорока-ведерныхъ бочекъ въ часъ. Та-же машина, посредствомъ приводовъ, въ особыхъ отдѣленіяхъ, пилитъ лѣсъ на доски, мелетъ муку, приводитъ въ дѣйствіе пожарные станки, на которыхъ выдѣлываются разныя металлическія и деревянныя вещи. Около монастыря расположены разныя хозяйственныя постройки. Смолокуренный заводъ монастыря производитъ ежегодно до 1,000 пудовъ смолы и до 200 пудовъ скипидару. На одномъ изъ островов устроенъ превосходный скотный дворъ; молочные скопы сбываются въ Петербургъ. Монахи занимаются обширною рыбною ловлею, необходимою для продовольствія братіи и большого числа богомольцевъ. Между монахами имѣются живописцы и отличные каменотесы.

При монастырѣ находится большой древесный питомникъ, въ которомъ разводятся

прекрасныя деревья,—лиственныя и хвойныя. Садоводство въ монастырѣ, не смотря на суровый климатъ, находится въ блестящемъ состоянiи. Въ монастырскихъ садахъ насчитывается до 400 яблонь, приносящихъ въ урожайные годы болѣе полуторы тысячи четвериковъ яблокъ (до 86 породъ). Замѣчательно, что Валаамскiй монастырь стоитъ на голой скалѣ; поэтому монахи, для разведенiя садовъ, почву создали искусственную. На поверхность обнаженныхъ скалъ они наносили мелкiе камни, прикрывали ихъ слоемъ перегнившаго лѣснаго хвороста; на этомъ, лѣсномъ черноземѣ, какъ здѣсь называютъ, наваливали слой почвы, происшедшей отъ разрушенiя скалъ. Такимъ образомъ произошелъ искусственный наносъ, толщиною отъ аршина до сажени, на которомъ растутъ теперь всякiя растенiя. Разсадникъ монастырскiй содержитъ около 1,300 молодыхъ плодовыхъ деревьевъ. Кромѣ того, монастырь имѣетъ ботаническiй садъ, гдѣ растутъ разныя аптекарскiя травы, превосходный ягодный питомникъ и обширный огородъ. Всѣ иноки, отъ настоятеля и до послѣдняго послушника, лѣтомъ участвуютъ въ уборкѣ сѣна, въ насажденiи овощей, сборѣ плодовъ въ садахъ и огородахъ. Освобождаются отъ лѣтнихъ работъ только престарѣлые иноки, не имѣющiе силъ къ тѣлеснымъ трудамъ.

Другая обитель, расположенная также на

одномъ изъ острововъ Ладожскаго озера, но гораздо ближе къ Шлиссельбургу—*Коневецкая*. Островъ Коневецъ, на которомъ расположена эта обитель, самъ по себѣ не великъ [1]), природа его бѣдна, почва глинистая и песчаная и, кромѣ густаго сосноваго лѣса, почти нѣтъ никакой растительности. Единственное средство къ пропитанію жителей—это рыбная ловля; поэтому безпрестанно видно много монаховъ, тянущихъ тяжелыя сѣти. Всюду на этомъ островѣ пустынно и дико; кругомъ шумятъ темносинія волны. Монастырскія строенія, испещренныя поросшимъ на нихъ мхомъ, уныло рисуются на зелени сосѣдняго лѣса; протяжный звонъ монастырскаго колокола сливается съ неумолкаемымъ шумомъ озерныхъ волнъ.

Островъ *Коневецъ* находится въ западной сторонѣ Ладожскаго озера, въ Кексгольскомъ уѣздѣ, Выборгской губерніи. Отъ С.-Петербурга онъ отстоитъ сухимъ путемъ на 120 верстъ, водою на 180. Среди острова высятся двѣ отдѣльныя горы: гора Святая и гора Змѣиная, такъ названная по ея извилистому виду. Святая гора—это лучшая мѣстность Коневскаго острова по живописнымъ видамъ и плодородію почвы. Съ вершины этой горы открывается великолѣпный видъ на озеро и на всю окрестность. По горѣ и при ея ска-

[1]) Длины Коневецъ имѣетъ около 5 верстъ, а ширины съ небольшимъ двѣ; вся окружность его около 10 верстъ.

тахъ, вслѣдствіе лучшаго грунта земли, расположились пашни, огороды, покосы и сады.

Особаго труда здѣсь требуетъ разведеніе пашенъ. Необходимо предварительно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, очищать почву отъ множества мелкихъ камней: поэтому пахотной земли монастырь имѣетъ не болѣе 27 десятинъ,—на нихъ сѣютъ рожь, овесъ, ячмень. Но, даже при самомъ хорошемъ урожаѣ, собираемаго хлѣба далеко не хватаетъ для монастыря. На монастырскихъ огородахъ произростаютъ: капуста, картофель и прочія овощи въ достаточномъ количествѣ на круглый годъ для монастырскаго обихода. Въ саду, въ хорошіе годы, въ изобиліи растутъ разныхъ сортовъ яблоки, груши и ягоды—крыжовникъ, малина, смородина, клубника. Довольствуясь для своихъ потребностей однимъ валежникомъ, монастырь хранитъ свой лѣсъ, какъ мощную защиту отъ сѣверныхъ непогодъ и какъ дорогое, лучшее свое украшеніе. Плотоядныхъ звѣрей и ядовитыхъ гадовъ на островѣ вовсе нѣтъ, водятся здѣсь только векши и зайцы.

Около береговъ острова, въ озерѣ, производится рыбная ловля. Неводъ, употребляемый для ловли, имѣетъ около версты длины. Ловятся здѣсь круглый годъ окуни, щуки, харіусы. Ловля сиговъ и другой крупной рыбы начинается въ октябрѣ, послѣ праздника Казанской Божіей Матери, и продолжается до

дня Архангела Михаила: въ это время рыба приходитъ сюда метать икру. Ловля бываетъ сопряжена съ большими затрудненіями, такъ какъ производится въ бурное осеннее время, когда опасность еще увеличивается тѣмъ неудобствомъ, что нужно ловить рыбу не днемъ, а ночью,—рыба, по словамъ рыбаковъ, не мечетъ икры днемъ, боясь шума.

Первымъ обитателемъ пустынныхъ дебрей Коневскихъ и основателемъ въ нихъ селенія монашескаго былъ преподобный, *Арсеній* чудотворецъ Коневскій. Родомъ онъ былъ изъ Новагорода. Съ юныхъ лѣтъ любилъ онъ посѣщать храмъ Божій и мѣстомъ для иноческихъ подвиговъ избралъ пустынную обитель недалеко отъ Новагорода; здѣсь онъ былъ постриженъ въ монашество въ 1379 году. Однажды въ обитель пришли иноки Аѳонской горы. Своими разсказами о высокомъ подвижничествѣ на Святой горѣ они такъ воспламенили Арсенія, что онъ сталъ просить своего игумена отпустить его на Аѳонъ. проживъ три года на Аѳонѣ, возвратился преподобный Арсеній въ Россію съ иконою Пресвятой Богородицы. По Волхову отправился Арсеній въ Ладожское озеро, намѣреваясь на одномъ изъ пустынныхъ островъ его устроить иноческую обитель. Побывалъ онъ и на Коневскомъ островѣ. Здѣсь построилъ онъ небольшую деревянную келію, въ которой прожилъ уединенно два года;

потомъ спустился на юго-западный берегъ острова къ небольшой бухтѣ, гдѣ, съ нѣсколькими учениками, около 3-хъ лѣтъ проводилъ скитскую жизнь. Въ скоромъ времени Арсеній поставилъ на островѣ деревянную небольшую церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, деревянныя келіи и ограду.

Такъ основана была *Коневская обитель.* До водворенія иноковъ Коневскій островъ не имѣлъ обитателей. Находящійся на островѣ громадный камень служилъ въ то время предметомъ суевѣрнаго почитанія для береговыхъ жителей. На лѣто перевозили они сюда свой скотъ для прокормленія, а осенью, увозя скотъ обратно, вь благодарность своимъ богамъ за его сохраненіе, оставляли здѣсь, у камня, одного коня въ жертву. Отъ этого суевѣрнаго обычая самый камень получилъ названіе «*Конь—камень*», а отъ него и островъ свое имя «*Коневецъ*».

10.—Озерная область. (Природа страны).

Географическій очеркъ.

Я. Р.

I.

Въ составъ озерной или древне-новгородской области входятъ четыре губерніи, занимающія вмѣстѣ обширную площадь въ 6702 квадр. мили: Олонецкая, С.-Петербургская, Новгородская и Псковская.

Если посмотрѣть даже не на очень подробную карту этого края, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что онъ по справедливости называется «Озернымъ». Кромѣ Финляндіи, нѣтъ мѣста въ Россіи, гдѣ бы озера являлись въ такомъ изобиліи, какъ здѣсь. Весь край положительно испещренъ озерами, занимающими приблизительно одну пятую часть его поверхности. Въ одной Олонецкой губерніи насчитываютъ до 2000 озеръ, въ число которыхъ входятъ такія, какъ Онежское, часть Ладожскаго, Лаче, Сегозеро, Выгозеро и др.;

что-же касается мелкихъ, то едва-ли половина ихъ вошла въ общій счетъ. Въ Новгородской губерніи, которая изслѣдована гораздо лучше Олонецкой, насчитываютъ болѣе 3200 озеръ. Всего богаче озерами холмисто-возвышенныя мѣста края. Въ губерніяхъ Псковской и Петербургской озеръ меньше и, за исключеніемъ Чудскаго, они менѣе значительны по размѣрамъ; при томъ въ первой изъ этихъ губерній богаче озерами мѣста, пролегающія къ Валдайской возвышенности, а во второй—уѣзды Лугскій и Гдовскій.

Большая часть Озернаго края представляетъ равнину, понижающуюся въ направленіи къ Финскому заливу; холмистыя пространства находятся только въ сѣверо-восточной и юго-западной частяхъ края. Весь сѣверъ Олонецкой губерніи занятъ гранитными кряжами Олонецкой возвышенности, составляющими естественное продолженіе гранитныхъ кряжей сосѣдней Финляндіи; они заполняютъ также большую часть пространства между озерами Ладожскимъ и Онежскимъ и образуютъ скалистые сѣверные берега и полуострова этихъ озеръ. Нигдѣ не поднимаясь болѣе 142 саженъ надъ уровнемъ моря, Олонецкія возвышенности, подобно финляндскимъ, тянутся въ юго-восточномъ направленіи. Между ними залегаютъ безчисленныя болота и озера и мѣстность своимъ общимъ характеромъ сильно напоминаетъ Финляндію. Немало здѣсь и жи-

вописныхъ видовъ, какихъ немного найдется и въ Финляндіи, особенно на самомъ восточномъ кряжѣ Олонецкой возвышенности, Масельгѣ, (къ сѣверу отъ озера Водло), служащемъ водораздѣломъ между Бѣлымъ моремъ и Онежскимъ озеромъ. Тутъ виднѣются многочисленныя озера, усѣянныя красивыми островками, змѣящіяся рѣчки и живописныя каменныя громады, разбросанныя среди дремучихъ лѣсовъ.

Поверхность Озернаго края всего болѣе приподнята на юго-западѣ Новгородской губерніи, гдѣ находится сѣверная часть средне-русской возвышенности, или такъ называемыя Валдайскія горы, которыя въ предѣлахъ этого края доходятъ до 110 саженъ высоты надъ уровнемъ моря (Попова гора около города Валдая). Сѣвернымъ продолженіемъ Валдайской возвышенности являются Шереховичскія горы на правомъ берегу Мсты. Отроги Валдайской возвышенности заходятъ и въ восточную часть Псковской губерніи, достигая иногда значительной высоты; въ эту же губернію посылаетъ свои отроги и Гаангофское нагорье изъ Прибалтійскаго края. Холмы, гряды и цѣпи холмовъ, чередующіеся съ низинами, котловинами и долинами, на днѣ которыхъ залегаютъ большія и малыя озера и иногда болота, множество валуновъ—вотъ что встрѣчается очень часто на Валдайской возвышенности. Въ общемъ уныла и однообразна

природа озернаго края, но въ его холмистыхъ мѣстностяхъ часто встрѣчаются такіе уголки, которыми всякій можетъ залюбоваться, красоту которыхъ понимали и чувствовали такіе чуткіе ко всему прекрасному люди, какъ нашъ великій поэтъ Пушкинъ. «Между высокими песчаными холмами блеститъ гладкое озеро, усѣянное лѣсистыми островками. На одномъ изъ такихъ островковъ пріютился старинный храмъ или монастырь. Къ берегамъ озера спускаются то засѣянныя поля, то цвѣтистыя лужайки, то деревушки, а не то надвинется густой, темный боръ, словно захотѣлось ему полюбоваться въ зеркалѣ водъ на дикую красоту свою». (С. Мечъ). Въ одномъ изъ такихъ уголковъ, именно въ селѣ Михайловскомъ Псковской губерніи, Пушкинъ жилъ нѣкоторое время. Извѣстное стихотвореніе поэта—«Опять на родинѣ», какъ нельзя лучше воспроизводитъ скромную красоту этого уголка и вообще нашей русской природы:

. . . . Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ..
Отшельникомъ три года незамѣтныхъ...
. . . . . Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
. . . . Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...

Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогой неводъ. По берегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ....
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ, одни поодаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда
ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ присвѣтѣ лун-
ной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вер-
шинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собой
Увидѣлъ ихъ опять: онѣ все тѣже,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась,
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По прежнему все пусто...

II.

Мы уже говорили, что обиліе озеръ составляетъ самую характерную особенность этого края, давшую ему названіе «Озернаго». Здѣсь находятся величайшія озера Европы, каковы Ладожское, Онежское и безчисленное множество другихъ озеръ всевозможныхъ размѣровъ, занимающихъ въ общей сложности огромную площадь. Причина этого обилія озеръ лежитъ въ далекомъ прошломъ этого края. Многія наблюденія доказываютъ, что тѣ озера, которыя мы здѣсь видимъ, суть только слабые остатки бывшихъ здѣсь прежде скопищъ прѣсной воды, что нынѣшняя озерная область была нѣкогда залита на большей части своего протяженія большими и малыми озерами, которыя связывались другъ съ другомъ и искали себѣ стоковъ въ мѣста болѣе низменныя. Вѣроятно и истоки Волги въ то время имѣли иной видъ, чѣмъ теперь, и соединялись съ водами Озернаго края. Если поднять уровень одного изъ озеръ, лежащихъ въ верховьяхъ Волги, напримѣръ Селигера, футовъ на 25, то его воды соединились бы съ водами не только многихъ сосѣднихъ озеръ, но и съ озерами, изъ которыхъ собираетъ свои воды рѣка Ловать, текущая въ Ильмень. Но въ дѣйствительности уровень Селигера лежалъ выше современнаго уровня на цѣлые 75 футовъ. При такихъ условіяхъ не только *озера бассейна* Лавата *со-*

единялись съ Селигеромъ, но и мѣста, снабжающія водою Волгу, должны были посылать много источниковъ и рѣчекъ къ озеру Ильменю, а также составлять одно цѣлое съ озерами, изъ которыхъ въ настоящее время беретъ начало Западная двина. Въ этомъ убѣждаетъ насъ цѣлая сѣть небольшихъ озеръ, болотъ, береговыхъ валовъ и прѣсноводныхъ отложеній (ила, раковинъ, костей, рыбъ) къ югу отъ истоковъ Волги. Убѣждаютъ насъ въ этомъ и живые свидѣтели, а именно рыбы. Большая часть рыбъ, обитающихъ въ верховьяхъ Волги, имѣютъ своимъ отечествомъ воды Балтійскаго моря и Ледовитаго океана. Когда онѣ сюда попали? Очевидно тогда, когда верхне-воложскія озера находились въ связи съ балтійскими.

Точно также и озера, которыя мы нынѣ видимъ у истоковъ Шексны, являются лишь остатками древнихъ громадныхъ скопленій прѣсной воды. Такимъ остаткамъ является Бѣлоозеро, дающее начало Шекснѣ. Большая часть самой Шексны произошла изъ ряда озеръ, покрывавшихъ Кирилловскій, Бѣлозерскій и Череповецкій уѣзды Новгородской губерніи. Уровень этихъ озеръ стоялъ по крайней мѣрѣ футовъ на 70 выше современнаго уровня рѣки, такъ какъ на этой высотѣ встрѣчаются на берегахъ громадныя толщи древнихъ прѣсноводныхъ отложеній—песку, глины, гальки, раковинъ и т. п. Если мы отправимся отъ Шексны къ сѣверу, на водо-

раздѣлы между бассейнами Волги и морей Балтійскаго и Бѣлаго, то и здѣсь найдемъ сотни мелкихъ озеръ, иногда выпускающихъ рѣки къ различнымъ морямъ, найдемъ и мощныя толщи прѣсноводныхъ отложеній, доказывающихъ, что площадь нынѣшнихъ озеръ нѣкогда было гораздо обширнѣе. Самые большіе озера этого края, Онежское, Чудское, Ильмень, прежде занимали поразительно-громадное пространство. Судя по громаднымъ талщамъ наносовъ, лежащихъ у южныхъ береговъ Онежскаго озера, уровень его былъ футовъ на 70—100 выше современнаго, слѣдовательно и разливалось оно на пространствѣ въ нѣсколько разъ большемъ того, какое оно занимаетъ теперь. Есть основаніе думать, что уровень Балтійскаго моря тогда былъ выше футовъ на 60, а въ такомъ случаѣ оно неизбѣжно соединялось съ нынѣшнимъ Ладожскимъ озерамъ.

Итакъ Озерный край былъ нѣкогда залитъ обширными озерами, которыя въ теченіе долгаго ряда вѣковъ открыли себѣ дорогу къ морямъ, спустили туда огромную массу своихъ водъ, вслѣдствіе чего сами уменьшились въ размѣрахъ, раздробились на множество мелкихъ озеръ, или же превратились въ торфяники и болота. Это постепенное обсыханіе края, увеличеніе суши на счетъ воды, продолжается и въ настоящее время. Многія, довольно значительныя озера, въ теченіе

какихъ нибудь трехъ сотъ лѣтъ исчезли съ лица земли, многія уменьшаются и превращаются въ болота, такъ сказать, на глазахъ людей. Одной изъ главнѣйшихъ причинъ этого превращенія озеръ въ болота является тотъ самый мохъ-торфяникъ (sphagnum), который мягкими подушками устилаетъ наши болота. Тѣмъ озерамъ, на берегу которыхъ появился мохъ-торфяникъ, уже грозитъ опасность исчезновенія. Съ каждымъ годомъ это растеніе оцѣпляетъ все больше и больше берега озера и длинными языками выдвигается къ его срединѣ; десятка черезъ два лѣтъ онъ образуетъ у береговъ мягкую, зыбкую пелену, на которой уже пріютились клюква, морошка и др. растенія. Проходятъ еще десятки лѣтъ, и мохъ заплетаетъ своими языками уже всю поверхность озера, оставляя мѣстами только небольшія прогалины—„окна". «И, можетъ быть, найдется сѣдой старикъ, съ которымъ вамъ придется охотиться за бѣлыми куропатками или за молодыми тетеревами около этого пространства, превратившагося теперь въ совершенное болото, который скажетъ, гдѣ онъ во время дѣтства, въ какихъ частяхъ этого нѣкогда бывшаго озера, купался, гдѣ ставилъ рыболовныя снасти на окуней или ершей. Навѣрное онъ разскажетъ, какъ—по срединѣ исчезнувшаго окончательно, на его памяти, озерка, былъ островокъ, на который каждогодно прилетала гнѣздиться

парочка бѣлоснѣжныхъ лебедей; онъ разскажетъ, какъ онъ ихъ щадилъ и какъ они его радовали, но какъ наконецъ они исчезли, увидя, что уже не осталось имъ настолько воды, чтобы можно было поплавать" (И. Поляковъ). Просохнувъ болѣе или менѣе, болота превращается въ торфяникъ. Послѣ того, что было сказано о древнихъ озерахъ края, понятно, почему торфяныя болота занимаютъ здѣсь огромныя пространства, невольно вызывающія удивленіе, и такъ многочисленны. Такъ, напр., въ Новгородской губерніи одно болото, лежащее на границѣ уѣздовъ Череповскаго, Устюжскаго и Бѣлозерскаго, занимаетъ болѣе тысячи квадр. верстъ; въ той же губерніи находится еще нѣсколько болотъ— по нѣсколько сотъ кв. верстъ, а мелкія разбросаны повсемѣстно. Въ Олонецкой губерніи болота въ 100—150 верстъ въ окружности считаются десятками; особенно болотиста сѣверо-западная часть губерніи. Такими же болотистыми являются и остальныя двѣ губерніи Озернаго края.

III.

Озерный крй очень богатъ рѣками, которыя отчасти направляются къ Бѣлому морю, отчасти принадлежатъ къ бассейну рѣки Волги, но главнымъ образомъ къ Балтійскому морю. Къ первымъ принадлежитъ между почимъ рѣка Онега, которая беретъ

свое начало изъ озера Воже и до озера Лача извѣстна подъ именемъ Свидъ, ко вторымъ: текущая въ Бѣлоозеро Ковока и выходящая изъ него Шексна, часть рѣки Мологи и ея притокъ Чагодоща. Большая часть рѣкъ, принадлежащихъ Балтійскому морю, предварительно собирается въ главные водоемы Озерпаго края—озера: Онежское, Ильмень, Ладожское и Пейпусъ. Онежское озеро принимаетъ множество небольшихъ рѣкъ, изъ которыхъ наибольшее значеніе имѣетъ рѣка *Вытегра*, впадающая въ юго-восточный уголъ озера. Вытегра имѣетъ всего 54 версты длины. Спускаясь въ озеро съ довольно значительныхъ возвышенностей, Вытегра образуетъ опасные пороги, но рѣка судоходна, благодаря устроеннымъ на ней шлюзамъ и обходному каналу. Берега ея иногда очень живописны; мѣстами рѣка прихотливо извивается среди очень высокихъ береговыхъ обрывовъ, то поросшихъ лѣсамъ, то совершенно обнаженныхъ. Но ниже города Вытегры, берега рѣки стелются однообразною ровниною, усѣянною болотами, озерами, трясинами, поросшею мелкими березками, елями и соснами и почти совершенно безлюдной. Съ Востока впадаетъ въ Онежское озеро рѣка *Водла*, вытекающая изъ Водлозера. Въ нижнемъ своемъ теченіи Водла достаточно многоводна и доступна для небольшихъ пароходовъ, но до города Пудожа пароходы не доѣзжаютъ и останавливаются

у пристани Подпорожье, называемой такъ потому, что здѣсь во всю ширину рѣки легъ порогъ, который и мѣшаетъ дальнѣйшему плаванію. Водла служитъ главнымъ образомъ для сплава лѣса; въ верхнихъ частяхъ рѣки лѣсъ идетъ розсыпью (отдѣльными бревнами), но тамъ, гдѣ существуетъ пароходное движеніе, лѣсъ связывается въ плоты. Съ сѣверо-запада бѣжитъ въ Онежское озеро быстрая рѣка *Суна,* знаменитая своими тремя водопадами (Гирвасъ, Порпорогъ и Кивачъ), изъ которыхъ *Кивачъ* самый значительный. Обрамленный скалами и лѣсами, расположенный въ дикой, пустынной мѣстности, Кивачъ очень живописенъ. Желтоватыя воды Суны плавно подкатываются къ краю скалы и стремительно падаютъ съ семисаженной высоты. Вода мчится громадными бѣлыми клочьями и разбивается внизу съ страшнымъ шумомъ и ревомъ въ тончайшую пыль. „Всѣхъ глаголовъ русскаго языка, изображающихъ стукъ и дѣйствіе, не хватитъ для этого описанія. Между молотами и наковальнями всѣхъ силъ и величинъ дробится вода въ грозномъ падунѣ. Лодка съ куклами, спущенная съ него, огромный плотъ съ зажженными на немъ грудами хвои, десятки балокъ—все это уходитъ въ него, поглащается. Говорятъ, что когда-то былъ такой смертный, который, попавъ въ водопадъ, увидѣлъ, пройдя его, свѣтъ Божій вторично. Трудно повѣрить.

Должно быть, въ самомъ центрѣ водопада русло рѣки изрыто чрезвычайно глубоко, потому что огромныя пятисаженныя балки, попавъ въ него, пробывъ болѣе или менѣе долго подъ водой, выскакиваютъ изъ какихъ-то невѣдомыхъ глубинъ на 3/4 своей длины, точно небольшіе карандашики. Отвести рѣку Суну человѣкъ можетъ, но узнать, что дѣлается въ холодномъ кипѣньи падуна—никогда" (К. Случевскій). Дикая красота водопада производитъ на зрителя сильное впечатлѣніе. Знаменитый поэтъ Екатерининскаго времени, Державинъ, воспѣлъ Кивачъ звучными стихами въ извѣстномъ стихотвореніи „Водопадъ":

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ....
Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ буграми въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ:
О, водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ и во мглѣ!
Вѣтрами ль сосны пораженны?
Ломаются въ тебѣ въ куски.
Громами ль камни отторженны?
Стираются тобой въ пески.
Сковать ли воду льды дерзаютъ?
Какъ пыль стеклянна, ниспадаютъ...

Ниже Кивача Суна имѣетъ нѣсколько пороговъ, но они проходимы, если лодкою управляютъ опытные рулевые. Ширина Суны отъ тридцати до шестидесяти сажень. Рѣка течетъ очень быстро (15—20 верстъ въ часъ), среди красивыхъ, высокихъ, покрытыхъ сосновымъ, березовымъ и ольховымъ лѣсомъ береговъ. По Санѣ сплавляется много лѣса. Для спуска бревенъ на одной сторонѣ водопада устроено отлогое деревянное русло. Спущенное бревно летитъ какъ стрѣла, ныряетъ въ глубь и выплываетъ ниже водопада. Случается, что бревна попадаютъ въ самую стремнину и разбиваются въ щепы, нѣкоторыя застрѣваютъ между камнями и образуютъ заломы. Для очищенія заломовъ съ одного берега рѣки на другой протягивается канатъ, по которому на блокѣ ходитъ люлька; въ люльку садится рабочій и, вися надъ бездной, посредствомъ веревочной петли вытаскиваетъ на поверхность воды застрявшія бревна.

Изъ своего юго-западнаго угла Онежское озеро выпускаетъ рѣку Свирь. На правомъ берегу начинающейся Свири лежитъ Вознесенскій посадъ, мимо котораго въ лѣтнее время проходятъ изъ Маріинской системы въ Петербургъ множество судовъ, везущихъ на милліоны рублей всякаго добра, преимущественно хлѣба. Въ Вознесеньѣ есть три каменныхъ церкви, мореходный классъ, почтовая контора, образцовое училище, но въ об-

щемъ этотъ посадъ своими маленькими, невзрачными деревянными домиками не производитъ того впечатлѣнія, какого можно было бы ожидать отъ такого важнаго въ торговомъ движеніи мѣста. Лѣтомъ здѣсь жизнь бьетъ ключемъ, но въ долгую зиму все замираетъ и отъ лѣтняго оживленія нѣтъ и помину. У самаго своего истока Свирь кажется могучей рѣкой, немногимъ уступающей Невѣ количествомъ воды. Но это только кажется, а въ дѣйствительности Свирь приноситъ въ четыре раза меньше воды, чѣмъ Нева. Когда-то Свирь была страшна своими порогами, но теперь ихъ почти не существуетъ и они обозначаются только стремнинами. Но все-таки пароходство по Свири сопряжено съ нѣкоторыми опасностями и требуетъ опытныхъ лоцмановъ. Здѣшніе лоцмана составляютъ особое «лоцманское общество», существующее со времени Петра великаго. Они приписаны къ станціямъ, становятся лоцманами только при открывшейся вакансіи и получаютъ за проводъ пароходовъ и барокъ вознагражденіе по таксѣ. Лѣсистые берега Свири очень красивы, они высоки и мѣстами представляютъ высокіе скалистые обрывы, состоящіе изъ разноцвѣтныхъ пластовъ. При самомъ устьѣ Свири лежитъ Сермаксъ-селеніе, имѣющее такое же важное значеніе для нашего рѣчного судоходства, какъ и Вознесенье.

Сясь, съ своимъ правымъ притокомъ Тих-

винкой, медленно течетъ по болотистой низменной равнинѣ и впадаетъ въ юго-восточный уголъ Ладожскаго озера. Верховья Тихвинки находятся недалеко отъ одного изъ притоковъ рѣки Мологи, впадающей въ Волгу, и соединены съ Мологой Тихвинскимъ каналомъ. По берегамъ обѣихъ рѣкъ довольно густое населеніе, но теперь по Тихвинской системѣ нѣтъ уже того оживленія, какое было прежде. Теперь по Сяси сплавляются главнымъ образомъ дрова въ Петербургъ. Лѣтомъ и весною дрова виднѣются всюду: и на рѣкѣ, и на песчаныхъ береговыхъ откосахъ; работа кипитъ на обоихъ берегахъ и подлѣ главныхъ пристаней виднѣется много народа. Замѣтимъ еще, что на берегу рѣки Сяси лежитъ деревня Столбово, знаменитая въ русской исторіи заключеніемъ мира со шведами въ 1617 году.

Къ западу отъ Сяси вливается въ Ладожское озеро большая рѣка Волховъ, вытекающая изъ озера Ильменя. Только ближе къ Новгороду на берегахъ рѣки встрѣчаются на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега невысокіе холмы, но въ среднемъ и нижнемъ теченіи Волховъ катитъ свои мутныя волны среди плоскихъ, болотистыхъ береговъ, далеко затопляемыхъ водою во время весенняго водополья. Спускаясь въ низменную равнину, окаймляющую съ юга Ладожское озеро, Волховъ образуетъ пороги (Гостинопольскіе), но движеніе

пароходовъ и барокъ происходитъ на всемъ протяженіи рѣки.

Выпуская Волховъ, озеро Ильмень вознаграждаетъ себя водами трехъ довольно длинныхъ рѣкъ: Шелони, Ловати и Мсты. Шелонь и Ловать текутъ среди холмистыхъ, высокихъ береговъ, имѣютъ каменистое русло, богаты водой только во время весенняго водополья и осеннихъ дождей, а лѣтомъ сильно мелѣютъ; судоходны онѣ только на нѣсколько десятковъ верстъ въ своемъ нижнемъ теченіи. Мста начинается въ Тверской губерніи, недалеко отъ р. Тверцы, лѣваго притока Волги, и въ своемъ верхнемъ теченіи называется Цною. Пройдя озеро Мстино и принявъ въ свое настоящее названіе, Мста описываетъ огромную дугу, пересѣкаетъ Валдайскую возвышенность и широкой рѣкой вливается въ Ильмень озеро, недалеко отъ истока рѣки Волхова. Мста течетъ чрезвычайно извилисто, быстро и шумно по своему усыпанному камнями ложу. По обѣимъ сторонамъ рѣки поднимаются высокіе холмы, поднимающіеся иногда своими обнаженными песчаными откосами саженъ на двадцать надъ ея уровнемъ, отступая на недалекое разстояніе отъ воды. Съ вершинъ этихъ холмовъ открываются живописнѣйшие виды на долину самой рѣки, извивающейся прихотливыми изгибами, и на ближайшія окрестности. Вообще Мста принадлежитъ къ числу красивѣйшихъ рѣкъ въ Россіи и сохраняетъ свою красоту почти

по всему теченію. Ранней весной Мста многоводна, но лѣтомъ сильно мелѣетъ, такъ что во многихъ мѣстахъ обнажается ея каменистое дно, выступая многочисленными островками, и рѣку можно переходить въ бродъ. Мелководье, быстрота теченія и пороги дѣлаютъ судоходство по Мстѣ довольно опаснымъ и не во всякое время возможнымъ. Барки и плоты съ дровами и лѣсомъ, или какъ здѣсь называютъ, «гонки», могутъ идти по рѣкѣ только тогда, когда уровень ея искусственно повышается водою, выпускаемою изъ вышневолоцкихъ водохранилищъ. Самымъ опаснымъ мѣстомъ на Мстѣ являются Боровичскіе пороги. Они начинаются у Опечинскаго посада, проходятъ мимо города Боровичей и оканчиваются на недалекомъ отъ него разстояніи, у Потерпѣлицкой пристани, гдѣ обыкновенно исправлялись суда, потерпѣвшія поврежденіе въ порогахъ. На пространствѣ между Опеченскимъ посадомъ и Потерпѣлицами находится тридцать пять пороговъ и одиннадцать островковъ, не покрывающихся водою. Вода въ порогахъ кипитъ, какъ въ котлѣ, и рѣка съ шумомъ несется съ такою быстротою, что барки пробѣгаютъ тридцатишестиверстное разстояніе отъ Опеченскаго посада до Боровичей въ часъ съ небольшимъ времени.

Воды озеръ Ильменскаго и Онежскаго, собравшись въ величайшее изъ прѣсноводныхъ озеръ Европы—Ладожское, выливаются въ

Финскій заливъ черезъ широкую рѣку Неву. Нева, имя которой произошло отъ Нево, древняго названія Ладожскаго озера, имѣетъ всего 63 версты длины, но по всей ширинѣ (120—600 саженъ), глубинѣ и количеству воды, принадлежитъ къ числу большихъ рѣкъ Европы. Потокъ Невы настолько многоводенъ, что вся восточная часть Финскаго залива до острова Котлина и далѣе имѣетъ прѣсную воду. При впаденіи въ море Нева развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ и протоковъ, омывающихъ большіе и малые острова, на которыхъ расположенъ Петербургъ. Отъ устья Невы начинается Морской каналъ, устроенный для того, чтобы большія морскія суда могли подходить къ самому Петербургу. Подо льдомъ Нева остается среднимъ числомъ около пяти мѣсяцевъ, но бывали годы, когда ледъ держался болѣе шести мѣсяцевъ, а также менѣе трехъ мѣсяцевъ. Вскрытіе Невы начинается отъ ея истока, и на время ледохода разводятся деревянные мосты въ Петербургѣ. Ледоходъ на Невѣ бываетъ обыкновенно два раза: спустя нѣкоторое время послѣ перваго ледохода на рѣкѣ начинаютъ появляться льдины сначала въ небольшомъ количествѣ, а затѣмъ сплошною массою. Это идетъ ледъ изъ Ладожскаго озера. При сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ вторичный ледоходъ на Невѣ бываетъ очень силенъ, но если дуютъ вѣтры юго-западные, то льду идетъ меньше, такъ какъ часть его уго-

няется отъ истока рѣки и успѣваетъ растаять прежде, чѣмъ попадетъ въ нее опять. Весной Нева не разливается, въ отличіе отъ другихъ русскихъ рѣкъ, и не затопляетъ своихъ береговъ. Послѣднее случается всего чаще въ осеннее время, когда дуютъ сильные западные вѣтры. Эти вѣтры задерживаютъ воды рѣки, гонятъ ее обратно и образуютъ какъ бы подвижную запруду, которая заставляетъ рѣку выступать изъ береговъ и затоплять низменные острова, при ея устьѣ. Петербургъ много разъ страдалъ отъ наводненій и до сихъ поръ люди ничего не могли придумать, чтобы отвратить это бѣдствіе, отъ котораго страдаютъ и богачи, имѣющіе склады товаровъ въ подвалахъ, и особенно бѣдняки, ютящіеся въ подвальныхъ этажахъ домовъ. Изъ всѣхъ петербургскихъ наводненій особенно памятно наводненіе, случившееся 7 ноября 1824 года, когда вода въ Невѣ поднялась на двѣ сажени слишкомъ выше обыкновеннего уровня, потопила много народу и причинила милліонные убытки.

Еще до основанія Петербурга Нева была главнымъ и почти единственнымъ путемъ для торговыхъ сношеній Новгорода съ нѣмецкими городами Балтійскаго побережья. За обладаніе этимъ путемъ долго шла упорная борьба между Новгородомъ съ одной стороны, шведами и нѣмцами—съ другой. Со времени основанія Петербурга Нева пріобрѣла еще большее зна-

ченіе, какъ выходъ товаровъ изъ Поволжья къ столицѣ и Балтійскому морю.

Рѣки озернаго края сближаются своими верховьями не только съ Волгой, но и съ рѣками Бѣлаго моря; будучи соединены каналами, онѣ образуютъ четыре системы искусственныхъ водныхъ сообщеній: принца Александра Виртембергскаго, Маріинскую, Тихвинскую, и Вышневолоцкую. Первая система соединяетъ Озерный край и Поволжье съ Бѣлымъ моремъ при посредствѣ канала принца А. Виртембергскаго, который идетъ отъ р. Шексны къ р. Порозовицѣ, впадающей въ Кубенское озеро. Три послѣднихъ системы соединяютъ Волгу съ Балтійскимъ моремъ; суда идутъ по рѣкамъ, по соединительнымъ каналамъ, соединяющимъ между собою рѣки, и по каналамъ обходнымъ, прорытымъ вдоль береговъ озеръ Бѣлаго, Ильменя, Онежскаго и Ладожскаго. Главнымъ узломъ всѣхъ этихъ водныхъ путей является городъ Рыбинскъ (Ярославской губ.) на Волгѣ. Съ наступленіемъ навигаціи къ Рыбинску изъ Поволжья стекаются милліоны пудовъ хлѣбныхъ грузовъ, а отсюда на особыхъ судахъ, называемыхъ тихвинками, маріинками, унжаками, коломенками и т. п., тремя путями идутъ къ Петербургу. Самый важный изъ этихъ путей *Маріинская* система, названная такъ въ честь Императрицы Маріи Өеодоровны, супруги Императора Павла I, оставившей память въ нашей исторіи

не только дѣлами благотворительности, но и живѣйшимъ участіемъ въ осуществленіи мысли Петра Великаго о соединеніи Волги съ Невою. Въ составъ Маріинской системы, имѣющей отъ Рыбинска до Петербурга около тысячи верстъ протяженія входятъ: р. Шексна, Бѣлозерскій обходный каналъ, р. Ковжа, Маріинскій каналъ (9 верстъ длины), р. Вытегра, Онежскій обходный каналъ, р. Свирь, приладожскіе обходные каналы и р. Нева. Въ настоящее время Маріинская система имѣетъ весьма важное значеніе въ торговомъ отношеніи, такъ какъ по ней ежегодно проходитъ съ Волги къ Петербургу до сорока милліоновъ пудовъ груза, преимущественно хлѣба. Въ виду важнаго значенія Маріинскаго пути путь этотъ приведенъ въ лучшее состояніе сравнительно съ другими водными дорогами нашего отечества. Отъ Рыбинска до Бѣлозерска суда перевозятся буксирными пароходами, которые сильно вытѣсняютъ конную тягу судовъ, хотя она еще примѣняется, особенно выше Бѣлозерска; существуетъ еще, но въ очень незначительныхъ размѣрахъ, и людская тяга судовъ. Само собой разумѣется, конная и людская тяга судовъ сопряжена съ очень дурными послѣдствіями для рабочаго люда и лошадей. Бечевникъ (свободная полоса земли, саженъ въ десять шириною, по обоимъ берегамъ рѣки) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ содержится въ неисправности, прерывается болотами; вслѣдствіе изну-

рительнаго труда, дурного корма и дурного питанія множество лошадей погибаетъ. Трупы ихъ спѣшно и небрежно зарываются по сосѣдству съ бечевникомъ, гніютъ и распространяютъ сибирскую язву, которая въ недавнее время вырывала ежегодно около половины лошадей, работавшихъ на Маріинскомъ пути. Огромное скопленіе судовщиковъ и ихъ тяжелый трудъ крайне вредно отражались также на здоровьѣ и нравственности людей. Еще недавно между судовщиками было распространено поголовное пьянство и кабаки въ изобиліи встрѣчались на всемъ протяженіи пути. Теперь, благодаря энергичнымъ мѣрамъ правительства, мѣстныхъ земствъ и развитію буксирнаго пароходства, сибирская язва почти прекратилась и значительно уменьшилось пьянство.

Другая система, соединяющая Волгу съ Невою называется *Тихвинскою*. Путь этотъ идетъ по лѣвому притоку Волги, Мологѣ, по притоку Мологи—Чагодѣ, далѣе по озерамъ, рѣкѣ Саминѣ, Тихвинскому каналу (10 верстъ длины), рѣкѣ Тихвинкѣ, Сяси и при ладожскимъ каналомъ.

Планъ этого пути былъ начертанъ Петромъ Великимъ, но только Императоръ Александръ I принялся за его осуществленіе. Работы начались въ 1802 г. и окончились уже въ царствованіе Николая I въ 1828 г. Тихвинскій путь самый короткій изъ всѣхъ (847

верстъ), рѣки на этомъ пути не имѣютъ порогов̣ъ, но зато онѣ не отличаются полноводьемъ и доступны только для судовъ очень небольшихъ («тихвинки)», поднимающихъ не болѣе 2—3 тысячъ пудовъ груза.

Третья система, *Вышневолоцкая*—самая длинная, самая сложная и самая старая изъ всѣхъ трехъ системъ. Годъ спустя послѣ основанія Петербурга Петръ Великій, проѣзжая въ Москву, изслѣдовалъ мѣстность около Вышняго-Волочка и тогда уже приказалъ прокопать каналъ между Цною (верховье Мсты) и Тверцою. Лѣтъ черезъ восемъ Вышневолоцкій каналъ былъ оконченъ и въ 1713 году нѣсколько построенныхъ въ Казани кораблей были отправлены весною изъ Твери въ Боровичи, шли среди неимовѣрныхъ трудностей и осенью прибыли въ Петербургъ. Цѣлое столѣтіе надъ Вышневолоцкимъ путемъ работали лучшіе инженеры, такъ какъ Тверца и Мста отличаются мелководьемъ и на Мстѣ есть опасные Боровическіе пороги. Были устроены запасные водохранилища, откуда вода по мѣрѣ надобности можетъ выпускаться и пополнять рѣки; Боровическіе пороги были насколько возможно разчищены, срѣзаны опасные береговые откосы, устроены заплавни (бревна для отраженія барокъ отъ береговъ) и т. п. Но всѣми усиліями не удалось сдѣлать этотъ путь открытымъ во все время навигаціи. Суда по этому пропуска-

ются только три раза въ теченіи всей навигаціи (караванами), и онъ постепенно таряетъ свое значеніе. Движеніе судовъ по Вышневолоцкому пути къ Петербургу теперь почти совершенно прекратилось, идутъ только плоты.

Несмотря на неудобства всѣхъ этихъ трехъ путей, движеніе по нимъ судовъ и плотовъ къ Петербургу постепенно растетъ, такъ что для пропуска ихъ у южныхъ береговъ Ладожскаго озера пришлось устроить два ряда каналовъ: старые Ладожскіе (Александра I, Екатерины II и Петра Великаго) и новые ладожскіе каналы (Александра III, Маріи Феодоровны и Александра II). По старымъ каналамъ идутъ въ Петербургъ плоты и суда съ дровами и сѣномъ, а также возвращаются изъ Петербурга порожнія суда; по новымъ идутъ всѣ остальныя груженыя суда.

IV.

Климатъ Озернаго края можетъ быть названъ умѣренно-холоднымъ и сырымъ. Вслѣдствіе обширнаго протяженія этого края, отдѣльныя части его представляютъ нѣкоторыя, хотя не рѣзкія отличія въ средней годовой томпературѣ, продолжительности и характерѣ лѣта и зимы. Въ Олонецкой губерніи и восточныхъ частяхъ Новгородской климатъ вообще суровѣе, зима продолжительнѣе и посто-

яннѣе, чѣмъ въ губерніяхъ Псковской и Петербургской. Благодаря близости океана и западнымъ вѣтрамъ климатъ Озернаго края теплѣе другихъ мѣстностей, лежащихъ восточнѣе подъ тою же широтой. Въ самое холодное время года, въ январѣ, здѣсь не бываетъ такихъ лютыхъ морозовъ, какъ въ центральной Россіи или по сосѣдству съ Уральскими горами. Въ январѣ въ Петербургѣ не холоднѣе, чѣмъ въ Воронежѣ, въ Петрозаводскѣ, чѣмъ въ Пензѣ, во Псковѣ январь теплѣе петербургскаго и нисколько не холоднѣе, чѣъ въ Харьковѣ и Новочеркасскѣ. Но зато зима здѣсь продолжительнѣе, чѣмъ даже въ центральной Россіи, и среднимъ числомъ тянется мѣсяцевъ пять. Долго зимній холодъ здѣсь борется съ весеннимъ тепломъ. Только въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля въ поляхъ начинаютъ показываться проталины, снѣгъ мало по-малу исчезаетъ, превращаясь въ воду, заливающую низины. Постепенно становится теплѣе, но часто за ясными, теплыми весеннними днями вдругъ наступаютъ холода, дуетъ сѣверо-восточный холодный вѣтеръ, идетъ снѣгъ и наступленіе весны замедляется. Снѣгъ и заморозки въ концѣ апрѣля здѣсь явленіе обыкновенное, а на Онежскомъ озерѣ даже въ половинѣ мяя плаваетъ ледъ и деревья на его берегахъ стоятъ совершенно голыми. Впрочемъ, обыкновенно въ Озерной области въ первыхъ числахъ мая вскрываются почки на деревьяхъ,

луга покрываются зеленью и золотистыми цвѣтами лютиковъ и куриной слѣпоты. Но развитію весенней растительности часто вредитъ обычный здѣсь весенній возвратъ холодовъ, случающійся обыкновенно около середины мая. Самое теплое время здѣсь продолжается съ конца мая до половины іюля. Рано встаетъ тогда и поздно заходитъ солнце, и въ Петербургѣ наступаютъ свѣтлыя или такъ называемыя «бѣлыя» ночи, когда нѣсколько темнѣетъ только между одинадцатью и часомъ по полуночи, но и то не только на улицѣ, но даже въ комнатѣ у окна, можно съ небольшимъ напряженіемъ читать книгу. Съ половины іюля уже чувствуется приближеніе осени: листъ начинаетъ желтѣть, вечера и ночи становатся холодными и темными. Угрюма и непріятна здѣшняя осень. Рѣдко выпадаютъ ясные, солнечные дни. Небо большею частью закутано густыми, сѣрыми тучами, въ воздухѣ виситъ сѣрая мгла и дѣлаетъ день похожимъ на сумерки. Мелкій дождь постоянно сѣетъ, какъ сквозь сито, образуя на дорогахъ и улицахъ городовъ сплошную, липкую грязь; часто стелются такіе густые туманы, что на разстояніи нѣсколькихъ саженъ ничего разсмотрѣть нельзя. Съ половины сентебря до половины декабря рѣдко показывается солнце, и всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ первыхъ морозовъ, наступленія зимы.

Близость къ океану, положеніе на пути влажныхъ западныхъ вѣтровъ, обиліе болотъ

и лѣсовъ, дѣлаютъ климатъ Озернаго края крайне сырымъ. Озерный край принадлежитъ къ наиболѣе орошаемымъ мѣстностямъ Европейской Россіи, и здѣсь почти половина дней въ году бываетъ ненастныхъ—съ дождемъ или снѣгомъ. Вслѣдствіе обилія озеръ и моховыхъ болотъ туманы здѣсь не только осенью, но и лѣтомъ бываютъ удивительные. Эта постоянная сырость, рѣзкія перемѣны погоды, продолжительность весны и осени производятъ у людей ревматизмы, лихорадки, чахотку, горловыя болѣзни, а у скота—сибирскую язву, которая часто свирѣпствуетъ на мокрыхъ пастбищахъ Озернаго края.

Почва Озернаго края большею частію болотистая, суглинистая или супесчаная, въ общемъ малоплодородна, такъ что пахотныя земли составляютъ здѣсь не болѣе одной десятой всей площади края; только въ Псковской губерніи площадь пахотныхъ земель занимаетъ безъ малаго треть всего пространства. При суровомъ климатѣ и малоплодородіи почвы, растительность Озернаго края не отличается большимъ богатствомъ и разнообразіемъ, а близость Петербурга, потребляющаго огромное количество горючаго матеріала и строевого лѣса, обнажила половину края. На мѣстѣ бывшихъ нѣкогда здѣсь дремучихъ лѣсовъ большею частію виднѣются жидкіе еловые и березовые перелѣски, или же такъ называемые «пустоши», поросшіе мелкимъ кустарникомъ. Лѣса теперь занимаютъ только поло-

вину всей площади края; всего лучше они сохранились въ Олонецкой губерніи, гдѣ бо̀льшая часть земли принадлежитъ государству, а не частнымъ владѣльцамъ. Здѣсь еще уцѣлѣли мѣстами дремучіе хвойные лѣса, напоминающіе лѣсныя дебри Вологодской губерніи. По скатамъ холмовъ, въ глубинѣ долинъ огромныя сосны или ели сплачиваются въ непроницаемыя чащи, переплетаются своими колючими, мохнатыми вѣтвями и образуютъ изъ нихъ надъ землей такую густую сѣть, черезъ которую не проникаетъ солнечный лучъ, и вѣчный сумракъ царитъ у подножій этихъ лѣсныхъ великановъ. Въ другихъ губерніяхъ Озернаго края такихъ дремучихъ лѣсовъ осталось уже мало и съ каждымъ годомъ они все больше и больше рѣдѣютъ. Главныя деревья здѣшнихъ лѣсовъ — ель и сосна; изъ лиственныхъ породъ: береза, ольха, осина, рябина, черемуха, различные виды ивъ, крушина. Другія лиственныя породы: дубы, тополи, клены, вязы, ясени хорошо растутъ только при надлежащемъ уходѣ, въ садахъ городовъ, монастырей и богатыхъ имѣній. Изъ плодовыхъ растеній здѣсь успѣшно растутъ только яблони и нѣкоторые ягодные кусты—малина, крыжовникъ, смородина.

Въ тѣхъ мѣстахъ Озернаго края, гдѣ еще уцѣлѣли большіе лѣса, особенно въ Олонецкой губерніи, водится довольно много пушнаго звѣря (бурый медвѣдь, волкъ, лисица, заяцъ, бѣлка, изрѣдка куница, россомаха, рысь, выдра),

лѣсной и болотной дичи (тетерева, рябчики, куропатки, утки, гуси, кулики) и другихъ птицъ. Въ рѣкахъ и озерахъ края водится много разнообразныхъ породъ рыбы: налимы, щуки, сиги, судаки, лососи, лещи, снитки и др., въ Ладожскомъ озерѣ есть тюлени.

Озерный край довольно богатъ различными минералами. Первое мѣсто по своимъ минеральнымъ богатствамъ занимаетъ Олонецкая губернія. Здѣсь есть каменный уголь, болотная желѣзная руда и магнитный желѣзнякъ, мѣдь, серебро, встрѣчается въ небольшомъ количествѣ даже золото. Но особенно богата эта губернія разными породами цѣннаго камня: яшмами, великолѣпными порфирами и разноцвѣтными мраморами, которые послужили для украшенія Исаакіевскаго собора, дворцовъ и другихъ роскошныхъ зданій Петербурга. Всѣхъ сортовъ олонецкаго мрамора болѣе тридцати: свѣтлокрасный, темнокрасный, синеватый, зеленый, темномалиновый, пестрый, оранжевый и др. Въ Петербургской губерніи, на южномъ берегу Ладожскаго озера, въ окрестностяхъ села Путилова находятся богатыя и усердно разрабатываемыя залежи бѣлаго песчаника (путиловская плита). Въ Псковской губерніи, по берегамъ рѣки Ловати, ломается извѣстковая плита, изъ которой выстроено много зданій и мостовъ по Варшавской желѣной дорогѣ. Въ Новгородской губерніи въ Боровичскомъ уѣздѣ есть залежи хорошихъ гончарныхъ

глинъ, тамъ же около города Боровичей добываютъ со дна рѣки Мсты сѣрный колчеданъ. Площадь нынѣшняго Устюжскаго уѣзда (Новг. г.) содержитъ желѣзо, и въ давнія времена уѣздный городокъ Устюжна славился своими кузницами, выдѣлкой оружія и былъ чѣмъ-то въ родѣ современной Тулы. Мѣстные жители и теперь здѣсь добываютъ желѣзо въ небольшомъ количествѣ. Есть въ Озерномъ краѣ и минеральные соленые источники, изъ которыхъ большой извѣстностью пользуются Старорусскія (Новгор. губ.). Уже въ XIV столѣтіи въ Старой Руссѣ добывали изъ колодца соляной разсолъ; солевареніе просуществовало здѣсь нѣсколько столѣтій и прекратилось только въ XIX вѣкѣ. Но зато въ этомъ столѣтіи начали пользоваться здѣшними солено-минеральными водами. Воды эти находятся въ юго-восточномъ и юго-западномъ углахъ города, и по сосѣдству съ ними расположены всѣ помѣщенія для пользующихся водою и грязями. Старорусскія минеральныя воды примѣняются для лѣченія ревматизма, золотухи, малокровія и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней и ежегодно привлекаютъ къ себѣ много людей изъ разныхъ мѣстъ Россіи [1]).

---

[1]) *Источники и пособія*: „Живоп. Россія“; „Систематическій сборникъ очерковъ по отечествовѣдѣнію“; „Отечествовѣдѣніе“ Д. Семенова; Э. Реклю „Земля и люди“, т. V; „Сельское и лѣсное хозяйство Россіи“; „Ладожское озеро“ А. Овсянникова; „Россія“ С. Меча; К. К. Случевскій „По сѣверо-западу Россіи“; Д. Коропчевскій „Времена года“; В. Майковъ „Поѣздка въ Обонежье и Корелу“ и др.

11.—Въ „странѣ великихъ озеръ".

В. Корнієвскій.

Много разъ мы собирались сдѣлать изъ Петербурга поѣздку въ «страну великихъ озеръ», т. е. по Ладогѣ и Онегѣ, наконецъ и собрались. Пароходъ свистнулъ, колесо плавно и какъ бы съ трудомъ сдѣлало первый ударъ по поверхности рѣки, и мы двинулись въ путь.

Быстро проносятся передъ нашами глазами Смольный, Лавра, Александровская мануфактура и заводъ Главнаго Общества съ ихъ чадомъ и дымомъ; берега становятся нѣсколько круче.

Направо, на высокомъ берегу, показалась обломанная сосна, а подлѣ нея и другая, съ еще меньшимъ количествомъ вѣтвей; вокругъ сосенъ старый полуразвалившійся каменный заборъ. А между тѣмъ это мѣсто великое и дорогое для всякаго русскаго человѣка! Здѣсь, подъ укромнымъ покровомъ когда-то раскидистыхъ «красныхъ сосенъ», провелъ великій царь-работникъ послѣднюю ночь передъ тѣмъ

моментомъ, когда онъ совершилъ завоеванiе Нiеншанца, небольшого земляного города съ посадомъ въ четыреста домовъ, при впаденiи въ Неву рѣчки Охты; здѣсь проведена была, такъ сказать, послѣдняя ночь старою Россiей, а слѣдующiй день долженъ былъ разсѣять мракъ, царившiй надъ всею Русскою землей.

Чѣмъ дальше отъ Петербурга, тѣмъ Нева становится все красивѣе и красивѣе.

За Преображенскою горой вырисовывается направо Шлиссельбургъ, а передъ нимъ и островокъ съ крѣпостью. Самъ по себѣ Шлиссельбургъ представляетъ мало интереснаго, и потому туристу нечего горевать, что пароходъ здѣсь стоитъ недолго и снова двигается въ ту водную равнину, которая растилается передъ нимъ, т. е. въ Ладожское озеро, безбрежное и чудное при вечерней зарѣ и ночью,—такъ какъ онъ увидитъ заходъ солнца на озерѣ и всю ночь проѣдетъ по его шири, даже и не подумавши уснуть хотя и въ покойной, но все же душной каютѣ.

Поздно ночью, почти подъ самое утро, пароходъ пристаетъ къ Сермаксу. Сермаксъ расположенъ при устьѣ рѣки Свири и притомъ при концѣ цѣлаго длиннаго ряда каналовъ: Петра I, Александра II, Сясьскаго и Свирскаго, странные, устроенные на сваяхъ дома бросаются въ глаза путнику, а волшебная «бѣлая» сѣверная ночь придаетъ картинѣ

поистинѣ какую-то фантастическую окраску; все то, что идетъ съ Волги къ Петербургу, непремѣнно должно побывать и въ Сермаксѣ. Въ этомъ Сермаксѣ неутомимый Петръ, по случаю непогоды, долженъ былъ пробыть десять дней, а для такой подвижной натуры, какая была у него, потерять десять дней—много.

— Сильно разгнѣвался государь,—разсказываетъ народъ,—на Ладогу, что она не пущаетъ его дальше; не стерпѣлъ, вышелъ съ плетью на берегъ да и высѣкъ Ладогу плетью. И стала Ладога смиряться и вѣтеръ подулъ! Съ нимъ, видно, и озеру-то спорить неповадно было. Ну, и то сказать: къ дѣлу шелъ, за дѣло и сѣкъ!

Въ пять часовъ утра пароходъ присталъ къ городу Лодейное Поле.

Въ настоящее время Лодейное Поле состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ домиковъ, и вся былая жизнь его перешла въ конечные пункты рѣки Свири—Вознесенье и Сермаксъ, а этотъ городокъ теперь не болѣе не менѣе какъ только промежуточная станція для судовъ и пароходовъ, направляющихся въ Петербургъ.

Стоитъ только подняться по крутой лѣстницѣ отъ пристани на гору, какъ былая столица веси—народа, упоминаемая еще Несторомъ, представится туристу во всей своей красѣ. Близъ собора, на горѣ, виднѣется обе-

лискъ, на которомъ съ боку вставленъ медальонъ съ выпуклымъ изображеніемъ его, наверху придѣланъ двуглавый орелъ, а внизу—надпись, которая гласитъ слѣдующее: «На томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ дворецъ императора Петра Перваго», и далѣе: «Да знаменуетъ слѣды Великаго сей скромный, простымъ усердіемъ воздвигаемый памятникъ». Изъ Лодейнаго Поля, если только есть время, ѣздятъ въ знаменитый Александро-Свирскій монастырь.

Если Неву называютъ «красавицей», то Свирь больше ея заслуживаетъ этотъ эпитетъ. Свирь почти вдвое уже Невы, хотя и не вездѣ, но зато, гдѣ у Невы лишь намеки, тамъ у Свири дѣйствительность. Нева красуется рощами,—Свирь почти сплошь обрамлена прелестнѣйшимъ лѣсомъ; берега Невы картинно возвышаются надъ уровнемъ воды, а на Свири обрывистые берега переходятъ уже въ скалы; вода промыла эти скалы и обнажила напластованія; цвѣта пластовъ то и дѣло мѣняются, одна картина уступаетъ мѣсто другой, еще болѣе прекрасной. Нева обладаетъ игрушечными порогами,—на Свири пороги представляютъ уже дѣйствительную опасность. Пароходъ то и дѣло свиститъ, останавливается и принимаетъ мѣстныхъ лоцмановъ съ бляхами на груди; капитанъ не сходитъ съ своего мостика, а лоцманы такъ и вперяютъ глаза впередъ; быстро, подъ ловкими поворотами

руля, несется большой красивый пароходъ черезъ журчащую *луду;* такъ вотъ и кажется, что сейчасъ онъ ударится о камень и пойдетъ ко дну, но ловкій маневръ лоцмана—и пароходъ повернулъ на бокъ; масса судовъ встрѣчается съ пароходомъ, то на бечевѣ, то на буксирѣ у маленькихъ пароходовъ.

Вечеромъ пароходъ пристаетъ къ Вознесенской пристани—началу такъ называемой Маріинской системы..Сотня людей окружаетъ пароходъ; нѣсколько рослыхъ дѣвушекъ и женщинъ осаждаютъ пассажировъ предложеніями услугъ по части перевозки на другую сторону рѣки, гдѣ помѣщается Вознесеніе. Маріинская система обязана своимъ существованіемъ Петру Великому, съ именемъ котораго сочетается все благо въ этихъ мѣстахъ. Всегда смотря на Россію, какъ на посредницу между Европой и Азіей, Петръ чуть ли еще не въ первый свой пріѣздъ на Онегу задумалъ соединить Каспійское море съ Балтійскимъ.

Ясно, что для Олонецкаго края эта геніальная для того времени и при тѣхъ именно условіяхъ мысль имѣла весьма важное экономическое значеніе. Порѣшивъ, что начало искусственнаго воднаго пути будетъ при выходѣ Свири изъ Онежскаго озера, у пристани Вознесенской, а главный соединительный пунктъ волжскихъ водъ съ водами озеръ Онежскаго и Ладожскаго въ нынѣшнемъ Вы-

тегорскомъ уѣздѣ (въ тѣ времена мѣстность города Вытегры была уже достаточно засе-лена и имѣла довольно большое торговое значеніе), завершивъ побѣдоносно войну со шведами на Югѣ полтавскою побѣдой,—Петръ послалъ въ 1710 году знаменитаго инженера того времени, шотландца Перри, произвести необходимыя изысканія въ трехъ разныхъ направленіяхъ. Перри, видимо наученный работать самимъ Петромъ, скоро окончилъ работу и въ томъ же году представилъ свои изысканія царю. Петръ посѣтилъ мѣстность, осмотрѣнную Перри, и дѣло передано было на разсмотрѣніе Сената, который въ 1712 году утвердилъ изслѣдованія и планъ Перри и назначилъ тысячу рублей на производство работъ. Но во время поѣздки Перри въ Англію мысль о прокопкѣ канала была оставлена, и только 75 лѣтъ спустя, въ царствованіе Павла I, проектъ попался на глаза. Стали прикидывать, во что обойдутся работы, и петровскую смѣту сумѣли вытянуть ровно въ сорокъ разъ; ясно, что задумались надъ затратою такой суммы; но покойная императрица Марія Өеодоровна нашла возможнымъ позаимствовать на такое полезное дѣло изъ суммъ Воспитательнаго Дома необходимыя сорокъ тысячъ рублей, и въ 1810 году вся система была открыта для судоходства подъ именемъ «Маріинской».

Попасть въ Вытегру изъ Вознесенья можно

или на невозможномъ трешкотѣ (плоскодонное небольшое судно) или на небольшомъ пароходѣ, который сталъ туда ходить лишь въ самое послѣднее время. Этотъ путь по узкому каналу не особенно пріятенъ. Городъ Вытегра принадлежитъ, по значенію своему, далеко не къ послѣднимъ городамъ нашего отечества; массы хлѣба направляются съ Волги именно на Вытегру, и, кромѣ того, сюда же подходитъ и водный путь, соединяющій съ Балтійскимъ моремъ Сѣверную Двину. По Онежскому озеру въ Вытегру пароходы не ходятъ, такъ какъ это «внутреннее море» мало извѣстно, и къ тому же южная оконечность его изобилуетъ подводными камнями и любитъ угощать смѣльчаковъ, пускающихся по немъ, шквалами, отъ которыхъ не всегда поздоровится.

Верстахъ въ двадцати отъ Вытегры мѣстность рѣшительно напоминаетъ маленькую Швейцарію, а по красотѣ своей можетъ совершенно сравниться съ самыми знаменитыми по прелести видами Западной Европы; громадныя бѣлыя скалы высятся къ облакамъ, ослѣпляя своею бѣлизной. Передъ нами Андомскія мѣловыя горы—мѣсто, откуда добывается весь мѣлъ, который потребляетъ Петербургъ, и куда вы ни взглянете, всюду будете поражены красотою мѣстоположенія.

Стало свѣтать. «Нева» дождалась своего собрата, идущаго въ Петербургъ изъ Петро-

заводска, и развела пары, готовясь тронуться въ путь прямо на сѣверъ, къ тому мѣсту, гдѣ на скромной рѣчонкѣ Лососинкѣ стоитъ со временъ Петра Александровскій пушечно-снарядный заводъ. Всякій пассажиръ, нагулявшійся вдоволь по набережной Вознесенья, наслушавшійся каликъ-перехожихъ,—еще во множествѣ, особенно по ярмаркамъ нашихъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерній, да почти вездѣ и въ центральныхъ губерніяхъ,—поющихъ духовные стихи, рѣшитъ, что теперь можно и выспаться, тѣмъ болѣе, что западный берегъ Онежскаго озера не представляетъ ничего особенно интереснаго, да и пароходъ идетъ отъ него слишкомъ далеко, боясь натолкнуться на береговыя луды, которыхъ здѣсь огромное множество. Кромѣ лѣса, главная масса котораго, въ бревнахъ и доскахъ, идетъ въ рѣку Свирь, судовые грузы Онежскаго озера заключаются въ хлѣбныхъ и другихъ товарахъ, которыми снабжаются: Петрозаводскъ, Повѣнецъ, Пудожъ и нѣкоторыя очень значительныя прибрежныя селенія. На пудожскомъ и петрозаводско-повѣнецкомъ прибрежьяхъ находится уже нѣсколько лѣсопильныхъ заводовъ, а лѣса—гибель; ясно, что число этихъ заводовъ возрастетъ еще, когда явится возможность вполнѣ безопасно слѣдовать по Онего. Богатство лѣса по берегамъ Онего до того велико, что горбыли и бракованныя доски жгутъ, такъ какъ ихъ

некуда дѣвать; всюду богатѣйшія желѣзныя и мѣдныя руды, въ Повѣнчанкѣ—жемчужныя раковины, въ Шушѣ— каменный уголь, на сѣверномъ берегу расположены превосходныя ломки гранита, порфира и мраморовъ, а по всему озеру производится обширное рыболовство. Предметы всѣхъ этихъ промысловъ, а такъ же и весь пушной товаръ, привозимый съ Поморья, сплавляютъ по озеру къ Петербургу; по немъ также плывутъ и толпы богомольцевъ, направляющихся въ Соловецкій монастырь.

При такомъ-то важномъ торгово-промышленномъ значеніи, Онежское озеро въ мореходномъ отношеніи находится въ самомъ первобытномъ состояніи.

Быстро бѣжитъ «Нева» по глади озера, благо погода не бурная; вотъ прошли траверсъ [1]) острововъ Брусничныхъ, извѣстныхъ своимъ маякомъ, который значительно разнится отъ своихъ западно-европейскихъ собратій: какой-то мужичокъ поставилъ на одномъ изъ островов шестъ, протянулъ къ его вершинѣ бечевку и аккуратно каждый вечеръ вздергивалъ къ вершинѣ шеста фонарь съ сальною свѣчой; миновали и Шокшу, славную своими ломками порфира, и вотъ вдалекѣ начинаютъ выясняться на горизонтѣ очертанія

[1]) Траверсъ по морскому—направленіе, перпендикулярное ходу судна.

живописныхъ Ивановскихъ острововъ, а затѣмъ изъ-за лѣса показываются куполы соборовъ и церквей Петрозаводска. Скоро пароходъ входитъ въ узину между лѣвымъ берегомъ Онего и Ивановскими островами и пристаетъ къ пристани, гдѣ его ожидаетъ чуть не весь городъ.

Осмотрѣть Петрозаводскъ, какъ городъ, очень не трудно: онъ и весь-то состоитъ изъ одной улицы, не считая нѣсколькихъ еще переулочковъ и закоулочковъ. Во время Сѣверной шведской войны у Петра не хватило ни пушекъ, ни гранатъ, ни ядеръ: хотя и приказалъ онъ переплавить церковные колокола на пушки, а все же орудій было мало. Тутъ-то и обратилъ великій геній свое вниманіе на тѣ массы болотнаго желѣза, котораго повсюду такъ много на Онего, и на мѣдь, которую онъ видѣлъ въ 1702 году при походѣ своемъ черезъ Повѣнецъ. У Петра отъ идеи до выполненія проходило немного времени, и въ 1703 году на устьѣ рѣчки Лососинки былъ имъ построенъ первый чугунноплавильный и желѣзо-дѣлательный заводъ. Прошло немного времени, заводъ былъ приведенъ въ состояніе полнаго разрушенія, и въ настоящее время отъ него остались лишь весьма немногіе слѣды; вмѣсто него въ 1774 году былъ построенъ Александровскій заводъ, на правомъ берегу Лососинки, почти въ центрѣ нынѣшняго города.

Будучи основанъ съ чисто-спеціальною цѣлію—поставлять для государства орудія и снаряды, петрозаводскій Александровскій заводъ, само собою разумѣется, никогда не могъ работать на положеніи частнаго промышленнаго учрежденія; гдѣ тутъ приспособляться къ дѣланію чугунныхъ и другихъ подѣлокъ, когда едва успѣваешь вырабатывать казенные заказы; конечно, быть можетъ, на частныхъ заводахъ снаряды обходились бы и дешевле, но частные заводы могутъ въ одинъ прекрасный день сдѣлаться несостоятельными, а потому правительству и важно, во что бы то ни стало, удерживать за собой этотъ заводъ. Давно уже онъ работаетъ, и плоды его выработки по всему лицу Европы разносили смерть.

Какъ бы то ни было, но посѣтить заводъ слѣдуетъ и притомъ, по возможности, вечеромъ, когда онъ поражаетъ зрителя тою массой огня, которая необходима для его дѣятельности; словно адъ передъ глазами: десятки огненныхъ жерлъ глядятъ въ темнотѣ, и люди кажутся какими-то гномами или духами, которые творятъ здѣсь, въ глубинѣ пропасти, какое-то таинственное дѣло. Посѣтить заводъ нетрудно, но необходимо запастись для этого разрѣшеніемъ начальства, которое добыть легко; а разъ вы попали внутрь завода—будетъ сдѣлано все для того, чтобы все показать и разъяснить вамъ.

Если посмотрѣть изъ оконъ гостиницы

на озеро, разстилающееся передъ Петрозаводскомъ, то немного влѣво будетъ виднѣться Соломинская губа съ селеніемъ, гдѣ помѣщается лѣсопильный заводъ купца Громова. Лѣсное дѣло въ Олонецкой губерніи можетъ давать огромную прибыль; но, къ сожалѣнію, это дѣло поставлено вовсе не такъ, какъ оно могло бы стоять, если бы повести его на болѣе правильныхъ началахъ. Десятки тысячъ десятинъ превосходнаго лѣса сводятся самымъ хищническимъ образомъ, безъ расчета на будущее время, и казна теряетъ массу денегъ. Тутъ же, въ Соломинскомъ погостѣ, есть очень интересная церковь, выстроенная на одномъ валунѣ, который съѣхалъ въ озеро; такъ и кажется, что не пройдетъ и минуты, какъ вся постройка сдвинется съ гладкой поверхности камня и сползетъ въ Онего для того, чтобы никогда уже болѣе не посылать людямъ благой вѣсти.

Быть въ Петрозаводскѣ и не видать Кончезерскихъ минеральныхъ водъ, Кивача и Поръ-Порога—грѣхъ, тѣмъ болѣе, что вамъ всячески стараются сдѣлать это путешествіе удобнымъ и пріятнымъ.

Кончезерскія минеральныя воды, которыя удостоились принять и поддержать здоровье великаго русскаго генія—Петра, расположены всего лишь въ 50-ти верстахъ отъ Петрозаводска и въ 8-ми отъ Кончезерскаго завода. Кажется, самою природою назначено здѣсь

быть лѣчебной станціи, такъ какъ мѣстопо ложеніе вокругъ поистинѣ можно назвать живописнымъ.

А быть на Онего и не любоваться на пороги и водопады рѣки Суны—все равно, что быть въ Римѣ и не видать папы.

Всякій изъ насъ знаетъ, что Кивачъ былъ воспѣваемъ подъ именемъ «алмазной горы» нашимъ великимъ поэтомъ Державинымъ, но не всякій знаетъ, что поѣздка туда—одна изъ самыхъ удобныхъ. Картина дѣйствительно поразительная! Мы ѣздимъ на Иматру и наслаждаемся ея красотами, но Иматра—ребенокъ въ сравненіи съ Кивачомъ и Поръ-Порогомъ, которые въ щепки разбиваютъ бревна и представляютъ собою дѣйствительныя горы воды, а не каскадъ, подобно Иматрѣ. На Кивачѣ можно и покончить, но лучше будетъ, если туристъ спустится по рѣкѣ Сунѣ до ея устья, такъ какъ тутъ онъ можетъ увидѣть новую, невиданную картину—сплавъ лѣса.

Много есть въ Пріонежскомъ краѣ, на что можно посмотрѣть; есть тамъ чѣмъ полюбоваться, есть и чему поучиться. Съѣздить туда слѣдуетъ, и можно поручиться, что тотъ, кто совершилъ эту поѣздку, жалѣть о потерянномъ времени не будетъ.

12.—Большія сѣверно-русскія озера.

И. Поляковъ.

Много разъ пришлось мнѣ быть какъ на водахъ, такъ и по берегамъ нашихъ большихъ сѣверно-русскихъ озеръ, изъ которыхъ Ладожское лежитъ первое на пути, по выѣздѣ изъ Петербурга. Въ половинѣ апрѣля уже открылся путь къ Ладожскому озеру; самое озеро еще все было совершенно заковано льдомъ и по обыкновенію стоитъ оно въ такомъ видѣ до половины мая, т. е. до того времени, когда въ Петербургѣ появляется такъ называемый ладожскій ледъ. Къ половинѣ мая ледъ въ озерѣ ломается, появляются полыньи; вѣтры гоняютъ ледъ изъ стороны въ сторону, часто набивая его большими массами на берега. Для Петербурга въ особенности опасны вѣтры сѣверные и сѣверо-восточные; эти вѣтры прибиваютъ ледъ къ южному берегу озера, также и къ истокамъ Невы, по водамъ которой онъ и идетъ въ Финскій заливъ. Мнѣ пришлось изъ Шлиссельбурга пробираться въ Олонецкую губернію сухимъ путемъ, вдоль южнаго берега

озера. Погода стояла пасмурная, небо часто заволакивалось мрачными тучами, дулъ сѣверный холодный вѣтеръ. Природа имѣла мертвый видъ и не думала оживляться. Весь юго-восточный берегъ Ладожскаго озера однообразный, низменный, изрѣдка являются здѣсь песчанные бугры, чаще низины и болота. Еще рѣже возвышенные плотные берега, какъ, напримѣръ, около Новой Ладоги. Мѣстность покрыта рѣденькими кустарниками изъ ивы, ольхи и молодыхъ березъ, мелкимъ лѣсомъ изъ низенькихъ сосенъ и елокъ. Существовавшіе здѣсь нѣкогда большіе лѣса вырублены и вывезены на отопленіе и на устройство Петербурга. Безотрадная картина природы не нарушалась даже кой-гдѣ появлявшимися перелетными пернатыми. Это были то ястребъ, то соколъ—чеглокъ; они не имѣли еще достаточнаго изобилія въ пищѣ, такъ какъ изъ мелкихъ пернатыхъ кой-гдѣ шныряли среди рѣденькаго лѣска только зябликъ, да овсянка. По временамъ слышались крики пролетавшихъ на сѣверъ журавлей, и изрѣдка одиночно показывались чайки и крачки, такъ какъ мелкія воды на прибрежьяхъ озера были еще подо-льдомъ,—въ томъ числѣ и Ладожскій каналъ, съ началомъ судоходства по которому мѣстность все-таки болѣе оживляется. Нѣкоторыя рѣки, впрочемъ, я переѣзжалъ на лодкѣ,—Волховъ и Сясь, другія частью по льду, частію на лодкѣ. Ѣзда совершается на

телѣгахъ, но съ грѣхомъ попаламъ: дороги или слишкомъ грязны и болотисты, или же усѣяны пнями и кореньями;—по такимъ дорогамъ я ѣхалъ до устьевъ Свири.

Тотъ, кто испыталъ ѣзду по здѣшнимъ дорогамъ, а особенно по тѣмъ болотистымъ пространствамъ, поперекъ которыхъ кладутся жерди и гдѣ телѣга постоянно скачетъ, причиняя пассажиру истинный скрежетъ зубовъ, тотъ съ удовольствіемъ садится на прекрасные, чистые пароходы, отправляющіеся изъ Петербурга въ Олонецкую губернію черезъ Ладожское озеро, черезъ Свирь въ Онежское и въ Петрозаводскъ. Пароходъ, выходя изъ Шлиссельбурга въ озеро, направляется прямо на сѣверо-востокъ, къ устьямъ Свири. Нѣсколько маяковъ во время туманной ночи освѣщаютъ ему дорогу. Съ выходомъ изъ Шлиссельбурга легко убѣдиться, что Ладожское озеро одно изъ величайшихъ озеръ въ Европѣ; обыкновенно, на пути къ Свири, всѣ берега его теряются изъ виду, кромѣ нѣкоторыхъ частей и мысовъ юго-восточнаго берега, которые рисуются надъ горизонтами воды въ неясныхъ очертаніяхъ. Вообще, оно во время плаванія производитъ такое же впечатлѣніе, какъ всякое изъ небольшихъ морей. Заключая въ себѣ почти двѣсти верстъ въ длину, оно имѣетъ въ наиболѣе широкихъ мѣстахъ около 120 верстъ протяженія. На пути къ Свири господствуютъ глубины отъ 10 до 20 саженей. Наи-

болѣе пріятна поѣздка черезъ озеро въ серединѣ лѣта, тогда можно видѣть озеро совершенно спокойнымъ, съ поверхностью воды въ видѣ зеркала, въ которое съ высоты смотрится солнце или же на горизонтѣ, посылая снопы яркихъ лучей, въ него совершенно погружается на западѣ. Въ это время часто идутъ за пароходомъ тюлени, на поверхности воды плещется рыба. Въ разныхъ мѣстахъ его рисуются суда, идущія съ грузомъ, рыбацкія соймы, отвозящія ловъ на продажу. Но страшнымъ становится озеро во время бурь и непогодъ, особенно осенью; тогда сердитыя волны его дѣлаются опасными не только для небольшихъ судовъ, но даже и для большихъ пароходовъ. Во время вѣтровъ пустѣетъ палуба парохода, который начинаетъ покачиваться изъ стороны въ сторону не на шутку, поскрипываютъ мачты, глухой стукъ колесъ часто смѣняется рѣзкими ихъ ударами, въ то время, когда одно колесо погружается глубоко въ воду, тогда какъ другое торчитъ почти на воздухѣ,—это значитъ качка наступила. Веселый говоръ пассажировъ смѣнился тишиной, прекратилось движеніе, пассажиры заняли свои мѣста и улеглись. Но тѣмъ не менѣе, морская болѣзнь наступаетъ,—тишина нарушается стонами и суетой пароходной прислуги. Не всегда бури кончаются только качкой; нерѣдко парусныя суда терпятъ рѣшительное крушеніе и разрушаются, теряя весь

грузъ и экипажъ. Въ виду именно этого, устроены на юго-восточномъ берегу озера каналы, по которымъ и проходитъ въ настоящее время большая часть грузовъ. Впрочемъ, еслибъ суда, ходящія по Ладожскому озеру, обладали лучшей конструкціей, чѣмъ современныя, то оно никакъ не было бы настолько опасно и не считалось бы такимъ бурнымъ, какъ это думаютъ нынѣ.

Есть одно направленіе, по которому существуетъ на Ладожскомъ озерѣ постоянное пароходное сообщеніе,—это отъ Шлиссельбурга по направленію къ Коневецу, Валааму и Сердоболю, въ сѣверо западный край озера. Вмѣсто однообразныхъ и унылыхъ низменныхъ береговъ южной части, воды озера окаймлены здѣсь высокими скалами, состоящими изъ гранитовъ, *гнейсовъ, сіенитовъ* и мраморовъ; берега изрыты бухтами, заливами; около нихъ разсѣяны цѣлыя сотни своеобразныхъ скалистыхъ острововъ, часто подводныя каменныя мели. Глубина озера постепенно увеличивается, начиная отъ юго-восточной части его, и въ сѣверо-западной достигаетъ наибольшихъ размѣровъ; здѣсь она доходитъ до 120 саженей. На пути отъ устьевъ Невы, первый встрѣчающійся островъ—Коневецъ; онъ покрытъ высокимъ хвойнымъ лѣсомъ, съ еще довольно плоскими берегами; однако же скалы появляются уже и здѣсь, а также и валуны, одинъ изъ которыхъ, такъ-называемый Конь—камень,

имѣетъ до 7 саженъ высоты, 13 длины и до 9 саженъ ширины.

Далѣе къ сѣверу лежитъ одна изъ самыхъ замѣчательныхъ группъ острововъ Ладожскаго озера — Валаамская, названная по главному въ группѣ острову — Валааму. Острова, числомъ около 50, расположены на протяженіи 21 версты въ длину и на 8 въ ширину. Островъ Валаамъ, повидимому, уже въ значительно далекой древности былъ обитаемъ. Нынѣ на островѣ находится знаменитый Валаамскій монастырь, привлекающій постоянно къ себѣ тысячи богомольцсвъ. Валаамъ прелѣстнѣйшій уголокъ въ здѣшнемъ суровомъ климатѣ. Его природа своего рода особенность, подобную который не встрѣтить нигдѣ въ Европѣ. Дикая самостоятельность сѣвера здѣсь во всей красѣ. Множество совершенно отвѣсныхъ скалъ, идущихъ и въ высоту на десятки саженъ и подъ горизонтъ воды, на весьма значительную глубину,—поражатъ путешественника. Островки, мыски, заливчики, бухточки, игриво разметанные по всей Валаамской группѣ и какъ-то затѣйливо перемѣшанные между крутыми берегами и высокохолмистыми возвышенностями—прелестны! Проливы, проливчики, озерки между густою растительностью и угрюмыми гранитными скалами отражаютъ на лазури водъ всѣ предметы, а стройный хвойный лѣсъ, перемежающійся съ листвою чернолѣсья и луговою зеленью, какъ-то мягко

дополняетъ общую картину, придавая всему чудный, восхитительный видъ. Изъ заливовъ, Никоновъ, по счастливому своему положенію, считается лучшею пристанью на бурномъ Ладожскомъ озерѣ. Со стороны озера онъ защищенъ островами: оттого въ сильную погоду, когда на озерѣ волны поднимаются въ видѣ движущихся горъ, въ Никоновомъ заливѣ поверхность едва колеблется.

При входѣ въ великолѣпный монастырскій заливъ, простирающійся въ длину почти на двѣ версты, путника очаруетъ и природа и самый монастырь, съ его храмами, зданіями, садами. А что внутри острова... Какія тамъ природныя картины, какіе повсюду великолѣпные ландшафты! Передъ вами—то отвѣсная стѣна каменной скалы, по которой змѣйкой вьется луговая зелень съ разнообразными полевыми цвѣтами, тогда какъ изъ скалы, высится красивая, крѣпкая береза!... То вы видите отвѣсно гладкій отрубъ каменной горы, по отвѣсу которой тамъ-сямъ гнѣздятся ель, сосна или рябина съ ея ярко-красными плодами,—между тѣмъ какъ по верху растетъ высокій лѣсъ до самой ея окраины!

Среди озера, даже въ концѣ іюня, вода, съ поверхности взятая въ стаканъ, холодна такъ, что зубамъ больно. На окрестныхъ островахъ и по самому озерному побережью Валаама, отъ силы и суровости вѣтра, растительность нѣсколько страдаетъ. Въ монастырскихъ

же бухтахъ и внутри самаго острова не чувствуется ни сила бури, ни суровость вѣтра. Въ садахъ и вишня зрѣетъ, и арбузъ поспѣваетъ, и ароматная дыня нѣжнаго вкуса доходитъ вполнѣ, ужъ не говоря о тыквѣ, которая приноситъ плодъ въ 2 пуда вѣсомъ! Въ огородахъ же—и рѣдька растетъ съ горную пушку, и свекла почти того же размѣра.

Ладожское озеро, помимо того, что служитъ путемъ сообщенія для различныхъ пунктовъ русскаго сѣвера, полезно мѣстнымъ жителямъ по богатству живущихъ въ немъ рыбъ. Изъ рыбъ въ особенности замѣчательны и важны для промысла лососевыя, къ которымъ относятся собственно лосось, форель и палія. Палія — рыба наиболѣе характерная для нашихъ большихъ сѣверо-русскихъ озеръ. Въ Ладожскомъ озерѣ она держится попреимуществу въ сѣверо-западной части озера, въ глубокихъ частяхъ его. Къ лососевымъ же относятся различныя формы сиговъ, населяющихъ Ладожское озеро. Почти всякой рѣкѣ, точно также глубокимъ или мелководнымъ мѣстамъ въ озерѣ свойственны особыя формы сиговъ, отличныя другъ отъ друга, какъ по строенію своего тѣла, такъ точно и по достоинствамъ. Кромѣ рыбъ, имѣющихъ промышленное значеніе—осетровъ, сырти и пр., въ озерѣ водятся рыбы чисто-морскія, интересныя въ научномъ отношеніи, какъ, напримѣръ, четырехрогій бычекъ. Рыбный промыселъ доставляетъ ры-

бакамъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ руб. денегъ—въ немъ они находятъ одну изъ самыхъ поучительныхъ и трудныхъ школъ для мореплаванія. Обыкновенно рыбакъ ловитъ рыбу неводомъ, по берегамъ озера и въ устьяхъ рѣкъ; и въ тоже время онъ ставитъ мережу даже и на значительной глубинѣ; на лососей онъ ставитъ въ озерѣ крупноячейную сѣть гарву. Но самый любимый снарядъ для ловли рыбы среди озера на большихъ глубинахъ—переметъ.

На юго-восточномъ концѣ впадаетъ въ *Онежское озеро* р. Вытегра. Самое устье рѣки, также какъ большая часть окресныхъ мѣстностей, придставляетъ сплошныя болота, перемежающіяся съ озерами. Эти болота и озера лентой отъ двухъ до десяти верстъ шириной окаймляютъ воды Онежскаго озера частію съ востока, частію съ юго-восточной его стороны, на протяженіи болѣе сотни верстъ. Болота и озера отдѣляются отъ водъ главнаго Онежскаго озера дюнами,—песчаными березовыми валами, имѣющими иногда до полуверсты ширины,—это береговыя образованія, совершенно подобныя морскимъ дюнамъ на берегахъ Балтійскаго, Нѣмецкаго и другихъ морей.

Онежское озеро на картѣ имѣетъ нѣкоторое сходство съ рѣчнымъ ракомъ, если его положить на бокъ такъ, чтобы передняя часть его тѣла обратилась на с.-з., хвостъ на ю.-в.,

спина на с.-в. Передней части тѣла рѣчнаго рака, съ клешнями и ногами, будутъ соотвѣтствовать различные, части весьма глубоко вдающіеся въ материкъ заливы, раздѣленные весьма многими полуостровами. Наибольшая длина Онежскаго озера отъ сѣверной его оконечности до южной простирается до 220 верстъ, а наибольшая его ширина доходитъ до 75 верстъ,—такимъ образомъ послѣ Ладожскаго, оно второе по величинѣ изъ всѣхъ нашихъ сѣверо-русскихъ озѣръ. По разсказамъ, средняя глубина его—80 саженъ, а наибольшая—200 саж.,—т. е. большая, чѣмъ въ Ладожскомъ озерѣ. Въ особенности интересна сѣверо-западная часть озэра, начиная отъ Петрозаводска до Повѣнца,—пункты, куда и направляются пароходы, идущіе изъ Петербурга черезъ Ладожское озеро и Свирь. Пароходъ рано утромъ выходитъ изъ Вознесенской пристани, стоящей при истокѣ р. Свири изъ Онежскаго озера. При выходѣ парохода въ озеро, васъ даже поражаетъ кипучая дѣятельность, какъ при истокѣ рѣки, такъ и на самыхъ берегахъ озера, на которыхъ тѣсно сплотились небольшіе зданія обитателей Вознесенскяго посада. Но лишь теряется видъ на Вознесенье,—передъ вами выступаетъ озеро, со всѣмъ его пустыннымъ характеромъ, въ виду парохода остается только юго-западный берегъ, вообще довольно мало населенный, потому пароходъ идетъ безостановочно цѣлыя сутки до самаго Петро-

заводска. Берегъ на всемъ своемъ протяженіи до Петрозаводска кажется довольно однообразнымъ; онъ не представляетъ настоящихъ горъ, съ высокими вершинами, — скорѣе это рядъ холмовъ, раздѣленныхъ довольно пологими долинами и заросшихъ лѣсомъ. Петрозаводскъ стоитъ въ заливѣ и при поворотѣ къ нему встрѣчается цѣляя группа, такъ называемыхъ Ивановскихъ острововъ,—эти острова, кромѣ небольшихъ исключеній, почти въ первый разъ встрѣчающіеся на пути отъ Вознесенья; вообше, если вся южная половина Онежскаго озера лишена островов и заливовъ, то какъ бы въ замѣнъ этого вся сѣверная половина озера состоитъ исключительно изъ заливовъ, островов и полуостровов. При томъ и самая физіономія мѣстности здѣсь иная, какъ внутри материка, такъ и по берегамъ; здѣсь повсемѣстно начинаютъ появляться хотя и невысокія, но живописныя скалы съ крутыми, обрывистыми скатами; даже самые острова нерѣдко скалисты, а на днѣ озера часто встрѣчаются каменистыя мели или луды,—такимъ образомъ сѣверная часть Онежскаго озера имѣетъ совершенно тотъ же характеръ, какъ сѣверныя части Финскаго залива и Ладожскаго озера съ ихъ островами, заливами и шхерами.

Большая чясть рыбъ Онежскаго озера — тѣ же, что и въ Ладожскомъ, хотя нѣкоторыхъ ладожскихъ рыбъ недостаетъ въ Онеж-

скомъ, какъ, напр., осетровъ сырти, четырехрогихъ бычковъ и пр. Изъ способовъ рыболовства распространены здѣсь тѣ же, что и въ Ладожскомъ озерѣ: неводьба, мережи, переметы.

Теперь намъ остается совершить прогулку по остальнымъ, болѣе или менѣе значительнымъ сѣверо-русскимъ озерамъ.

Если вы возьмете на картѣ общее сѣверо-западное направленіе Повѣнецкаго залива и продолжите его далѣе на сѣверо-западъ, то въ такомъ случаѣ, на этой линіи, кромѣ многихъ сравнительно небольшихъ озеръ, встрѣтите, наконецъ, и *Сегозеро*.

Оно простирается верстъ на 40 въ длину, съ шириною отъ 20 до 30 верстъ; берега его довольно извилисты, образуютъ рядъ большихъ или малыхъ мысовъ и заливовъ, въ особенности въ сѣверной части богаты островами, изъ которыхъ нѣкоторые состоятъ исключительно изъ голыхъ скалъ, покрытыхъ сѣрыми ягелями и мхами или въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заросшихъ лѣсомъ. Самые берега его также то круты и скалисты, то иногда на берегахъ едва возвышаются надъ водой округленныя скалы, во многихъ мѣстахъ они, начинаясь пологими скалами отъ водъ озера, постепенно возвышаются и превращаются въ высокіе горные увалы. Лѣсъ густо покрываетъ берега, на которыхъ иногда растутъ кустарники или разстилаются болота. Около десятка

деревень, заселенныхъ корелами, расположены около озера, на южномъ, западномъ и сѣверномъ берегахъ, или же на островахъ. Вода, конечно, составляетъ единственное средство къ сообщенію между жильемъ; восточный берегъ озера почти совершенно пустынный. Вода же—главная кормилица обитателей: озеро изобилуетъ рыбою, виды которой общи и многимъ другимъ сѣверно-русскимъ,—хотя Сегозеро даетъ рѣку Сегожу уже въ Бѣломорскій бассейнъ; благодаря этому, въ окрестности озера заходитъ уже не лосось, а бѣломорская семга.

Изъ Сегозера по стремительной, порожистой и почти пустынной рѣкѣ Сегожѣ можно спуститься съ большой опасностью и съ опытнымъ вожакомъ въ *Выгозеро*, лежащее къ сѣверу отъ Онежскаго и на сѣверо-востокъ отъ Сегозера. Оно наибольшее, послѣ Онежскаго, изъ всѣхъ другихъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ. Около озера расположено до 7 деревень, снискивающихъ себѣ пропитаніе рыболовствомъ.

Самая лучшая дорога къ третьему изъ значительныхъ озеръ Олонецкой губерніи, къ *Водлозеру*, идетъ изъ Пудожа, почти на сѣверъ.

Водлозеро достигаетъ въ длину, отъ сѣвера къ югу, до 40 верстъ, при ширинѣ отъ 10 до 15 верстъ. При томъ берега его весьма извилисты, представляютъ множество мысовъ

или наволоковъ и заливовъ, иначе называемыхъ ластами. Надъ самой поверхностью озера, какъ въ заливахъ, такъ и въ открытыхъ частяхъ его поднимаются цѣлые десятки различной величины островов. Какъ и другія озера, Водлозеро славится изобиліемъ рыбы, изъ которой многія породы то уходятъ изъ озера, то возвращаются въ него обратно; это нѣкоторые виды сиговъ, лолось и харіусъ. Другія рыбы осѣдлыя, которыя однакоже въ предѣлахъ самаго озера дѣлаютъ переселенія.

Водлозеро принимаетъ въ себя множество небольшихъ рѣчекъ и выпускаетъ изъ себя рѣку Водлу.

Озеро Лоче представляетъ совершенную противоположность съ озерами, только-что очерченными. Его окрестности представляютъ видъ равнины, весьма полого поднимающейся на югъ. Большая часть равнины застлана обширными болотами и перерѣзана многочисленными ручьями и рѣками, медленно несущими свои воды въ озеро Лача. Здѣсь нѣтъ высокихъ холмовъ и только изрѣдка среди болотъ выдаются возвышенія, называемыя горбышами; это единственныя сколько нибудь удобныя мѣста для поселеній. Сообразно съ характеромъ окрестностей—однообразно и самое озеро; на всемъ своемъ протяженіи оно не имѣетъ ни одного значительнаго залива или рѣзко вдающагося въ озеро мыса; нѣтъ на немъ также ни одного

острова. Въ то же время оно весьма мелководно.

Бѣлоозеро не менѣе однобразно. Берега его по большой части низменные; болѣе или менѣе высокіе холмы всегда находятся въ значительномъ отдаленіи отъ озера, которое своею внѣшностью доказываетъ, что въ прежнія времена на его мѣстѣ была большая, широкая яма въ нѣсколько разъ большая, чѣмъ Бѣлоозеро въ настоящее время. Оно имѣетъ теперь форму совершенно округленную, простираясь верстъ на 40 въ длину и на 30 въ ширину; притомъ, какъ и озеро Лача, не представляетъ значительныхъ береговыхъ изгибовъ, глубокихъ заливовъ или мысовъ. Въ то же время Бѣлоозеро мелководно; на песчаномъ или хрящеватомъ днѣ озера всрѣчаются нерѣдко каменистыя мели или луды, особенно у сѣвернаго берега; у южнаго же—подводные камни. Всѣ эти условія, а также частые сѣверные вѣтры не особенно благопріятствовали судоходству, подвергая часто суда крушенію: въ виду этого по южному берегу устроенъ обводный каналъ. Ловъ снѣтка служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ промысловъ для обитателей рыбаковъ Бѣлоозера; здѣсь онъ самаго лучшаго достоинства. Низменные и болотистые берега усѣяны часто небольшими озерами и болотами и покрыты мокрыми травянистыми лугами, заросшими мелкимъ кустарникомъ.

Ильмень напоминаетъ своей формой треугольникъ, одинъ изъ угловъ котораго направленъ къ сѣверу; онъ занимаетъ площадь около 810 кв. верстъ, но береговая линія его очень извилиста. Ильмень—озеро также мелководное; его глубина простирается отъ 1 до 4 саженей. Его берега не высоки, но образованы известняками, и иногда кончаются круто и обрывисто, нерѣдко же состоятъ изъ наносовъ и часто болотисты. Дно озера то каменисто, то песчано. Рыболовство играетъ большую роль для береговыхъ обитателей, составляющихъ для ловли большія артели или товарищества. Ильмень, какъ и всѣ другія озера, имѣетъ свою рыбу, особенно вкусную и цѣнную,—это сыртъ. Сыртъ есть не что иное, какъ особый видъ леща; отъ обыкновеннаго онъ отличается меньшей величиной.

Озеро Чудское или Пейпусъ проливомъ или такъ называемымъ Теплымъ озеромъ связано съ Малымъ Пейпусомъ или, иначе, съ Псковскимъ озеромъ. Длина Чудскаго озера 90, наибольшая ширина 47 верстъ. Чудское въ сѣверныхъ своихъ частяхъ не имѣетъ значительныхъ мысовъ и заливовъ, точно также какъ и острововъ; къ югу оно, сначала постепенно, а затѣмъ подъ конецъ внезапно суживается, образуя нѣсколько мысовъ, заливовъ и острововъ. У озеръ Теплаго и Псковскаго береговая линія болѣе изогнута и изрѣзана значительными мысами

и заливами; вмѣстѣ съ тѣмъ на озерахъ появляются острова. Наибольшая глубина Чудскаго озера посрединѣ доходитъ до 7 саженей, во многихъ же другихъ мѣстахъ она рѣдко превосходитъ 4 саж., къ берегамъ постепенно уменьшается. Теплое и Псковское еще болѣе мелководны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега, вообще низменные, настолько низменны, что въ полую воду заливаются водой на громадныхъ пространствахъ, напримѣръ, при устьѣ Эмбаха и весь сѣверо-восточный берегъ озеръ Теплаго и Псковскаго. Въ послѣднее время, по разсказамъ, наводненія еще болѣе увеличились, въ силу того, что лѣса по большой части и во многихъ мѣстахъ истреблены, болота осушаются,—вслѣдствіе чего вода незадерживаемая лѣсами и болотами, начала быстрѣе стекать въ озеро; такимъ образомъ въ послѣднее время почти затоплены многіе острова у истоковъ Наровы; немалое количество полей, сѣнокосовъ, усадебныхъ земель и даже остатки одной старинной крѣпости обратились въ болото. Низменность и болотистость береговъ есть причина изобилія озеръ пернатой дичью, особенно изъ птицъ водныхъ. Своеобразную картину представляетъ ловля раковъ около озеръ; раки идутъ не только въ пищу самимъ ловцамъ—крестьянамъ, но даже и на продажу въ большіе города. Самыя воды озера давно извѣстны по своему изобилію рыбы, и рыболовство съ

давнихъ поръ составляетъ существенную отрасель промышленности для прибрежныхъ жителей. Между многими другими рыбами въ озерахъ водятся сиги, ряпушка и снѣтокъ а въ рѣчкахъ, впадающихъ въ озеро,—харіусы и форели. Наибольшую извѣстность имѣютъ водящіяся въ озерѣ—ряпушка и снѣтокъ. Ловъ снѣтка производится въ Псковскомъ озерѣ около Талобскихъ острововъ. Сюда изъ дальнихъ краевъ являются ярославцы исключительно только съ одной цѣлью покупки снѣтковъ Псковскаго озера, получившихъ себѣ громкую извѣстность.

13.—По приладожскимъ каналамъ.

С. Животовскій.

Красивѣе всего Нева—въ Петербургѣ, выше Петербурга она довольно однообразна; оба берега, одинаково низменные, только изрѣдка принимаютъ форму косогора. Безпрерывный рядъ фабричныхъ трубъ и крышъ составляетъ украшеніе скучныхъ береговъ Невы. Впрочемъ, иногда берегъ сразу какъ-то измѣнится, приподымется, и вы видите очень живописную мѣстность, покрытую густою растительностью, обрывистый берегъ и на немъ, среди высокихъ и стройныхъ сосенъ, затѣйливую дачку.

Въ островкахъ же Нева даже очень красива: это чуть ли не лучшая дачная мѣстность по Невѣ.

Когда мы подъѣзжали къ Шлиссельбургу, погода совсѣмъ разгулялась, поэтому мы прямо съ парохода отправились бродить по городу. Самъ по себѣ городъ довольно невзраченъ: грязныя улицы, съ длинными заборами и низенькими, большею частью деревянными домами, нѣсколько лавокъ и нѣсколько гости-

ницъ. Обиліе гостиницъ въ такомъ небольшомъ городѣ объясняется тѣмъ, что въ Шлиссельбургѣ приходится постоянно останавливаться торговому люду, транспортирующему свои клади по великому водному пути въ Петербургѣ.

Городъ расположенъ у самаго истока Невы, на лѣвомъ ея берегу, крѣпость же находится на большомъ островкѣ, раздѣляющемъ Неву на два рукава и врѣзывающемся одной своей стороной прямо въ Ладожское озеро. Каналъ Императора Александра II-го начинается на Невѣ противъ крѣпости и идетъ все время у самого Ладожскаго озера; онъ не шлюзованъ. Старые каналы съ шлюзами Петра I-го начинаются нѣсколько ниже по Невѣ и затѣмъ почти все время до Волхова идутъ параллельно каналу Александра II-го.

Пройдя отъ пристани мимо павильона, въ которомъ хранятся ботикъ Петра Великаго и катеръ, на которомъ Императоръ Александръ II-ой открывалъ свой каналъ, мы подошли къ шлюзамъ, гдѣ кипѣла горячая работа. Нѣсколько десятковъ судовъ разнаго типа ждали своей очереди, чтобы войти черезъ шлюзы въ каналъ. Насъ поразило малое количество рабочихъ, при которыхъ происходитъ перемѣщеніе огромныхъ баржъ изъ канала въ Неву и обратно. Трехъ человѣкъ совершенно достаточно, чтобы повернуть рычагъ—и огромныя ворота открылись.

Открываются краны, и вода въ шлюзѣ вмѣстѣ съ баржей подымается до уровня воды въ каналѣ, затѣмъ открываются вторыя ворота, и баржа свободно входитъ въ каналъ. Все это происходитъ въ какихъ нибудь 15—20 минутъ, безъ всякихъ особенныхъ физическихъ усилій. За то по каналу баржа движется при невѣроятныхъ усиліяхъ съ ужасной медленностью, при помощи маленькихъ, заморенныхъ, безмолвныхъ тружениковъ—лошадокъ, замѣнившихъ прежнихъ бурлаковъ—людей.

Каналъ Александра II-го отдѣляется отъ Ладожскаго озера узенькой и невысокой плотиной, образовавшейся изъ земли того-же канала при прорытіи его. Ширина канала на всемъ его протяженіи 18 саженъ, глубина 1 сажень. Плотина засажена ивнякомъ, который мѣстами очень густо разроссяя, но все-таки, такъ какъ за плотиной сразу же начинается озеро, представляетъ плохую защиту отъ вѣтра. Впрочемъ, намъ не пришлось ѣхать въ вѣтеръ, а потому мы двигались хотя и медленно, но все-таки безъ продолжительныхъ остановокъ.

Слѣва за плотиной блеститъ зеркальная поверхность Ладожскаго озера, покрытая у берега безконечно тянущимися камышами. Далеко на рейдѣ стоятъ на якоряхъ большія озерныя парусныя суда, немного лѣвѣе ихъ блеститъ на солнцѣ и отражается въ озерѣ бѣлая Шлиссельбургская крѣпость, а еще лѣвѣй, почти позади насъ, наполовину скрыв-

шійся уже за жиденькимъ лѣсомъ Шлиссельбургъ. Надъ камышами очень часто проносятся стаи утокъ и садятся не вдалекѣ отъ васъ, кое-гдѣ на озерѣ чернѣютъ рыбачьи лидки, а въ воздухѣ, то взвиваясь на верхъ, то стрѣлой опускаясь въ воду, и съ добычей въ клювѣ, несясь къ берегу, блестятъ своими бѣлыми крыльями чайки. Правый берегъ канала, какъ и лѣвый, представляетъ изъ себя безконечную насыпь, у воды укрѣпленную ивой и камнемъ, а сверху вымощенную булыжникомъ, по которому и тянутъ свою лямку лошадки бурлачки. За насыпью безконечные луга и болота кое-гдѣ разнообразятся жиденькимъ березовымъ лѣсомъ, да маленькимъ пригоркомъ, на которомъ пріютилось нѣсколько почернѣвшихъ, крытыхъ тесомъ или соломой избенокъ. Иногда изъ за деревьевъ вы увидите сосѣдній, старый, Императора Александра I каналъ, по которому главнымъ образомъ возвращаются пустыя суда, изъ Петербурга, по каналу же Александра II идутъ исключительно суда, груженые преимущественно хлѣбомъ, желѣзомъ, лѣсомъ и боровичской огнеупорной глиной для литейныхъ заводовъ.

Природа вообще грустна и бѣдна, но, несмотря на это, необыкновенное оживленіе царитъ вездѣ. Судно за судномъ движется на встрѣчу намъ, и мы то и дѣло нагибаемся, чтобы насъ не задѣло канатомъ, на которомъ тянутъ баржу, и подъ которымъ долженъ

проскальзывать нашъ пароходъ. Слышны крики рабочихъ на судахъ и погоньщиковъ на берегу; гдѣ-то раздается лихая пѣсня подъ звуки балалайки. Кое-гдѣ на берегу въ огромномъ котлѣ, на разложенномъ кострѣ варится что-то съѣдобное для рабочей артели. Измученныя лошади щиплютъ тощую траву, а нѣкоторыя изъ нихъ до того устали, что предпочли лечь и равнодушно ждутъ, когда опять засвиститъ въ воздухѣ бичъ, и снова начнется ихъ пытка.

Ближе къ Новой Ладогѣ мѣстность становится болѣе оживленною, появляются небольшія горки, и лѣсъ дѣлается гуще. Къ вечеру, наконецъ, показались изъ-за лѣса куполы церквей и крыши домовъ Новой Ладоги, расположенной у самаго устья Волхова, тутъ же впадающаго въ Ладожское озеро. Каналъ закончился такимъ же обелискомъ, какой стоитъ и въ началѣ его въ Шлиссельбургѣ. Обогнувъ его, пароходъ нашъ вошелъ въ Волховъ и, какъ бы почувствовавъ свободу, прибавилъ ходу, и мы быстро понеслись къ пристани по широкой рѣкѣ...

14.—Населеніе и промыслы въ Озерномъ краю.

Я. Р.

I.

Древнѣйшими обитателями Озернаго края были финскія племена, но уже издавна здѣсь стали селиться славяне, и здѣсь, какъ гласитъ исторія, было положено начало русскому государству. Въ однихъ мѣстахъ края финны давно уступили свое мѣсто русскимъ или окончательно обрусѣли, въ другихъ—они дольше сопротивлялись дѣйствію славянской волны и до настоящаго времени не утратили своей народности. Въ нынѣшней Олонецкой губерніи новгородцы стали селиться среди «бѣлоглазой чуди» восемь столѣтій тому назадъ и распространять среди финскихъ дикарей христіанство, но язычество и финская народность крѣпко держалась здѣсь еще и въ XIV столѣтіи. Всего дольше держались финны въ Петербургской губерніи, гдѣ русская народность получила перевѣсъ только со времени Петра Великаго. Остатки древняго финскаго

населенія еще и теперь живутъ въ Озерномъ краѣ (*карелы* въ Олонецкой и Новгородской губерніяхъ, *чухны* или *чухонцы* въ губ. Петербургской), но главное населеніе края составляютъ *великоруссы*. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ условія жизни лучше,—на сѣверѣ, въ пріильменьщинѣ, въ бѣлозерщинѣ, въ пріозерщинѣ во Псковѣ, хорошо сохранилось исконное новогородское населеніе. «Русые волосы, чистое, открытое лицо, то съ карими, то съ голубыми (преимущественно темныхъ оттѣнковъ) глазами, съ богатою растительностью волосъ и привлекательной ихъ кудреватостью, большой, но правильный носъ—вотъ тотъ типъ, въ которомъ вездѣ и всюду узнаешь исконнаго жителя пріозерщины. Но въ то же время и на ряду съ этимъ характернымъ типомъ является въ той же мѣстности наблюдателю и другой, совсѣмъ на него не похожій и носящій на себѣ всѣ признаки стародавней помѣси съ туземцами и тѣхъ еще неизвѣданныхъ вліяній, которыя оказываетъ одинъ типъ на другой безъ содѣйствія смѣшанныхъ браковъ. Выцвѣлъ какъ-то здѣсь русскій человѣкъ глазами, явилась какая-то несвойственная ему раскосость глазъ, плечи усутулились, и ростомъ-то онъ сталъ какъ-то пониже, бороденка исклочилась и порѣдѣла—все обличье приняло видъ сосѣда финна, отъ котораго въ иныхъ случаяхъ и не отличить русскаго человѣка» (В. Майновъ).

Населеніе въ Озерномъ краѣ довольно рѣдкое—въ среднемъ приходится человѣкъ семьсотъ на квадратрую милю; только въ Петербургской губерніи плотность населенія доходитъ до двухъ съ половиною тысячъ на квадр. милю, но это происходитъ оттого, что здѣсь находится громадный Петербургъ и его многолюдныя окрестности, а сама эта губернія населена мало. Сельское населеніе Озернаго края живетъ преимущественно маленькими деревнями; большія села встрѣчаются сравнительно рѣдко. Такъ какъ природа не обидѣла здѣшняго крестьянина строевымъ лѣсомъ, то живетъ онъ здѣсь гораздо лучше и опрятнѣе, чѣмъ крестьянинъ Средней и Южной Россіи. Избы здѣсь большія, свѣтлыя, просторныя, хорошо построенныя, теплыя и уютныя. Полъ въ избѣ настилается обыкновенно высоко надъ землею; иногда его поднимаютъ сажени на полторы, такъ что изба превращается уже въ двухъ-этажную, при чемъ нижній этажъ служитъ или кладовой или жилымъ, обыкновенно зимнимъ помѣщеніемъ. Въ рѣдкой деревушкѣ не найдется двухъ-этажной избы, а иной богатый крестьянинъ не удовольствуется и двумя этажами и дѣлаетъ еще третій или устраиваетъ себѣ домъ совершенно по городскому образцу. Въ тѣхъ деревняхъ и селахъ, жители которыхъ занимаются какимъ нибудь выгоднымъ промысломъ или поддерживаютъ тѣсныя связи съ Петербургомъ, можно видѣть

и каменныя дома, но, конечно, послѣднее встрѣчается въ видѣ исключенія. Крестьянская изба въ Озерномъ краѣ, какъ и въ средней Россіи, состоитъ не изъ однихъ только жилыхъ зимнихъ и лѣтнихъ помѣщеній, но также изъ сѣней, сарая, въ который съ улицы устраивается въѣздъ, и двора съ хлѣвами. Рига, баня и амбарушка строятся отдѣльно. Внутри изба производитъ пріятное впечатлѣніе чистотой половъ, стѣнъ и утвари. Развитіе отхожихъ городскихъ промысловъ въ краѣ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, что здѣшній крестьянинъ, достигнувъ нѣкоторой зажиточности, старается устроить у себя въ домѣ обстановку городской жизни. Въ мѣстахъ, гдѣ населеніе тянетъ къ Петербургу, нерѣдко можно встрѣтить въ крестьянской избѣ чистую горницу, оклеенную обоями, съ занавѣсками и цвѣтами на окнахъ, съ городскою мебелью. Конечно, въ деревняхъ и селахъ Озернаго края можно встрѣтить немало жалкихъ лачугъ, въ которыхъ о чистотѣ, просторѣ и удобствахъ и рѣчи быть не можетъ, но въ общемъ обстановка жизни здѣшняго населенія производитъ впечатлѣніе большей зажиточности, чѣмъ въ средней и черноземной полосѣ.

II.

Суровъ климатъ и бѣдна почва Озернаго края—раннія зимы и весенніе заморозки ча-

сто губятъ озимь и земля рѣдко отдаетъ самъ—пятъ то, что въ нее положитъ пахарь, но земледѣліе все-таки составляетъ здѣсь главный промыселъ населенія. Много приходится положить труда и стараній, чтобы заставить неплодородную почву Озернаго края производить хлѣбъ. Въ однихъ мѣстахъ земля представляетъ сплошное болото, которое необходимо осушить прежде, чѣмъ пройти по немъ съ сохою, въ другихъ земля лѣсистая или каменистая и также требуетъ затраты огромнаго труда на предварительную подготовку почвы для посѣва. Особенно плохо родится хлѣбъ въ Олонецкой губерніи, покрытой или голыми гранитными скалами, или топями, болотами и дремучими хвойными лѣсами; только на югѣ этой губерніи по солнечнымъ покатостямъ холмовъ и по рѣчнымъ долинамъ встрѣчаются довольно значительныя пространства пашенной земли. Но какая это земля! Тощій суглинокъ или песокъ, усѣянный множествомъ камней, даетъ такіе ничтожные урожаи, что своимъ хлѣбомъ крестьянинъ круглый годъ прокормиться не можетъ. Сырыя, низменныя равнины Петербургской губерніи и громадныя моховыя болота и лѣса на сѣверо-востокѣ Новгородской губерніи также представляютъ крайне неблагопріятныя условія для хлѣбопашества. Только на западѣ Новгородской губерніи и въ губерніи Псковской мѣстность выше и суше, почва плодороднѣе (особенно между Шелонью

и Ловатью), и отъ земли можно, хотя и не сытно, кормиться.

Повсюду въ Озерномъ краѣ сѣютъ рожь, овесъ, ячмень, горохъ и сажаютъ картофель, который служитъ большимъ подспорьемъ для питанія и находитъ себѣ хорошій сбытъ въ столицу. На востокѣ губерніи Олонецкой, на западѣ Новгородской и въ губерніи Псковской хорошо растетъ ленъ. Особенно славится своимъ льноводствомъ Псковская губернія, которая, по посѣвамъ льна, занимаетъ первое мѣсто въ Россіи. Ленъ отсюда везутъ въ среднюю Россію для выдѣлки различныхъ тканей, а также отправляютъ за границу.

Что касается способовъ земледѣлія, то въ этомъ отношеніи въ Озерномъ краѣ наблюдается большое разнообразіе. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ края (въ Олонецкой г. и отчасти въ Новгородской) еще держится первобытное лѣсопольное или подсѣчное хозяйство. Выжигаютъ лѣсъ и на удобренной пепломъ, а иногда кромѣ того и навозомъ, почвѣ сѣютъ хлѣбъ. Въ большей части края преобладаетъ трехполье, а у помѣщиковъ или колонистовъ существуетъ кое-гдѣ (около Петербурга) даже многопольное хозяйство и травосѣяніе. Огородничествомъ для своихъ собственныхъ потребностей занимаются почти всѣ крестьяне Озернаго края: разводятъ капусту, лукъ, морковь, свеклу, рѣпу, брюкву, огурцы. Промышленный характеръ огородничество приняло въ

окрестностяхъ Петербурга, куда овощи находятъ хорошій сбытъ. Здѣсь очень развито, какъ парниковое и тепличное, такъ и воздушное огородничество, причемъ разводятся разнообразнѣйшіе овощи: шампиньоны, спаржа, всевозможные сорта капусты, шпинатъ, редиска, салатъ, порей, сельдерей, свекла, петрушка, морковь, огурцы и т. д. Плодовые сады имѣются у многихъ крестьянъ, помѣщиковъ и горожанъ, но хозяева занимаются плодоводствомъ болѣе для собственныхъ потребностей или удовольствія. Во всемъ Озерномъ краѣ разводится яблоня; мѣстами развито также ягодное садоводство (земляника, смородина, крыжовникъ, малина).

Скотоводство въ Озерномъ краѣ имѣетъ прежде всего тѣсную связь съ земледѣліемъ, такъ какъ неплодородная почва требуетъ усиленнаго удобренія. Здѣсь держатъ довольно много лошадей, которыя необходимы для полевыхъ работъ и тяги судовъ по рѣкамъ и каналамъ, овецъ, рогатаго скота и свиней. Мѣстами скотоводство пріобрѣло самостоятельное значеніе, благодаря развитію выдѣлки масла и сыровъ, находящихъ себѣ хорошій сбытъ въ Петербургѣ. По берегамъ рѣкъ Мсты, Ловати и Волхова находятся богатые заливные луга, но вообще хорошихъ сѣнокосовъ и пастбищъ въ Озерномъ краѣ мало и это мѣшаетъ развитію здѣсь скотоводства.

Малоуспѣшность сельскаго хозяйства за

ставила жителей обратиться къ другимъ промысламъ. Существенное подспорье въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ рыболовство, чему содѣйствуетъ близость моря и обиліе рѣкъ и озеръ. Въ прежнія времена рыбы здѣсь было такое изобиліе, что на Пейпусѣ отъ лещей брали одни языки, а остальное бросали. Теперь рыбы стало меньше, и рыболовство только въ немногихъ мѣстахъ имѣетъ характеръ самостоятельнаго, крупнаго промысла; большею же частью рыба расходуется на мѣстѣ, въ деревняхъ и ближайшихъ городахъ и только уловы изъ большихъ озеръ идутъ на продажу въ столицы и другіе города Россіи. По берегамъ Ладожскаго озера рыболовство составляетъ одно изъ главныхъ занятій населенія. Въ сѣверной части озера ловятся сиги, а южная даетъ богатые уловы судаковъ, лещей, корюшки и язей. Рыба эта идетъ на продажу въ сушеномъ, соленомъ, копченомъ видѣ и даже живою. Послѣднюю везутъ въ Петербургъ въ особыхъ лодкахъ, называемыхъ прорѣзями, прямо озеромъ, такъ какъ испорченная вода каналовъ вредна для такихъ рыбъ, какъ сигъ и лосось. Сонную рыбу везутъ въ соймахъ, во льду. Рыбный промыселъ даетъ приладожскому населенію болѣе полумилліона рублей въ годъ. Кромѣ рыболовства, промышленники на Ладожскомъ озерѣ лѣтомъ бьютъ тюленей и иногда набиваютъ до тысячи штукъ. Тю-

леньи шкуры идутъ въ Сердоболь, гдѣ изъ нихъ выдѣлываютъ рукавицы, а сало идетъ на продажу въ Петербургъ. Въ богатой водою, но бѣдной хлѣбомъ Олонецкой губерніи рыболовство составляетъ одно изъ главныхъ занятій жителей и по количеству улова эта губернія занимаетъ первое мѣсто въ краѣ. Въ неурожайные годы, когда нѣтъ муки, олончане сушатъ снѣтковъ, мелютъ ихъ на ручныхъ жерновахъ въ муку и изъ этой муки пекутъ пироги. Рыба спасаетъ олончанина во время безхлѣбья, и не даромъ мелкую рыбку народъ здѣсь зоветъ «напастницей». Разныхъ породъ рыбы въ водахъ Олонецкаго края водится много: налимъ, лосось, харіусъ, таймень, торна, палья, сигъ, лещъ, подлещъ, ершъ, ряпушка, корюшка и др.; изрѣдка попадается цѣнная стерлядь и семга. Рыбу ловятъ разными способами и снарядами, смотря но породѣ рыбы и мѣсту лова. Если рыболовные снаряды стоятъ дорого, напр. рѣчной неводъ или онежскій неводъ (имѣетъ болѣе 200 саж. длины), то крестьяне заводятъ ихъ сообща. Мелкую рыбу олончанинъ съѣдаетъ самъ, а крупную солитъ, вялитъ, сушитъ и въ огромномъ количествѣ разсылаетъ на продажу въ разныя мѣста Россіи. На озерахъ Бѣломъ и Чудскомъ ловится между прочимъ въ большомъ количествѣ мелкая рыба, которая въ сушеномъ видѣ, подъ именемъ снѣтковъ, развозится по разнымъ губерніямъ Россіи.

Бѣлозерскіе и псковскіе снѣтки считаются лучшими, особенно послѣдніе. Псковской снѣтокъ ходитъ въ озерѣ необозримыми стаями, подлѣ которыхъ шмыгаютъ окуни, а въ воздухѣ носятся чайки. Въ сыромъ видѣ онъ имѣетъ непріятный запахъ, но при хорошей сушкѣ теряетъ его совершенно; цвѣтомъ онъ синеватъ, но, по мѣрѣ замиранія, бѣлѣетъ. Когда снѣтокъ весною мечетъ икру, то заходитъ въ устья мѣстныхъ рѣкъ и рѣчекъ въ такомъ количествѣ, что снѣтковъ буквально можно черпать ковшами. Снѣтковъ ловятъ круглый годъ; самый трудный и самый продолжительный—это зимній ловъ, посредствомъ огромнаго невода, который протаскивается подо-льдомъ отъ одной проруби до другой. Сырой снѣтокъ скупается на мѣстѣ и немедленно поступаетъ въ снѣткосушительныя печи и солится. Снѣтковой ловлей занимаются больше ста селеній по берегамъ Псковскаго озера. Средоточіемъ, рынкомъ и биржей этого промысла является посадъ Александровскій.

Важное значеніе для Озернаго края имѣютъ разные лѣсные промыслы: рубка и сплавъ лѣса и охота, гонка смолы и дегтя, приготовленіе деревянной посуды. Петербургъ—этотъ громадный очагъ, потребляющій огромное количество дровъ, пользуется лѣсомъ со всѣхъ сторонъ, но главнымъ образомъ для отопленія своихъ домовъ и фабрикъ, для плотничьихъ и иныхъ работъ получаетъ лѣсъ съ береговъ

рѣкъ и озеръ, связанныхъ съ Ладожскимъ озеромъ и Невою. Лѣсъ рубятъ во всѣхъ губерніяхъ Озернаго края, но больше всего въ губерніяхъ Олонецкой и на сѣверо-востокѣ Новгородской. Лѣсъ рубятъ зимою, свозятъ его къ сплавнымъ рѣчкамъ, весною пускаютъ его на полую воду и гонятъ до большой рѣки, гдѣ его связываютъ въ комели (комель состоитъ изъ бревенчатаго обода, обхватывающаго цѣлую массу несвязанныхъ бревенъ) или плоты и сплавляютъ дальше. Сплавъ лѣса по порожистымъ рѣкамъ Озернаго края представляетъ немало трудовъ и опасностей для рабочаго люда. Плоты часто разбиваются въ порогахъ, бревна застрѣваютъ въ камняхъ порога и образуютъ «заторы», ломка которыхъ дѣло довольно опасное. Но здѣшній народъ смѣлъ и привыченъ къ рѣчному дѣлу; находятся такіе смѣльчаки, для которыхъ не диво, стоя на бревнѣ, съ багромъ въ рукахъ, прокатиться по порогу.

Охота на звѣрей и птицъ составляетъ важное подспорье въ тѣхъ мѣстахъ края, гдѣ уцѣлѣли большіе лѣса, особенно въ Олонецкой губерніи. Въ концѣ лѣта олончанинъ, закинувъ за плечи свою самодѣльную кремневую винтовку, изъ которой онъ ухитряется однако бить безъ промаха всякаго звѣря и птицу, отправляется въ лѣсъ въ сопровожденіи своего вѣрнаго помощника — «лайки». Хорошо обученная лайка лаетъ особенно на каждаго

звѣря и птицу и, замѣтивъ ихъ, лаетъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ хозяинъ. Прежде всего старается охотникъ набить побольше рябчиковъ и тетеревъ, на которыхъ хорошій спросъ со стороны скупщиковъ дичи; скупщики эти или ихъ прикащики разъѣзжаютъ по деревнямъ и даютъ впередъ деньги охотникамъ, которые расплачиваются набитой дичью, конечно, по цѣнѣ, какую угодно назначить скупщикамъ. На разную водяную и болотную дичь, которой здѣсь множество, охотятся въ іюлѣ и августѣ—больше для собственнаго употребленія, а въ продажу она идетъ мало. Прежде птицу били исключительно для мяса, но теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Олонецкой губерніи бабы стали собирать пухъ, который продается по нѣскольку рублей за фунтъ. Кромѣ охоты на птицъ, въ Олонецкой губерніи промышляютъ также и звѣроловствомъ: всего больше бьютъ зайцевъ, лисицъ и бѣлокъ, затѣмъ лосей, выдръ, оленей, медвѣдей. На медвѣдей иногда ставятъ капканы, иногда выходятъ съ рогатиной, но чаще бьютъ съ «лабаза»: подъ деревомъ кладутъ падаль, на сучьяхъ дерева укрѣпляютъ жерди, на которыя влѣзаетъ охотникъ и, дождавшись звѣря, старается уложить его однимъ выстрѣломъ между глазъ, чтобы шкуры не испортить. Выдѣлка, подборъ и продажа звѣриныхъ шкуръ производится въ городѣ Каргополѣ. (Олон. губ.).

Немалыя средства къ жизни даютъ населенію Озернаго края проходящіе здѣсь водные пути, особенно Маріинскій; поэтому большая часть населенія и расположилась около водныхъ путей. Много рабочихъ рукъ здѣсь занято судостроеніемъ, сплавомъ различныхъ грузовъ, бревенъ и дровъ, нагрузкой и разгрузкой судовъ и т. п. Разработка рудъ и минераловъ въ Озерномъ краѣ сравнительно слабо развита. Желѣзныя и мѣдныя руды разработываются въ Олонецкой губерніи; желѣзо добывается въ незначительномъ количествѣ въ губерніи Новгородской, въ окрестностяхъ города Устюжны. Болѣе крупные размѣры имѣетъ добываніе гончарныхъ глинъ и разныхъ строительныхъ матеріаловъ: песку, извести, ломка гранита, мрамора и плиты. Самая значительная добыча плиты происходитъ въ селѣ Путиловѣ, гдѣ этимъ дѣломъ занимается болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Мѣстность, гдѣ находятся залежи плиты, ежегодно дѣлится на небольшіе участки, которые сдаются съ торговъ. Вся путиловская плита зимою подвозится на Ладожскій каналъ (по берегу канала складъ плиты тянется на нѣсколько верстъ), гдѣ грузится на суда и отправляется въ Петербургъ. Ломка камня и обдѣлка каменныхъ брусьевъ производится также въ Олонецкой губерніи около города Повѣнца.

Фабрично-заводская промышленность, по

стоимости производства, имѣетъ огромные размѣры, но распредѣлена она крайне неравномѣрно и ограничивается немногими пунктами и ихъ окрестностями. Въ Олонецкой губерніи находится въ Петрозаводскѣ казенный Александровскій заводъ для отливки пушекъ и снарядовъ къ нимъ. Кончезерскій чугунно-литейный заводъ близъ Петрозаводска, и три желѣзодѣлательныхъ завода близъ Петрозаводска. Въ Новгородской губерніи изъ фабрично-заводскихъ производствъ болѣе другихъ замѣчательны гвоздарное и машиностоительное въ деревнѣ Вахновѣ Череповецкаго уѣзда, спичечное въ селѣ Грузино, и гончарное въ городѣ Боровичахъ, принявшее въ послѣдніе годы крупные размѣры. Здѣсь выдѣлываютъ глиняную и фаянсовую посуду, огнеупорный кирпичъ, глиняныя трубы, плиты для тротуаровъ и т. п. Первое мѣсто въ краѣ и второе въ Россіи по размѣрамъ и разнообразію фабрично-заводской промышленности занимаетъ Петербургская губернія. С.-Петербургъ представляетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ промышленныхъ центровъ; въ окрестностяхъ столицы и въ самой столицѣ, на ея окраинахъ, дымится множество фабричныхъ трубъ, существуетъ множество фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ заведеній, гдѣ работаютъ десятки тысячъ народа. Самыя крупныя отрасли петербургекой промышленности: машиностроительное, метал-

лическое (заводы Обуховскій, Колпинскій), хлопчатобумажное, писчебумажное и табачное. Въ городѣ Нарвѣ, противъ Кренгольмской мануфактуры, при водопадѣ, находится громадная «Нарвская суконная и льнопрядильная мануфактура», приготовляющая сукна и парусину. Всего слабѣе развита промышленная дѣятельность въ Псковской губерніи, гдѣ болѣе крупные размѣры имѣетъ только льнотрепаніе (посадъ Сольцы) и кожевенное производство (Въ Великихъ Лукахъ); населеніе этой губерніи, особенно на западѣ, придерживается главнымъ образомъ земледѣлія и живетъ гораздо беднѣе, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ края [1]).

---

[1]) *Источники и пособія:* „Сельское и лѣсное хозяйство Россіи"; „Геогр. хрестом." Н. Малинина; „Учебн: геогр. Росс. Имп." П. Бѣлохи, въ переработкѣ А. Соколова; Изданія „Пост. Комм. нар. чтеній"; „По сѣверо-западу Россіи"; К. К. Случевскаго и др.

15.—Олончане.

Проѣзжая Олонецкій край и встѣчая на пути деревни, уже издали, при взглядѣ на мѣстоположеніе, можно почти безошибочно сказать, кто живетъ въ деревушкѣ—русскіе или корелы.

Русскіе селятся всегда поближе къ водѣ, корелы—наоборотъ. Корелъ выбираетъ для своихъ поселковъ гористыя, сухія мѣста, избѣгая озеръ и рѣкъ, отъ которыхъ подымаются туманы и вредныя испаренія, порождающія разныя болѣзни.

И точно на возвышенныхъ, гористыхъ мѣстахъ кореламъ живется здоровѣе. чѣмъ русскимъ у воды и смертность между ними не такъ сильна. Скотину корелы держатъ не „на чистомъ воздухѣ" или подъ какимъ нибудь навѣсомъ, какъ русскіе, а въ теплыхъ, закрытыхъ мѣстахъ, отчего и скотина у нихъ лучше и молока даетъ больше.

Въ Олонецкомъ краѣ есть большія села, какъ, напримѣръ, Шуя, недалеко отъ Петрозаводска, раскинувшаяся верстъ на пять; но

по большой части деревни олончанъ маленькія и на дальнемъ разтояніи одна отъ другой. Такъ какъ пахотной земли мало и она рѣдко гдѣ попадается, то, разумѣется, мужики дорожатъ ею и селятся все больше на годныхъ для обработки мѣстахъ.

Не велики деревушки, но за то избы въ нихъ—по большой части все двухъ этажныя—бросаются въ глаза своей чистотой и опрятностью. Построены онѣ крѣпко, прочно, на вѣкъ, что называется. Войдите въ любую изъ нихъ: чистыя стѣны, полъ, лавки чистыя; свѣтло и тепло, не пахнетъ гарью. Крыши здѣсь кроютъ тесомъ, а подъ тесомъ кладутъ *скалу* (бересту), чтобы не протекало. При каждомъ дворѣ ужъ непремѣнно есть баня и амбаръ. Вотъ только фунтамента не любитъ олончанинъ, хоть камня всякаго у него не занимать стать. Кирпичи для своихъ печей каждый хозяинъ самъ мастеритъ.

Олончане небольшаго роста, русоволосы. На первый взглядъ они кажутся неповоротливыми и лѣнивыми. Но это не вѣрно. Олончанинъ далеко не лѣнивъ; напротивъ, онъ очень трудолюбивъ даже,—но только за дѣло неохотно берется. Ему точно страшенъ первый приступъ къ труду. А разъ ужъ принялся онъ, такъ и работаетъ за троихъ, непокладая рукъ, до тѣхъ поръ, пока онѣ ему служить не откажутся. Не любитъ онъ и такой работы, при которой дома надо сидѣть.

Такая работа претитъ ему. Онъ лучше будетъ работать на полѣ, на озерѣ и въ лѣсу.

У олончанъ особый говоръ. Заонежанинъ, [1]) сохранилъ древне-новгородское нарѣчіе, а также кое-что позаимствовалъ у своихъ сосѣдей, кореловъ. Заонежанина легко отличить по говору въ толпѣ русскихъ крестьянъ. Порою, онъ „чокаетъ"; затѣмъ не скажетъ *дай*, а *дай-ко*, и не *дайте*, а *дайте-тко*. Слова произноситъ медленно, съ разстановкой и непремѣнно пѣвуче. Любитъ заонежанинъ и мягкость звука и говоритъ не молодица, а молодиця (какъ малороссъ) и *цюдо*, а не *чудо*. Вмѣсто хозяева, говоритъ—хозяевы, а вмѣсто *читайте—цицайте-тко*; не скажетъ былъ въ городѣ, въ избѣ—а въ городи въ изби.

Обонежанинъ [2]) не скажетъ: не ѣмъ, не пью, не могу, а—нѐ ѣмъ, нѐ пью, нé могу. Олончане, не испытавъ на себѣ монгольскаго ига рѣдко употребляютъ слова татарскаго происхожденія. Не знаютъ, напримѣръ, словъ *лошадь* и *кнутъ*, а говорятъ *конь* и *погонялка*. Но за то у нихъ много словъ финскихъ и заимствованныхъ изъ древне-славянскаго

---

[1]) Заонежане—жители Кижской и Толвуйской волостей, Петрозаводскаго уѣзда, и Шунгской—Повѣнецкаго. Къ Заонежью причисляются всѣ погосты, расположенные на огромномъ мысѣ, вдающемся въ Онежское озеро (полуостровъ Заонежье) то на 40, то на 70 верстъ, и перерѣзанномъ почти во всю длину свою заливами, озерами, соединенными съ Онегою узкими проливами и протоками.

[2]) Обонежане—жители Обонежья, т. е. сѣверной и сѣверо-восточной частей Олонецкой губерніи.

языка. Напримѣръ, сапоги—*бахилы*, лапти—*верзыи*, кукушка—*загожка*, ненастье—*рянда*, неодобрять—*кухнать*, неудалый—*моня*, смѣяться—*халяндать* и пр.

Въ олончанинѣ много хорошихъ качествъ: онъ ласковъ, гостепріименъ, добръ и очень честенъ.

Онъ никогда не возьметъ чужого топора или рыболовной снасти, которыя, сплошь, да рядомъ, оставляются на берегу рѣки или озера рыбаками,—не возьметъ чужой лодки. Сохрани Богъ! Но есть за нимъ и одинъ недостатокъ: пощеголять любятъ мужики и бабы, а особенно жители Заонежья, и это не дешево имъ обходится. Не даромъ и въ пѣсняхъ поется, какъ «удóлы—добры молодцы носятъ поддѣвочку дорогихъ суконъ, на ноженькахъ сапоженьки козловые, кругъ сердечка—кушáчики шелкóвые, на головушкѣ шляпоньки пуховыя, на бѣлой груди цѣпочки золоченыя». И какъ нарядившись «удалый—добрый молодецъ колёной гребеночкой учесываетъ свои жемчужныя кудерушки и завиваетъ ихъ въ колечка золоченыя». А красныя дѣвушки носятъ цвѣтное, басистое платьице,—сарафаны новомодные раструбистые; на головушку жемчужную подвѣсочку, по подвѣсочкѣ рóзову косыночку; въ завивную свою косу русую вплетаютъ дорогія, золотыя ленточки; по русой косѣ кладутъ цвѣты алые, во ушеньки—серёжки бриллiантовы; на бѣлую

грудь цѣпочку золоченую; на плеченьки—шубу соболиную». И, точно, на бабѣ и въ будни не рѣдкость шерстяной сарафанъ, а то такъ и штофный. На мужикѣ, въ праздникъ, тоже кафтанъ изъ тонкаго сукна. Сапоги носятъ изъ бѣлой кожи,—они прочнѣе и не промокаютъ.

Въ языкѣ олончанъ, какъ уже говорилось, вошло много чужихъ словъ, финскихъ. Но за то олончане сохранили у себя богатое наслѣдіе русскаго народа—пѣсни, которыя сложены были въ незапамятныя времена пѣвцами изъ народа и переходя изъ устъ въ уста, отъ дѣдовъ къ внукамъ, поются и до сихъ поръ. Изъ этихъ пѣсенъ многія забыты уже теперь во всей Россіи; помнятъ ихъ только въ одномъ Олонецкомъ краѣ. Есть здѣсь «сказатели», которые знаютъ былины про князя Кіевскаго Владиміра Красно-Солнышко, про его могучихъ славныхъ богатырей: Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алешу Поповича. Разсказывается въ этихъ былинахъ, какъ богатыри сражались за землю Святорусскую съ врагами ея, степными хищниками, какъ избивали они вражью силу несмѣтную, какъ пировали въ стольномъ городѣ во Кіевѣ у ласкова князя Владиміра... Много чего поется въ былинахъ, сразу всего и не пересказать. Есть въ Олонецкомъ краѣ и крестьянки, которыя помнятъ старыя пѣсни — заплачки. Эти заплачки причитаютъ—вдовы надъ покойнымъ

мужемъ, дочери надъ отцомъ или надъ матерью, родители надъ дѣтьми и т. п., и выливается въ этихъ заплачкахъ грусть и тоска живыхъ объ усопшихъ родныхъ и близкихъ сердцу. Жалобныя это пѣсни. Есть и другія заплачки—рекрутскія, которыя причитали надъ парнями, забранными въ военную службу. Въ прежнія времена служба была тяжелая: на 25 лѣтъ отрывали мужика отъ семьи и отъ родины. Немудрено, что рекрута провожали изъ дому съ причитаньями, какъ покойника. Но въ Бозѣ почивающій Царь-Освободитель Александръ II облегчилъ солдатскую службу, такъ что теперь она перестала быть такимъ ужасомъ для народа. Перестали, поэтому, и олончанки пѣть свои причитанья надъ новобранцами и забылись бы скоро эти причитанья совсѣмъ, никто бы потомъ и не зналъ, что были когда-то они. Но ученые люди давно уже обратили вниманіе на былины и заплачки олонецкія, поняли, какъ хороши и интересны эти народныя пѣсни, записали ихъ и напечатали, такъ что теперь всѣ онѣ сохранятся на вѣчныя времена. *(Изъ кн. „Олонецкій край", издан. Пост. Комм. нар. чтеній).*

16.—Въ глуши. (Изъ быта кореловъ).

А. П. Смирновъ.

Карелы — племя финское. По фински оно зовется *каріа-лайсетъ*. Поэтому часто употребляемое названіе *корелы* не вѣрно.

Коренная земля кареловъ—Карелія охватывала встарь Ладожское озеро и занимала все пространство между озерами Ладожскимъ и Онежскимъ (нынѣшнюю Выборгскую губернію, значительную часть губерній Олонецкой и Петербургской, да Кемскій уѣздъ губерніи Архангельской).

Жили когда-то карелы самостоятельно; съ нашими предками то воевали, то дружили... И христіанское ученіе лѣтъ 600—700 тому назадъ (въ тринадцатомъ столѣтіи) приняли отъ русскихъ по православному исповѣданію.

Потомъ Карелія покорилась Швеціи, отъ Швеціи же при Императорѣ Петрѣ Великомъ (въ 1721 году) перешла къ Россіи.

Во время войнъ Россіи со шведами пограничные карелы часто попадались въ плѣнъ къ русскимъ. Плѣнныхъ карелъ селили глав-

нымъ образомъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ Новогородской и Тверской, то есть на полдень отъ коренной Карелии.

Потому и теперь карелы занимаютъ Олонецкую губернію и Кемскій уѣздъ Архангельской губерніи сплошными массами... Тамъ между ними русскіе разселены рѣдко; въ губерніяхъ же Новгородской и Тверской довольно большіе карельскіе поселки только какъ бы вкраплены среди сплошного русскаго населенія.

Всѣхъ кареловъ въ Россіи насчитывается около 300.000.

Карелы совсѣмъ обрусѣли. Говорятъ они по русски (карельскій языкъ помнятъ развѣ старики), вѣроученія держатся православнаго. Только карелы Выборгской губеуніи, да отчасти губерніи Петербургской, держатся исповѣданія лютеранскаго, которому научились подъ шведскимъ владычествомъ. Финскій обликъ свой карелы, однако, еще сохранили; сохранили и свѣтлый цвѣтъ волосъ.

Въ смѣтливости карелы русскимъ не уступаютъ: пользуются доброю славою за свою честность. Живутъ они трезво, опрятно и зажиточно.

Ясный, морозный вечеръ. Въ глухомъ, дремучемъ лѣсу мелькаютъ, тамъ и сямъ, между деревьями, огоньки. Это карелы полѣсовщики развели костры и варятъ уху изъ соленой

рыбы. Наработались они за день, устали страшно.

Вотъ и Данила съ Мишуткой. Они сидятъ у небольшого костра и тоже варятъ уху. Мишутка, время отъ времени, подбрасываетъ въ огонь хворосту, костеръ вспыхиваетъ ярче, веселѣе... Вода въ котелкѣ начинаетъ шумѣть... Мишутка слѣдитъ—когда покажутся на ней пузыри... тогда и рыбу спускать можно будетъ.

Данила покуриваетъ трубочку и о чемъ-то думаетъ: мало ли о чемъ!.. О томъ, можетъ быть, что еслибы и завтра Господь привелъ вывезти столько бревенъ, какъ сегодня, лучше и не надо! Черезъ недѣльку тогда можно будетъ домой вернуться, съ синей бумажкой въ карманѣ... Не дурно!

О томъ—какимъ трудомъ бумажка эта достается, Данила не думаетъ. А вѣдь съ ранняго утра вплоть до поздняго вечера и онъ и Мишутка на ногахъ были, сдѣлали верстъ десятковъ шесть. До сплавной рѣки, куда свозили лѣсъ, не меньше пятнадцати верстъ. Два раза они впередъ, да два раза назадъ проѣхали. Какъ не устать! Еще добро бы итти по *настоящей* дорогѣ... Куда! Въ ихъ мѣстахъ все рытвины да ухабы, кочки болотныя... и всюду сугробы, сугробы! Разъ пять застревалъ Данила въ этихъ сугробахъ съ Мишуткой. А одинъ разъ они едва-едва выбрались... и Карько застрялъ. Ни взадъ, ни впередъ—хоть что хочешь! Пришлось выво-

лакивать и лошадь, и сани съ бревнами, и самимъ выбраться...

Но Данила нисколько не думаетъ о своей усталости; не думаетъ онъ даже о сынишкѣ... А вотъ безпокоитъ его, что Карько очень усталъ... Вонъ онъ стоитъ распряженный у саней и пожевываетъ сѣнцо, а отъ его худыхъ, впалыхъ реберъ такъ и валитъ паръ, точно изъ самовара!..

— Закипѣла!—крикнулъ Мишутка, не сводившій глазъ съ котелка.—Давай-ка рыбу-то, татка!..

— Возьми въ мѣшкѣ!

Минутъ черезъ десять отецъ съ сыномъ уже хлебали уху, но хлебали какъ-то лѣниво—устали очень. И разговаривать-то имъ не хотѣлось...

— А что, братъ Мишутка, пожалуй, спать пора!—сказалъ Данила, положивъ ложку и отирая усы.

— Пора, татка! Спать страсть хочется!

— А ты бы еще поѣлъ...

— Не охота, татка!..

Ясная, лунная ночь спустилась надъ лѣсомъ. Свѣтло, какъ днемъ... Ярко горитъ и переливается снѣгъ всѣми цвѣтами радуги. Всѣ спятъ, забившись въ низенькіе шалашики изъ древесныхъ вѣтвей и накрывшись армяками, полушубками... Спятъ и Данила съ Мишуткой... Спитъ и вѣрная лайка, свернувшись на сѣнѣ калачикомъ...

Тихо въ лѣсу, такъ тихо, что на далекомъ пространствѣ явственно слышится храпъ полѣсовщиковъ; слышится, какъ жуютъ привязанныя, тамъ и сямъ, къ санямъ лошади. Да и изъ нихъ многія ужъ заснули...

Но вдругъ Карько повернулъ голову и какъ-то тревожно насторожилъ уши. Откуда-то изъ самой глубины чащи, донесся жалобный вой. Этотъ вой знакомъ ему—это волки. А вонъ тявкнула и Данилова лайка, тявкнула разъ—другой, выскочила изъ шалаша и тревожно водитъ носомъ по воздуху... И изъ другихъ шалашей тоже выскочило пять шесть лаекъ... Затявкали и онѣ, поднявъ головы. Выглянуло изъ какого-то шалаша заспанное лицо съ растрепанною бородой, безсмысленно поглядѣло по сторонамъ, и опять спряталось, очевидно, не разобравъ, въ чемъ дѣло... Но вой не повторялся... Успокоившіяся собаки разбрелись снова по шалашамъ.

Чудное утро было: ясное, тихое, слегка морозное... На небѣ все еще догорали звѣздочки, свѣтила луна... Въ воздухѣ ни малѣйшаго вѣтерка—тишина мертвая!.. Только снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами Данилы, да изрѣдка, съ легкимъ трескомъ, ломалась сухая сосновая вѣтка подъ его сапогомъ... Лайка бѣжала немного поодаль и тщательно обнюхивая воздухъ...

Данила бодро шагалъ впередъ и впередъ,

въ самую глубину чащи, съ трубкой въ зубахъ, съ винтовкою за плечами, и съ неизмѣннымъ топоромъ за поясомъ, безъ котораго ни одинъ крестьянинъ-олончанинъ [1]) не выйдетъ ни за что въ лѣсъ...

А какъ пріятно итти по пустому сосновому лѣсу въ такую пору!.. Легкій морозецъ чуть-чуть пощипываетъ щеки... чудный, пропитанный смолистымъ запахомъ воздухъ льется въ грудь... И какъ легко, свободно дышится!

Вонъ пролегаетъ узенькая тропинка, протоптанная охотниками. Данила идетъ по ней, стараясь не сворачивать въ сторону, изъ опасенія завязнуть въ снѣгу по шею, а по обѣимъ сторонамъ тропинки стѣнами стоятъ могучія, вѣковыя сосны... Взглянешь на ихъ макушки—шапка валится!.. Вѣтви ихъ, порою, такъ толсты, что изъ каждой вышло бы довольно порядочное дерево...

Данила разомъ остановился и снялъ ружье. Шагахъ въ двадцати отъ него собаченка глядѣла на дерево и заливалась лаемъ.

— Бѣлка—подумалъ Данила и тоже зорко взглянулъ на дерево.—Эге, даже двѣ!

Онъ приложился. Раздался выстрѣлъ,—и одинъ изъ звѣрьковъ, наповалъ убитый, упалъ на землю. Его товарищъ былъ такъ ошоломленъ, что даже не подумалъ перепрыгнуть на другое дерево, и только робко притаился между вѣтвями, дрожа всѣмъ тѣломъ...

[1]) „Олончанинъ"—обыватель Олонецкой губерніи.

Данила, не торопясь, зарядилъ винтовку; насыпалъ на полку пороху, снова приложился, выстрѣлилъ... Повалилась и вторая бѣлка! Онъ поднялъ добычу, связалъ бѣлокъ за заднія лапки веревочкой и, прикрѣпивъ ихъ къ поясу, пошелъ дальше.

Идетъ... Лайка бѣжитъ впереди, слегка помахиваетъ хвостомъ и нюхаетъ воздухъ... Умная собаченка зорко поглядываетъ на деревья: не притаился ли тамъ робкій звѣрекъ? Она знаетъ, что Данила попользуется шкурками, а мяса́ отдастъ ей...

Прошли верстъ десять, пожалуй, если не больше, отъ становища. Лайка слѣдила зорко и Данила, благодаря ей, подстрѣлилъ еще четырехъ бѣлокъ. Теперь у него ихъ семь штукъ... Это на тридцать на пять копѣекъ!

Вдругъ лайка остановилась передъ какимъ-то сугробомъ, слегка заворчала и потомъ затявкала особенно странно. Данила вздрогнулъ и было уже впился глазами въ снѣжную кучу. Сердце радостно забилось въ его груди... Отъ сугроба шелъ легкій паръ и разстилался въ тихомъ, морозномъ воздухѣ... Да, это берлога, и въ ней—медвѣдь.

— Медвѣдь... Господи!..

Данила даже перекрестился... Вѣдь онъ и въ двѣ, въ три недѣли не заработаетъ столько возкой бревенъ, сколько выручитъ за косолапаго Мишку!..

Но винтовка у Данилы малопульная; изъ

нея не убьешь медвѣдя... Развѣ въ самый упоръ?... Рогатины съ собой онъ не взялъ... Положимъ, можно сейчасъ же смастерить хорошій колъ... на это минутъ пять—десять потребуется... Расшевелить имъ въ берлогѣ медвѣдя, и потомъ, когда тотъ выйдетъ, покончить съ нимъ топоромъ?.. Да, можно... да очень ужъ опасно... Съ рогатиной куда лучше...

— Медвѣдь не уйдетъ,—рѣшилъ Данила— и до ночи не попадетъ въ руки другихъ охотниковъ. А ночью приду на это мѣсто съ рогатиной, и тогда...

Данила свистнулъ своей собаченкѣ и пошелъ назадъ.

Порой онъ дѣлалъ на деревьяхъ зарубки, чтобы легче потомъ отыскать берлогу... На обратномъ пути лайка выслѣдила еще пару бѣлокъ, и Данила убилъ ихъ.

И онъ вернулся на становище въ веселомъ, пріятномъ расположеніи духа... О медвѣдѣ помалкиваетъ. Онъ и Мишуткѣ ни словомъ не заикнулся о своей находкѣ.

Принялся Данила опять за возку бревенъ. Впрочемъ, сегодня онъ шабашилъ раньше другихъ: ему хотѣлось поберечь силы. Часовъ въ 6 или 7 вечера онъ распрягъ Карько...

Сварили ухи, закусили, забрались спать въ шалашъ. Мишутка мигомъ уснулъ, а Данила долго еще возился. Но уснулъ и онъ, наконецъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ.

Данила проснулся, должно быть, часу въ

двѣнадцатомъ ночи, поднялъ голову и сталъ прислушиваться... Мишутка громко храпѣлъ; храпѣла и лайка... Онъ высунулъ голову изъ шалашика и зорко оглядѣлъ все вокругъ...

Минутъ черезъ пять Данила ужъ шелъ съ рогатиной на плечѣ и съ топоромъ за поясомъ—шелъ ровно, тихо, какъ воръ, безпрестанно оглядываясь и прислушиваясь... но никто не просыпался.

А Данила чувствовалъ себя какъ нельзя лучше—бодрымъ и свѣжимъ. Теперь онъ не только на однаго, а и на двухъ медвѣдей итти не задумался бы. И онъ весело шелъ впередъ, приглядываясь къ деревьямъ: есть ли на нихъ зарубки?

Вотъ и берлога... Легкій паръ слегка клубится надъ нею... Мигомъ Данила вырубилъ длинный сосновый колъ и глубоко запустилъ его въ снѣговой сугробъ... Въ ту же минуту съ низу откуда-то, точно изъ-подъ земли, послышалось глухое рычаніе... Данила еще и еще пошевелилъ коломъ, рычанье стало сильнѣе... Еще разъ... И вотъ, съ страшнымъ ревомъ выскочилъ изъ берлоги, засыпанной снѣгомъ, громадный, бурый медвѣдь и разомъ всталъ на заднія лапы. Изъ кроваго-красной пасти его валилъ паръ, сверкали огромные бѣлые зубы... Данила отступилъ шага три назадъ и наставилъ рогатину... Медвѣдь рявкнулъ еще разъ, такъ рявкнулъ, что лайка кубаремъ отлетѣла прочь,

а у Данилы слегка екнуло сердце... Пошелъ медвѣдь прямо на безстрашнаго корела... А тотъ ждетъ его, молча, не шевелясь, съ протянутой впередъ рогатиной... Медвѣдь яростно вцѣпился въ нее зубами... Но вдругъ взревѣлъ и изъ широко раскрытой пасти его хлынула стуя крови: рогатина скользнула между зубами и прошла ему глубоко въ горло... Онъ сдѣлалъ судорожное усилiе... протянулъ впередъ обѣ лапы, стараясь схватить Данилу... Громадные когти одной изъ лапъ успѣли царапнуть плечо охотника... Данила крякнулъ и сильно поморщился. На кускѣ полушубка, полетѣвшемъ на снѣгъ, видна была кровь... Медвѣдь захрипѣлъ, зашатался и тяжело рухнулся въ снѣгъ...

Данила торжествовалъ!.. Не обращая никакого вниманiя на раненое плечо, онъ глазъ не сводилъ съ лежавшаго передъ нимъ огромнаго звѣря. Медвѣдь былъ изъ очень крупныхъ. Данила даже и не запомнитъ, чтобы онъ когда-нибудь убивалъ такого... И шкура была на немъ превосходная: безъ лысинъ, безъ изъяновъ... Слава Богу!.. Кладъ вѣдь это!

— Господи, Боже мой!..—говорилъ Данила и хотѣлъ было перекреститься.

Но вдругъ почувствовалъ, что рука у него ослабѣла, дрожитъ,—и голова, какъ-будто, кружится, въ глазахъ мутится... И что за страшная боль въ плечѣ!..

Данила, однако, пересилилъ себя, оправился. Быстро скинулъ онъ съ себя полушубокъ, разорвалъ рубаху и кускомъ ея перевязалъ довольно глубокую рану.

Потомъ присѣлъ тутъ же на снѣгъ, отдохнулъ немного...

Черезъ четверть часа онъ ужъ спокойно покуривалъ носогрѣйку и думалъ: «Сколько, примѣрно, можно выручить за медвѣдя?.. И какъ обрадуется жена...

Господи, какъ обрадуется!»..

17.—Пудожъ.—Отъ Пудожа на озеро Купецкое.

В. Х.

Масса сѣрыхъ домиковъ совершенно однообразной постройки, напоминающихъ собою деревенскія избы, вмѣстѣ съ скромнымъ соборомъ, ютятся на краю крутаго обрыва, спускающагося къ рѣкѣ Водлѣ. Въ перемежку съ домами идутъ огороженныя пашни, засѣянныя овсомъ и рожью, рѣже огороды, принадлежащіе обывателямъ. По прямымъ линіямъ пересѣкаютъ другъ друга узкія улицы, почти что сплошь заросшія травой. На улицахъ непробудный покой; на нихъ мирно пасутся овцы, лѣниво переходя съ одного мѣста на другое; да ребятишки кое-гдѣ собираются около лужъ и со звонкимъ смѣхомъ загорѣлыми ножками мѣсятъ жидкую грязь. Спитъ весь городъ, спитъ съ утра до вечера и съ вечера до утра. Въ окнахъ, уставленныхъ горшками съ дикимъ перцемъ, бобами и фуксіей, рѣдко, рѣдко покажется чье нибудь лицо. Но не подумайте, чтобы васъ не видали, потому

что вы шли все время по спящему городу или даже вовсе никуда не выходили. Васъ видѣли; откуда, когда—вы этого не можете постигнуть; васъ разглядѣли со всѣхъ сторонъ, про васъ все знаютъ.

Напрасно бы вы искали обывателей на улицахъ,—все пусто; даже на такъ называемой Главной улицѣ, которая отличается отъ прочихъ только тѣмъ, что на ней меньше травы и по сторонамъ сдѣланы деревянные мостки вмѣсто тротуаровъ—и на этой улицѣ никакого движенія. Лавки—и тѣ почти всѣ заперты, и, только дернувъ нѣсколько разъ за звонокъ, вы можете вызвать изъ внутреннихъ комнатъ самого торговца, который лѣниво отворитъ вамъ дверь, какъ бы удивляясь самъ такому рѣдкому явленію, какъ приходъ покупателя. Такъ, напримѣръ, для того, чтобы найти щетку для чистки платья, намъ пришлось сдѣлать цѣлое путешествіе по городу, заходя во всѣ лавки, звоня и стуча во многія двери, пока, наконецъ, мы не нашли одну единственную завалявшуюся щетку.

Въ Пудожѣ есть и больница и при ней аптечка—зданіе чистенькое, хотя и маленькое. Вообще зданія казенныя отличаются отъ остальныхъ тѣмъ, что они окрашены преимущественно въ свѣтло-коричневую краску и выглядятъ чище и красивѣе. Недостатокъ жизни и ограниченность потребностей ощущается повсюду: почта идетъ только два раза въ

недѣлю и это считается вполнѣ достаточнымъ; тому же можно приписать вялость торговли.

Первое мѣсто въ Пудожѣ, конечно, занимаютъ чиновники, которые держатся въ сторонѣ своимъ кругомъ. Остальное населеніе исключительно составляютъ мѣщане и ссыльные. Было время, когда Пудожъ былъ почти буквально наводненъ ссыльными поляками. Между ними было много людей состоятельныхъ; жизнь они вели на широкую ногу, устраивали балы и концерты. Теперь ссыльныхъ въ Пудожѣ относительно мало.

«И какіе мы мѣщане? Мѣщане—что крестьяне. Всю работу крестьянскую справляемъ», такъ говоритъ про себя коренное пудожское населеніе. И дѣйствительно, когда посмотришь на пудожскихъ мѣщанъ: на ихъ лица, костюмы, на ихъ жизнь и обстановку—невольно приходитъ въ голову вопросъ, какими судьбами, за что, изъ всего этого уѣзда, жребій выпалъ именно жителямъ Пудожа, а не какого-либо другаго селенія именоваться мѣщанами.

Пашни за городомъ, пашни около домовъ—вотъ въ чемъ заключается ихъ главный интересъ. Каждое утро мужчины выѣзжаютъ на сохахъ и боронахъ за городъ; каждый вечеръ возвращается ихъ пестрая толпа на утомленныхъ лошадяхъ. Женщины справляютъ дома работу, какъ и деревенскія бабы: стряпаютъ, ходятъ за скотомъ, возятся въ огородѣ, ходятъ также на полевыя работы. Это тѣ же типы,

что въ деревнѣ: рослые, сильные мужики, сильныя, здоровыя женщины, загорѣлыя, лохматыя дѣти въ холщевыхъ, рѣже ситцевыхъ рубахахъ и сарафанчикахъ. Въ разговорѣ, конечно, обнаруживается большее знаніе городскихъ словъ: болѣе широкій кругозоръ. Пудожане пьютъ кофе, знакомы и съ иностранными словами, видали многое — но въ сущности остались такими же невѣжественными, какъ и обитатели глухихъ угловъ Олонецкой губерніи.

...Медленно двигалась наша телѣга по глинистой, вязкой дорогѣ. Хмурое небо глядѣло на насъ въ узкую просѣку. А то все лѣсъ кругомъ—густой, непроходимый лѣсъ. Сорокъ верстъ лѣсомъ—вотъ дорога на озеро Купецкое. Сначала березнякъ, потомъ сосна и ель. Высоко къ небу устремились зубчатыя верхушки, а внизу такъ густо переплелись нижнія вѣтви, что кажется только съ помощью топора можно пробраться сквозь эту темную сѣтку. По обѣимъ сторонамъ дороги лежатъ простертыми могучіе великаны лѣса; срубленные во время проведенія дороги, они медленно гніютъ здѣсь. Жесткая, на половину болотистая, на половину лѣсная трава, мелкорослый ивнякъ да мохъ покрываютъ бывшіе когда-то мощными стволы. Тутъ и тамъ попадаются вывороченныя съ корнями деревья — цѣлыми рядами лежатъ они. То жертвы вихря, когда

онъ съ страшнымъ ревомъ проносится по лѣсу. Лѣсъ тогда шумитъ, гнется, стонетъ; то и дѣло слышится трескъ не устоявшихъ деревьевъ, шелестъ зацѣпившихся за сосѣднее дерево могучихъ вѣтвей—лѣсъ оживился.

Но теперь все тихо кругомъ — безмолвье, безлюдье. Ѣдешь десятки верстъ, не встрѣчая не только ни одного селенія, но даже ни одного человѣка. За то какъ обрадуешься, когда на половинѣ дороги издали замѣтишь человѣческую фигуру. То олончанинъ, пробирающійся изъ одной деревни въ другую, или идущій на свои пашни, или вышедшій, по распоряженію старшины, чинить дорогу. Суровой, но сильной кажется вся его фигура, облеченная въ бѣлесоватый армякъ; голова и шея покрыта «кукелемъ» [1]), за спиной «крошни» [2]), въ мускулистыхъ, жилистыхъ рукахъ пила, заступъ или другой инструментъ.

Иногда на краю дороги увидишь такъ называемую «артель» пильщиковъ — два мужика вмѣстѣ согласились напилить себѣ досокъ. Кромѣ кукеля они надѣли себѣ на лица сѣтки, зажгли костеръ рядомъ, чтобы избавиться хоть немного отъ комаровъ. То выскакиваетъ изъ-за густаго синеватаго дыма, то внезапно исчечаетъ за нимъ быстро дви-

---

[1]) „Кукель"—холщевый мѣшокъ, надѣваемый на голову и предохраняющій отъ укушенія комаровъ и мошекъ.

[2]) „Крошни"—изъ бересты сплетенный мѣшокъ для переноски тяжестей и для сохраненія припасовъ.

жущаяся пила; рѣзкій лязгъ слышенъ еще издали.

Нѣтъ, лѣсъ не мертвъ. Слѣды пребыванія въ немъ человѣка замѣтны. Тутъ и тамъ догораетъ еще не совсѣмъ остывшій костеръ; среди густой сѣни лѣса скромно поднимается крыша низенькой лѣсной избушки или «фатерки»; [3]) чуть замѣтная тропа убѣгаетъ въ чащу. Трудна борьба съ лѣсомъ, окружившимъ со всѣхъ сторонъ олончанина; за то природа надѣлила его всѣми качествами, необходимыми въ борьбѣ съ ней самой: смѣлостью, упорствомъ, энергіей и находчивостью.

Кто видалъ пашни въ лѣсу—такъ называемыя «лядины», кто знаетъ, что такое «лядиное» или подсѣчное хозяйство, тотъ не станетъ сомнѣваться въ силѣ воли олончанина.

Вотъ что такое эта «работа въ лисяхъ», о которой сами крестьяне говорятъ, какъ о самой тяжелой работѣ. Довольствоваться надѣломъ пахатной земли близъ своего селенія олончанину положительно нѣтъ возможности: онъ слишкомъ малъ — всего $^{1}/_{3}$ десятины на душу. Вотъ почему ранней весной, едва только сойдетъ снѣгъ, олончанинъ уже отправляется въ лѣсъ выбирать себѣ мѣсто для лѣсной пашни, такъ называемой «лядины». Обык-

[3]) „Фатерки“ или „лѣсныя избушки“ ставятся въ лѣсу для ночлега крестьянъ, уходящихъ въ лѣсъ на работу, иногда на цѣлую недѣлю. Въ нихъ находятъ себѣ пріютъ и запоздавшіе охотникъ и путникъ.

новенно выборъ его падаетъ или на лѣсную поляну, куда легко и удобно было бы свести побольше валежнику, или же на мѣсто, поросшее осиной, березой, вообще лиственными породами. Просохнетъ немного земля—и вся семья крестянина отправляется на работу. Идутъ молодые и старые, женщины и подростки. Женщины вооружаются такъ называемыми «женскими топорами» или «косарями» (длинный согнутый ножъ, у котораго лезвіе находится съ внутренней стороны), и для удобства переообѣваются въ лѣсу въ мужской костюмъ. Уходитъ семья изъ дому въ понедѣльникъ, обыкновенно на цѣлую недѣлю. Съ шутками, смѣхомъ и говоромъ уходятъ въ лѣсъ эти неутомимые работники; еще веселѣе они возвращаются домой. Въ лѣсу работа кипитъ съ утра до вечера. Рубятъ маленькія деревца, срубаютъ нижнія и верхнія вѣтки съ большихъ деревьввъ. На ночь возвращаются домой только въ томъ случаѣ, если своя деревня близка. Въ противномъ случаѣ ночуютъ въ «фатеркѣ». Она обыкновенно тѣсна и низка до того, что стать въ ней взрослому нѣтъ никакой возможности. Въ эту-то «фатерку» вползаютъ рабочіе и здѣсь находятъ ночной пріютъ. Но бичъ олонецкихъ лѣсовъ— комаръ и мошка, мучившіе ихъ впродолженіи цѣлаго дня, зачастую не даютъ имъ уснуть. Часто, потерявъ терпѣніе, олончанинъ зажигаетъ березовую вѣтку и накалившимися

листьями прижигаетъ свои раны. Часто за десятки верстъ онъ бѣжитъ въ свою деревню попариться въ банѣ — единственное почти средство, по мнѣнію крестьянъ, облегчить эти ужасныя страданія.

Кончилась подготовка работы на лядинѣ: срубаніе вѣтокъ и деревьевъ—и олончанинъ оставляетъ ее до будущаго года. Получившаяся куча валежника успѣваетъ высохнуть до слѣдующаго лѣта. Тогда снова является сюда хозяинъ ея съ домашними; лядина поджигается со всѣхъ сторонъ; горитъ валежникъ, коробятся и трещатъ листья, искры взлетаютъ вверхъ—и среди этаго пламени, среди ѣдкаго густаго дыма ходятъ владѣльцы лядины, переворачивая сучья и бревна, не давая гаснуть огню до тѣхъ поръ, пока не испеплится весь валежникъ, Эта работа, большей частью, отражается на глазахъ, которые потомъ страдаютъ воспаленіемъ.

Вспахиваютъ лядину сохой особеннаго устройства, которая не глубоко забираетъ землю. Боронуютъ особенной, олонецкой бороной, сдѣланной изъ толстыхъ сучьевъ сосны, снабженныхъ многочисленными мелкими сучками. Такіе сучья расщепляютъ и обращаютъ всѣми сучками внизъ, которые такимъ образомъ замѣняютъ желѣзные зубцы нашей бороны.

Много труда стоитъ олончанину его паш-

ня, но она вознаграждаетъ его хорошо, возвращая ему его посѣвъ иногда самъ 20.

По своему внѣшнему виду лядины съ особенной мягкой сѣроватой зеленью, свойственной злакамъ, сквозь которую проглядываютъ черные, обгорѣвшіе пни, съ высоко выдвигающимися бѣлыми и сѣрыми стволами березъ и осинъ, представляютъ вполнѣ оригинальную картину.

...Но вотъ послѣ долгаго пути сосновымъ боромъ мѣстность принимаетъ болѣе веселый характеръ. Лиственный лѣсъ такъ свѣжъ, такъ соченъ. На прозрачномъ вечернемъ небѣ покоятся недвижныя листья. Закатъ золотитъ верхушки лѣса; ниже лучи его не могутъ проникнуть сквозь густую зеленую чащу; иногда только за поворотомъ дороги, сквозь болѣе рѣдкія деревья мелькнетъ оно, и снопъ золотистыхъ лучей внезапно ослѣпитъ глаза. Спитъ темная неподвижная вода въ маленькихъ болотцахъ по краямъ дороги. Уже покрылись тѣнью мелкорослыя березы и ивы, торчащія изъ нихъ и густая трава на опушкѣ. Ландыши въ полномъ цвѣту—сильный сладкій запахъ ихъ сопровождаетъ насъ. Вечерняя сырость начинаетъ чувствоваться въ воздухѣ.

Вдали заблестѣло озеро Купецкое. Точно зеркальце брошено оно среди березовыхъ рощъ. На берегахъ сѣрыми пятнами выступаютъ деревни. Высоко поднимается бѣлая

колокольня «погоста». Всѣ контуры сливаются въ мягкомъ свѣтѣ заката. Небо блѣднѣетъ —все готовится къ тихой бѣлой ночи.

Вотъ потянулись уже изгороди. По дорогѣ встрѣчаются группы бабъ и мужиковъ, возвращающихся съ работы. Вотъ уже промелькнули первыя избы деревни Авдѣевской. Сразу осаживаетъ ямщикъ лошадей передъ волостнымъ правленіемъ Авдѣевской волости.

Озеро Купецкое не велико [1]), но, окруженное довольно возвышенными берегами, необыкновенно красиво. Все оно, съ лѣсами, окружающими его, съ деревнями, ютящимися на его берегахъ, какъ-то миніатюрно и изящно. Сколько разъ оно, бывало, измѣнитъ свой видъ, сообразно погодѣ и освѣщенію. Прелестно оно, когда яркое золото утренней зари зальетъ его. Пожалуй, еще красивѣе, когда вдали, за березовой рощей садится солнце— небо блѣднѣетъ ежеминутно, принимая лиловато-розовый оттѣнокъ на западѣ—и весь небосклонъ со своими измѣнчивыми, но нѣжными тонами кажется опрокинутымъ на неподвижной, готовящейся къ ночному отдыху глади. Но вотъ, просыпаешься утромъ, бѣжишь къ озеру, еще полная впечатлѣнія вчерашняго мирнаго вечера—и не узнаешь его. За послѣдней избой ударилъ въ лицо сильный порывъ сѣвернаго вѣтра—онъ прерываетъ дыха-

---

[1]) Около $4^1/_2$ вер. въ длину.

ніе, леденитъ своими холодными объятіями. А озеро—что сталось съ нимъ? Свинцовыя волны, увѣнчанныя зловѣщими бѣлыми гребнями, несутся къ берегу. Свинцовое небо мрачно повисло надъ головой; на его темномъ фонѣ величественно выдѣляется бѣлая колокольня Бураковскаго погоста Шумитъ; ревет озеро—неприглядно, непріютно. „Сѣверикъ дуетъ—и рыбу ловить нельзя ѣхать", говорятъ мужики, у которыхъ нѣтъ большихъ лодокъ, способныхъ выдержать такое волненіе.

За самой доревней Авдѣевской идутъ пашни. Не тянутся онѣ до горизонта зеленымъ, волнующимся моремъ, какъ у насъ—столько мѣста лѣсъ не уступаетъ олончанину, тутъ же темной стѣной стоитъ онъ на стражѣ, ограничивая ту небольшую равнину, на которой расположены пашни. Но и этому небольшому сравнительно клочку земли, который предоставленъ имъ, онѣ, придали необыкновенно свѣжій, привлекательный видъ. Какъ мягко сквозятъ солнечные лучи сквозь ихъ низкую еще зелень; какими прелестными тѣнями пробѣгаютъ по ихъ волнующейся поверхности гонимыя вѣтромъ облака. Дальше тянется лѣсъ, мѣстами лиственный, мѣстами хвойный. А тамъ, пройдешь версту, другую—начинаются уже изгороди сосѣдней деревни, пойдутъ опять пашни вплоть до избъ.

Въ общемъ экономическое благосостояніе крестьянъ Пудожскаго уѣзда производитъ благопріятное впѣчатлѣніе. Исключеніе представляютъ, конечно, жители многихъ деревень, особенно Водлозерскихъ. Но въ общемъ пудожане живутъ лучше крестьянъ среднихъ губерній, хотя и трудятся гораздо больше для своего благосостоянія, чѣмъ они. „Хоть денегъ нѣтъ, а голову кормимъ,“ говорятъ пудожане. И дѣйствительно, капиталовъ у нихъ нѣтъ, но нѣтъ и той безпощадной бѣдности, которая кидается въ глаза въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Ветхую, перекосившуюся избу встрѣтишь относительно рѣдко— лѣсъ даетъ обильный строительный матеріалъ пудожанину, и онъ строитъ себѣ жилище просторное и удобное. Обыкновенная изба въ пудожскомъ уѣздѣ состоитъ изъ сѣней, фатеры, горницы, подъизбицы, т. е. нижняго этажа, двора—помѣщенія въ верхнемъ этажѣ для телѣгъ и земледѣльческихъ орудій и хлѣва. У нѣкоторыхъ близъ избы есть еще и баня и амбаръ для муки и крупы. Пудожанинъ имѣетъ возможность вести также молочное хозяйство. Число коровъ въ большой семьѣ доходитъ иногда до 6, 10 и 12, и опытная хозяйка имѣетъ всегда въ запасѣ большое количество творога, сметаны и сушенаго и прессованнаго сыра, который идетъ въ прокъ. Держатъ пудожане и лошадей, овецъ и куръ. Конечно, не всѣ семьи поль-

зуются такимъ благосостоянiемъ. Раздѣлъ, даже по словамъ самихъ крестьянъ, наноситъ всегда сильный ударъ богатству семьи. Бывшiя еще недавно богатыми семьи теперь совсѣмъ обѣднѣли. Это и вполнѣ понятно. При раздѣлѣ часто приходится на семью по одной коровѣ; пахотной земли нельзя имѣть много по недостатку позему и рабочихъ рукъ. Въ голодные годы приходится иногда смѣшивать хлѣбъ съ соломою.

18.—Лѣто въ Новгородской губерніи.

С. Мечъ.

Лѣто 1894 года я провелъ въ Новгородской губерніи, на Валдайской возвышенности, которую огибаетъ съ востока, сѣвера и запада быстрая, засыпанная порогами Мста.

Я жилъ въ высокой, холмистой, весьма здоровой мѣстности. Эти холмы состоятъ изъ песку или изъ глины, причемъ какъ песокъ, такъ и глина усыпаны и проникнуты невѣроятнымъ количествомъ камней—большихъ и маленькихъ, огромныхъ и крошечныхъ. Есть камни величиною съ обѣденный столъ и больше. Они разбросаны повсюду въ лѣсу, на дорогахъ, на поляхъ; они лежатъ на только что вспаханныхъ пашняхъ, лежатъ среди колосьевъ нивы, лежатъ въ рѣчкахъ, которыя съ шумомъ стремятся черезъ нихъ, торчатъ изъ грунта проселочныхъ дорогъ, затрудняя ѣзду по нимъ, лежатъ на улицахъ деревень, цѣлыми сотнями усыпаютъ лѣса, кусты и выгоны. Не знаю почему, но мнѣ очень милы эти сѣрые валуны, угловатые, неподвижные,

обросшіе мохомъ. На мой взглядъ они необыкновенно идутъ къ природѣ Новгородской губерніи, нѣсколько дикой и сумрачной.

Обиліе камней имѣетъ здѣсь одно очень непріятное послѣдствіе: между ними находятъ себѣ убѣжище и пріютъ ядовитыя змѣи, извѣстныя подъ именемъ годюкъ и мѣдяницъ. Мнѣ кажется, что это одинъ и тотъ же видъ змѣи, что онъ бываетъ иногда чернѣе, иногда же принимаетъ сѣрый цвѣтъ съ бронзовымъ оттѣнкомъ; обыкновенно вдоль спины гадюки тянется болѣе темная полоса—въ видѣ зигзага. Змѣй здѣсь зовутъ гадами; отъ нихъ достается и людямъ, и коровамъ, и собакамъ. Такъ какъ на покосахъ женщины и дѣвушки работаютъ босыя, то случаи укушенія довольно обыкновенны. Укушенная нога сильно распухаетъ, начинается жаръ, тошнота, общее нездоровье. Иногда это проходитъ скоро и безъ послѣдствій, но иногда тянется долго и человѣкъ сильно страдаетъ.

Часто здѣшніе холмы имѣютъ видъ продолговатыхъ валовъ и кряжей, и промежутки между ними наполнены или озерами, или болотами. Озеръ здѣсь очень много. Извѣстно, что въ Новгородской губерніи насчитывается больше 3000 озеръ, но и въ окрестностяхъ моей дачи ихъ довольно. Чистыя, прозрачныя, съ песчанымъ дномъ, они составляютъ истинное украшеніе всей здѣшней мѣстности. Размѣры ихъ различны. Есть очень маленькія,

есть и такія, которыя занимаютъ цѣлыя версты и десятки верстъ въ длину. Глубина ихъ по большей части не велика, но есть озера въ 10—20 сажень глубиной.

Эти милыя, поэтичныя озера во многихъ отношеніяхъ полезны живующимъ здѣсь людямъ. Они даютъ имъ воду—мягкую и прозрачную, въ нихъ, въ жаркую пору, такъ хорошо купаться—просто не хочется выходить изъ воды, при чемъ песчаное дно не имѣетъ ни ямъ, ни омутовъ и вездѣ ровно. Въ озерѣ, которое передъ моимъ домомъ, ни разу не было случая, чтобы утонулъ кто-либо—такъ говорили мнѣ люди, которые родились, выросли и состарѣлись здѣсь. Кромѣ того, озера даютъ человѣку до сихъ поръ еще много рыбы. Несмотря на варварское истребленіе рыбъ, въ здѣшнихъ озерахъ водится все еще много щукъ, лещей, окуней, плотвы, ершей, налимовъ. Сколько же рыбныхъ богатствъ могло бы заключаться въ каждомъ изъ этихъ озеръ, если бы хоть немного оберегать ихъ и заботится о разведеніи въ нихъ цѣнныхъ породъ рыбы!

Ко всему сказанному нужно прибавить, что озера Новгородской губерніи нисколько не портятъ ея климата, не дѣлаютъ его ни болѣе сырымъ, ни вреднымъ. Правда, сырости и тумановъ здѣсь—довольно. Туманы даже лѣтомъ бываютъ удивительные. Иногда, съ наступленіемъ вечера, при тихой погодѣ, густая

пелена ложится сперва въ низинахъ, потомъ поднимается все выше и выше, и скоро вся окрестность кажется безбрежнымъ моремъ, надъ которымъ выдаются лѣсистыя холмы въ видѣ островов. Картина получается поразительная и необычайная! Но я всегда замѣчалъ, что туманъ спущался прежде всего въ сырыхъ, болотистыхъ низинахъ, а уже потомъ являлся надъ озеромъ.

Болота окрестъ моей дачи не особенно велики. Я не видалъ тѣхъ неизмѣримыхъ моховыхъ равнинъ, которыя такъ обыкновенны ближе къ Новгороду и къ Балтійскому морю, гдѣ уже оканчивается Валдайская возвышенность, и гдѣ есть болота въ 400—500 кв. верстъ.

Здѣшніе мхи представляютъ всегда остатки бывшихъ на ихъ мѣстѣ озеръ. Часто маленькое моховое болото со всѣхъ сторонъ окружено высокими берегами, и почти въ каждомъ болотѣ можно видѣть хоть одну такъ называемую релку, т. е. сухой холмъ, покрытый деревьями и ягодами—очевидно бывшіе озерные острова.

Есть одно растеніе, маленькое и невзрачное, но имѣющее огромное значеніе для здѣшняго края. Это—торфяной мохъ. Его вѣточки, мягкія и зеленыя, дѣлаются почти бѣлыми, когда высохнутъ, и ихъ употребляютъ для перекладыванія бревенъ при постройкѣ избъ. Этотъ мохъ размножается въ водѣ съ пора-

зительною быстротой и, поселившись на озерѣ близъ берега, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ превращаетъ чудесное, прозрачное и чистое озеро въ грязное и гнилое болото. Правда, ему помогаютъ при этомъ водяная кувшинка, и хвощъ, и осока, и другія водяныя растенія, но первенствующая роль принадлежитъ мху.

Поверхность мохового болота здѣсь никогда не бываетъ совсѣмъ чистой: она всегда покрыта деревьями, причемъ одни мхи, заростая смѣшаннымъ березовымъ и еловымъ лѣсомъ, представляютъ дикій, хаотическій видъ и почти непроходимы, тогда какъ другіе являются въ видѣ чистыхъ сосновыхъ рощицъ, словно по мягкому моховому ковру кто-нибудь разсажалъ сосны. Мнѣ кажется, что этотъ послѣдній видъ болотъ получается въ томъ случаѣ, если дно и берега болота песчаные, а не глинистые.

Сосны бываютъ обыкновенно не велики— сажени въ полторы или двѣ и кажутся такими тощими, сухими, печальными. Когда вѣтерокъ пробѣжитъ между ихъ вѣтвями, онѣ начинаютъ звучать необыкновенно протяжно и жалко, словно ропщутъ на свою горькую долю. Иглы у нихъ растутъ только на концахъ верхнихъ вѣтвей, а нижнія вѣтви потемнѣли и засохли; часто онѣ бываютъ обвѣшаны космами особаго вида лишайника, напоминающаго длинные сѣрые волосы. Многія уже умерли и стоятъ совсѣмъ сухія; тогда

достаточно небольшого усилія руки, чтобы сломать и повалить гнилой стволъ въ ногу толщиною. Эти сосны представляютъ собою любопытный случай примѣняемости растеній къ условіямъ, самымъ для нихъ неестественнымъ. Вѣдь, любимыя сосною мѣста — сухіе песчаные холмы, такъ называемыя боровыя мѣста, а вовсе не гнилой и мокрый торфъ.

Но если сосна представляетъ случайное явленіе на мхахъ, и если ей живется на нихъ плохо, то есть растенія, которыя на мху только и могутъ существовать и разростаются на немъ въ поразительномъ изобиліи.

Для этихъ растеній мохъ — торфяникъ составляетъ необходимое условіе жизни, какъ вода для рыбы. И какъ только вы ступите на моховое болото, превратившееся въ какое-то подобіе мягкаго, толстаго ковра, въ которомъ тонетъ нога, выдавливая въ немъ мокрыя углубленія, какъ только вы ступите на такое болото, вы сейчасъ же замѣтите и его всегдашнихъ спутниковъ, — растенія, не блещущія ни яркостью красокъ, ни красотою, но тѣмъ не менѣе премилыя и прелюбопытныя. Всего замѣчательнѣе, что эти растенія — полярныя, растущія на тундрахъ крайняго сѣвера. Ихъ довольно много, но я хочу остановиться только на нѣсколькихъ.

Первое растеньице, которое обильно покрываетъ мхи, это клюква. Столь знакомая

всѣмъ, — красная, нестерпимо кислая ягода растетъ исключительно на торфяныхъ мхахъ.

Другое растеніе, которое привлекало къ себѣ мое вниманіе, была морошка, глажи, какъ ее здѣсь зовутъ. Оно живетъ также исключительно на мхахъ. Это маленькое растеньице, несущее два три вырѣзныхъ листа; между ними поднимается въ іюнѣ бѣлый цвѣтокъ, который къ концу мѣсяца превращается въ крупную ягоду, похожую на малину, вначалѣ бѣлую и жесткую, но потомъ она дѣлается мягкой и желтой.

Для чистыхъ моховыхъ болотъ характерны также сине-черныя ягоды голубики, которую здѣсь зовутъ головоболью. Растеніе имѣетъ видъ приземистыхъ кустиковъ съ красивыми голубовато-зелеными листочками. Говорятъ, будто отъ этихъ ягодъ болитъ и кружится голова, — я никогда не испытывалъ ничего подобнаго, хотя, кажется, поѣлъ ягодъ голубики довольно. Можетъ быть, это мнѣніе произошло оттого, что рядомъ съ голубикой растетъ такъ называемый багульникъ, низенькій кустарникъ изъ семейства вересковыхъ, съ сухими узкими листьями. Это растеніе издаетъ особенный, какъ бы сладкій запахъ, (производящій головную боль).

Но всего любопытнѣе одно маленькое, едва замѣтное растеньице, которое часто встрѣчается на мхахъ, но такъ миніатюрно, что здѣсь,

въ окрестностяхъ, никто его даже и не знаетъ. Это, такъ называемая, росянка.

Росянка—созданіе совсѣмъ необыкновенное.

Извѣстно, что всѣ растенія сами создаютъ матеріалъ для своего питанія изъ минеральныхъ веществъ, воды и воздуха. Росянка составляетъ рѣдкое, хотя и не единственное, исключеніе. Знаменитый Дарвинъ доказалъ цѣлымъ рядомъ наблюденій, что росянка есть хищное, насѣкомоядное растеніе, которое ловитъ мухъ и питается ими. Его маленькіе, круглые листики, обыкновенно прижатые къ поверхности мха, усѣяны сверху множествомъ (около 200) какъ бы щупалецъ съ шариками на концахъ; весь листъ похожъ на подушечку, въ которую воткнуты булавки. Каждый шарикъ есть железка, выдѣляющая свѣтлую липкую и тягучую массу. Едва только маленькое насѣкомое, напр. комаръ или мошка, коснется этихъ железокъ, какъ сейчасъ же прилипаетъ къ нимъ, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ щупальцы начинаютъ нагибаться, приближаться къ добычѣ и, такъ сказать, впиваться въ нее. При этомъ железки на концахъ щупалецъ выдѣляютъ ѣдкую и острую жидкость, которая совершенно тождественна съ желудочнымъ сокомъ животныхъ; она растворяетъ живую ткань насѣкомаго, и потомъ растеніе всасываетъ въ себя этотъ растворъ.

Моховыя болота съ ихъ ягоднымъ при-

вольемъ, съ ихъ обычнымъ уединеніемъ и тишиной, составляютъ любимое мѣстопребываніе бѣлыхъ или моховыхъ куропатокъ. Лѣтомъ моховая куропатка имѣетъ ржаво-пестрый цвѣтъ, который въ высшей степени похожъ на цвѣтъ мховъ, то бѣлесоватыхъ, то бурыхъ, то красноватыхъ. Когда она прижмется и сидитъ неподвижно во мху, ее трудно замѣтить даже самыми зоркими привычными глазами. Въ эту пору моховыя куропатки ходятъ по болотамъ выводками по нѣскольку штукъ. Вмѣстѣ съ молодыми ходятъ и самка, и самецъ, причемъ оба, особенно самка, съ изумительно нѣжностью и мужествомъ охраняютъ отъ враговъ своихъ хорошенькихъ птенчиковъ.

Съ наступленіемъ осени моховыя куропатки начинаютъ измѣнять свою окраску: лѣтнія перья понемногу выпадаютъ, а на ихъ мѣстѣ выростаютъ бѣлыя, какъ снѣгъ. Къ зимѣ моховая куропатка дѣлается совсѣмъ бѣлой, такъ что незнакомый съ нею человѣкъ ни за что не признаетъ въ ней ту самую пеструю птицу, которую онъ видалъ лѣтомъ на мхахъ. Превращеніе до того совершенное и изумительное, что подобное ему рѣдко случается въ природѣ.

Въ старое время здѣшній край былъ, очевидно, весь покрытъ сплошными лѣсами, отъ которыхъ были свободны одни только озера. Даже названія здѣшнихъ селеній доказываютъ

это: Боровичи, Боровенка, Боръ, Борокъ, Боровое, Дубки, Поддубье, Осиновецъ и пр. Теперь уже нѣтъ больше строевыхъ деревьевъ, но все-таки, оглядывая мѣстность откуда нибудь съ высокаго холма, какихъ здѣсь такъ много и откуда раскрывается видъ на нѣсколько верстъ кругомъ, невольно поражаешься обиліемъ лѣса. Видѣть вокругъ себя дикую, нѣсколько мрачную мѣстность, всю залитую волнами лѣсовъ, которые то поднимаются на холмы, то сбѣгаютъ внизъ, въ лога и болота, и между ними только мѣстами замѣчаешь клочки обработанныхъ полей, маленькую деревушку, одиноко брошенную въ лѣсу, или блестящую гладь озера.

Лѣсныхъ пустошей еще очень много въ Новгородской губерніи, много непролазныхъ трущобъ, заваленныхъ валежникомъ, залитыхъ водою, обросшихъ подушками мха. Медвѣдямъ есть еще гдѣ водиться и хотя я самъ ихъ не видалъ, но отъ крестьянъ слышалъ о нихъ не мало, и часто попадались мнѣ разрытые ими муравейники и пни.

Населеніе, живущее въ окрестностяхъ моей дачи, представляетъ не мало такихъ особенностей, которыя указываютъ на глубокую древность. Здѣсь живетъ настоящій русскій народъ, хотя, кажется, не безъ примѣси финской крови.

Нѣсколько финскихъ, карельскихъ селеній донынѣ разбросано посреди русскихъ деревень.

Гораздо раньше, во времена доисторическія, какіе-то таинственные невѣдомые люди жили среди лѣсовъ и озеръ-озерной области. Здѣсь встрѣчаются высокія, правильныя насыпи, очевидно сдѣланныя человѣческими руками и представляющія то-же самое, что въ степной Россіи называютъ курганами или могилами. Здѣсь ихъ зовутъ сопками.

Я люблю простой русскій народъ. Не знаю почему, но для меня всегда онъ окруженъ обояніемъ чего-то особеннаго, тихаго, трогательнаго, немного печальнаго, какъ та природа, среди которой онъ живетъ. Я любилъ его всегда, еще съ дѣтства, но здѣсь я полюбилъ его еще больше. Нигдѣ я не видалъ среди крестьянъ такого значительнаго процента честныхъ, всегда трезвыхъ и глубоко симпатичныхъ людей, какъ здѣсь, въ новгородской глуши. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это прочный, долговѣчный и крѣпкій народъ.

Говорятъ здѣшніе крестьяне на о, стариннымъ говоромъ, тѣмъ говоромъ, который уцѣлѣлъ всюду, гдѣ русскій народъ сохранился въ наибольшей чистотѣ своей: хорошо, однако, хозяинъ, хозяйка, столопъ—вмѣсто столбъ. Здѣсь употребительны также старинныя грамматическія формы, которыя давно исчезли въ другихъ мѣстахъ: напр., здѣсь никогда не скажутъ: онъ ушелъ или онъ пришелъ, а всегда говорятъ: онъ ушодце, онъ пришодце. Въ говорѣ здѣшняго народа я замѣтилъ много

словъ, невѣдомыхъ въ другихъ мѣстахъ Россіи; иныя изъ нихъ явно имѣютъ глубокую, доисторическую древность. Такъ напр., здѣсь никогда никто не говоритъ: пахать землю, а говорятъ орать землю; слово же пахать имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ и значитъ—мести полъ. Орать—это самое слово, которое такъ обычно въ древнѣйшихъ русскихъ былинахъ.

Оретъ въ полѣ ратай понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омешки по камешкамъ почеркиваютъ...

Здѣсь, въ лѣсной и болотной глуши, народъ сохранилъ древнѣйшее слово для обозначенія древнѣйшаго своего труда—обработки земли.

Приведенныя мною слова былины показываютъ еще, что они были созданы именно здѣсь, въ Новгородской области. Эти слова необыкновенно ясно и картинно изображаютъ намъ современнаго новгородскаго пахаря. Идя за сохой, усталый и задумчивый, часто въ гору, по высокому холму, и поднимая тяжелую, всю усыпанную камнями землю, онъ дѣйствительно, то и дѣло понукиваетъ останавливающуюся отъ изнеможенія лошадку, причемъ соха его поскрипываетъ, а омеши безпрестанно задѣваютъ за камни.

Деревни здѣсь, обыкновенно, бываютъ маленькія, и въ каждой имѣется, гдѣ-нибудь поодаль, подъ сѣнью старинныхъ березъ и

елей, ветхая часовенька. Деревни стоятъ недалеко другъ отъ друга, и отъ одной въ другую извиваются узкими лентами проселочныя дороги, по большей части крайне неудобныя для ѣзды. Онѣ то покрыты камнями, торчащими изъ земли, и тогда напоминаютъ провинціальныя мостовыя, обладающія, какъ извѣстно, подбрасывающею силой, то идутъ болотомъ по гати, то переходятъ черезъ рѣчки по мостикамъ изъ круглыхъ, прыгающихъ палокъ, а не то просто въ бродъ. Иногда эти дороги бываютъ необыкновенно живописны, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ узкая, каменистая дорожка идетъ въ глухомъ лѣсу, обрамленная кустиками черники, или по краю озера, мелькающаго, какъ зеркало, между деревьями.

Избы въ деревняхъ часто производятъ пріятное впечатленіе, хотя не мало избушекъ на курьихъ ножкахъ. Вслѣдствіе того, что лѣсъ здѣсь сравнительно дешевле, чаще можно видѣть хорошо построенныя избы въ двѣ половины, крытыя лучиной или тесомъ. Внутри довольно чисто и просторно, хотя гигантская печь, сдѣланная не изъ кирпичей, а изъ глины, занимаетъ значительную часть помѣщенія. У многихъ крестьянъ имѣется гдѣ-нибудь на задахъ деревни, поближе къ озеру, своя баня, всегда черная, или курная, т.-е. безъ трубы, съ грудой дикихъ камней вмѣсто печи.

Благодаря близости Петербурга, всѣ здѣшніе крестьяне сѣютъ много овса на лядинахъ. Лядины дѣлаются вдали отъ деревни, въ лѣсу. Участокъ лѣса срубаютъ и валятъ деревья вершинками въ одну сторону. Мнѣ всегда было грустно при видѣ молодыхъ, полныхъ жизни березъ, недавно упавшихъ подъ топоромъ и еще не успѣвшихъ завянуть, еще шумѣвшихъ слегка отъ прикосновенія вѣтра. Стволы покрупнѣе увозятъ, а сучья и мелкія деревья сохнутъ здѣсь на мѣстѣ, и потомъ ихъ въ ясный день сжигаютъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ синій дымокъ, поднимающійся надъ лѣсомъ, составляетъ обычную черту новгородскаго ландшафта, и запахъ гари, запахъ курной бани долго стоитъ надъ лядиной. Обгорелые пни, камни, головни, угли и зола покрываютъ ее. Эту лядину пашутъ, боронуютъ и въ первый годъ сѣютъ на ней рожь, которая родится недурно на почвѣ, удобренной продолжительнымъ пребываніемъ на ней лѣса. На слѣдующіе годы лядина засѣвается только овсомъ, пока земля не истощится окончательно. Тогда ее бросаютъ, и она понемногу опять заростаетъ лѣсомъ. Но еще долго спустя, можно бываетъ замѣтить въ лѣсу бывшія лядины: онѣ, обыкновенно, покрыты верескомъ и другими тощими и сухими растеніями.

19.—Обитель св. Кирилла и ея окрестности.

Обитель Бѣлозерская лежитъ въ отдаленномъ краѣ Новгородской губерніи, прилегающемъ къ губерніи Вологодской, и гораздо ближе къ Вологдѣ, чѣмъ къ Новгороду; именно отъ Новгорода до нея 600 верстъ, отъ Вологды же только 120.

Монастырь окруженъ водою; стѣны его съ южной стороны высятся какъ бы прямо изъ водъ озера Сиверскаго, которое тянется верстъ на пять или на шесть, а въ ширину имѣетъ не болѣе версты. Посрединѣ этого озера, противъ монастыря—небольшой островокъ и на немъ деревянный крестъ, по преданію—водруженный преподобнымъ Кирилломъ. Невдалекѣ еще два озера—Бабье и Долгое. Между озерами вездѣ подымаются лѣсистые пригорки. Высоко надъ всей окрестностью красуется справа, за Сиверскимъ озеромъ, гора Маурина, или Маура.

Монастырь обнесенъ обширною стѣной. Шестнадцати-аршинныя стѣны имѣютъ сажени три толщины въ основаніи и построены въ три яруса. Въ нижнемъ прежде

находились кухни, амбары, разныя службы; а лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ тамъ еще хранилась казенная соль, во второмъ и третьемъ ярусахъ устроены просторные ходы (галлереи). Къ стѣнамъ примыкаютъ нѣсколько башенъ различной величины. Однѣхъ большихъ башенъ десять. Теперь всходить можно только на немногія изъ башенъ, такъ какъ внутри онѣ сильно пострадали отъ времени, а встарину—насколько можно судить по сохранившимся остаткамъ—всѣ онѣ снабжены были внутренними лѣстницами и заключали въ себѣ по нѣскольку помѣщеній. Въ этихъ башняхъ устоены были и тѣ страшные каменные мѣшки, въ которыхъ томились присылаемые въ монастырь преступники, опальные люди, а также плѣнные. «Мѣшокъ» представлялъ собою глубокое, узкое пространство, какъ бы колодецъ, въ который опускался узникъ.

Крѣпкія стѣны и грозныя башни вмѣстѣ имѣютъ вполнѣ видъ старинной крѣпости,—кремля. Древнѣйшіе изъ монастырей нашихъ, возникавшіе на окраинахъ, всѣ почти строились такимъ образомъ; и недаромъ: они нерѣдко подвергались нападенію враговъ земли Русской и служили ей оплотомъ.

Укрѣпленный такимъ образомъ монастырь Бѣлозерскій могъ дѣйствительно считаться первостепенною твердынею. Кромѣ царскихъ стрѣльцовъ, онъ вооружалъ при надобности и собственныхъ ратниковъ изъ приписанныхъ

къ нему 20,000 крестьянъ. Изъ грамотъ, хранящихся въ обители, видно, что въ смутный XVII вѣкъ обитель не разъ снабжала государство деньгами, хлѣбомъ и воинскими снарядами.

Вступивъ внутрь этого кремля черезъ главныя ворота, расположенныя подъ Казанской башней, по срединѣ сѣверной стѣны, увидите сначала обширный древній монастырскій дворъ, нынѣ обращенный въ поле и засѣянный хлѣбомъ. Только по сторонамъ этого двора еще уцѣлѣли слѣды стоявшихъ въ немъ нѣкогда келій.

Въ глубинѣ древняго двора, за посѣвами, виднѣется вторая, внутренняя стѣна, тоже снабженная башнями. Она составлена собственно изъ монастырскихъ зданій, бывшихъ келій, теперь большею частью запустѣвшихъ. Слѣва стѣна эта не прилегаетъ къ большой стѣнѣ, а упирается въ невысокую каменную ограду, за которой виднѣется одинокій холмъ, осѣненный вѣковыми соснами. На холмѣ двѣ церкви и двѣ часовни. Это совершенно отдѣльная часть обители, называемая «Ивановскимъ монастыремъ.»

Пройдя внутреннюю стѣну и «Ивановскій монастырь,» вступаешь въ самую обитель Бѣлозерскую. Входятъ въ нее Святыми воротами, расположенными подъ церковью во имя Іоанна Лѣствичника и Ѳеодора Стратилата. Поставлена эта церковь царемъ Іоанномъ

Грознымъ,—именами тѣхъ же святыхъ наречены были два его сына.

Ворота, расположенныя подъ этой церковью, украшены изображеніями событій изъ жизни угодника Божія Кирилла. За ними передъ богомольцемъ открываются храмы, колокольни, зданія монастыря, его сады, огороды, покосы и рѣчка. Но особенно привлекаетъ вниманіе древній, уже нѣсколько ушедшій въ землю, соборъ Успѣнія Богородицы, какъ бы сросшійся съ пятью другими церквами, соединенными подъ общей крышей съ нѣсколькими куполами.

Мощи преподобнаго покоятся въ среброкованной ракѣ, въ отдѣльной церкви, построенной во имя его и примыкающей къ собору съ южной стороны. Рака, какъ значится въ надписи на ней, сооружена въ царствованіе Михаила Өеодоровича усердіемъ боярина Өеодора Ивановича Шереметева, постригшагося въ обители Кирилловой подъ именемъ Өеодосія.

Между описаннымъ холоднымъ соборомъ Успенія и теплымъ Введенія стоитъ ветхій храмъ Архангела Гавріила, сооруженный великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ. Вмѣстѣ съ супругою своею Еленою, изъ рода Глинскихъ, ходилъ онъ на богомолье въ монастырь Кирилловъ, чтобы испросить себѣ сына, наслѣдника Русскому престолу, и

родился у него сынъ Іоаннъ, впослѣдствіи прозванный Грознымъ.

Теплый соборъ Введенія, устоенный изъ древней трапезы, къ сожалѣнію, передѣланъ на новый ладъ и утратилъ священное благолѣпіе старины.

Изъ двухъ остальныхъ церквей, связанныхъ съ соборомъ Успенія, одна сооружена была надъ родовою усыпальницею князей Воротынскихъ, другая надъ гробницами князей Телятевскихъ.

Кромѣ Воротынскихъ и Телятевскихъ много вкладовъ дѣлали въ обитель еще бояре Шереметевы. Два знаменитыхъ представителя этого рода проходили въ ней иноческое житіе.

Еще объ одномъ знаменитомъ человѣкѣ напоминаетъ мостатырь Кирилловъ—о великомъ патріархѣ Никонѣ.

Въ юго-восточномъ углу обители стоитъ небольшая церковь во имя св. Евѳимія Великаго, построенная въ 1653 году при тогдашнихъ больничныхъ келіяхъ. Церковь эта теперь упразднена. Съ боку къ ней пристроено маленькое помѣщеніе, которое въ настоящее время обращено въ кладовую. Это помѣщеніе нѣкогда служило молитвенною храминою Никона. Церковь св. Евѳимія была ближайшею къ его келіи и онъ слушалъ въ ней службы, стоя въ прилегающей къ ней храминѣ отдѣльно отъ другихъ.

Теперь монастырь находится въ очевидномъ упадкѣ, представляя собою только остатки прежняго величія. А въ прежнее время монастырь былъ не только святыней и крѣпостью: въ немъ процвѣтали еще промыслы и мастерства разнаго рода.

Изъ остатковъ старины въ обители отмѣтимъ, кромѣ храмовъ, еще ризницу. Въ ней много драгоцѣнныхъ облаченій, церковной утвари,—все это доброхотныя пожертвованія благочестивыхъ царей и князей Русскихъ и боголюбивыхъ мірянъ.

Бѣлоозеро находится верстахъ въ 30—40 отъ обители Кирилловой.

На пути отъ города Кириллова къ Бѣлозеру попадается не мало интереснаго.

Мы уже упоминали о горѣ Маурѣ, или Мауриной, отдѣляющей озеро Сиверское отъ долины рѣки Шексны.

Взойдя на нее, путникъ можетъ насладиться обширнымъ и прекраснымъ видомъ на окрестную даль: съ одной стороны Горицкій женскій монастырь и долина полноводной Шексны, прихотливо извивающейся среди лѣсовъ и луговъ; съ другой—монастырь Кирилловъ съ блестящими куполами его 11-ти церквей, съ могучимъ бѣлокаменнымъ кремлемъ, подымающимся изъ водъ озера Сиверскаго, которое, не смотря на свою пятиверстную длину, теряется среди безчисленныхъ озеръ, разбросанныхъ и вправо и влѣво отъ него,

соединенныхъ лентами каналовъ и рѣкъ. Всѣ эти воды сверкаютъ зеркальной поверхностью въ зелени лѣсистыхъ холмовъ, среди луговъ, среди полосъ ржи и прибрежныхъ песковъ.

Обогнувъ Мауру сначала вдоль озера Сиверскаго, а затѣмъ лѣсистыми пригорками, путешественникъ въ семи верстахъ отъ обители Кирилловой, на берегу Шексны, вступаетъ въ обитель Горицкую, или Горицы. Женскій монастырь этотъ во имя Воскресенія Христова тоже принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ монастырей русскихъ по множеству связанныхъ съ нимъ историческихъ воспоминаній.

Основанъ Горицкій Воскресенскій монастырь въ 1544 году теткою Іоанна Грознаго, княгинею Евфросиніей, супругою князя Андрея Ивановича Старицкаго, къ землямъ котораго тогда принадлежалъ весь край Бѣлозерскій. Долго жила въ Горицахъ въ заточеніи и вдова Іоанна Грознаго, Марія, мать убіеннаго въ Угличѣ царевича Дмитрія, по смерти сына постриженная въ монашество подъ именемъ Маѳы. Когда Годуновъ воздвигъ гоненіе на родъ Романовыхъ, въ Горицахъ долгое время поневолѣ жилъ съ теткой своей, княгиней Черкасскою, и юный Михаилъ Романовъ, впослѣдствіи царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Въ Горицы же сослана была Лжедимитріемъ красавица Ксенія, дочь Годунова.

Къ сожалѣнію, всѣ церкви Горицкой оби-

тели передѣланы въ новомъ вкусѣ, и о великомъ ея прошломъ едва напоминаютъ часовня княгинь Евфросиніи и Іуліаніи, да нѣсколько древнихъ иконъ.

Если отъ Кириллова монастыря ѣхать на Бѣлозерскъ (40 верстъ), то башни Кириллова монастыря пропадаютъ изъ глазъ только на 11-й верстѣ; а затѣмъ вскорѣ, по выѣздѣ изъ небольшого села, издали съ пригорка уже открывается Бѣлоозеро. Глинистое дно и малая глубина—нигдѣ не превышающая трехъ саженъ — придаютъ озеру бурый цвѣтъ; оно почти непрерывно волнуется и названіемъ вѣроятно обязано бѣлой пѣнѣ своихъ волнъ.

Версты за двѣ до Бѣлозерска привлекаетъ вниманіе довольно высокій курганъ, покрытый рѣдкими елями и мѣстами разрытый. По народному преданію, это—могила Синеуса, одного изъ трехъ витязей варяжскихъ, призванныхъ на княженіе въ 862 году Славянами и положившихъ начало государству Русскому.

Бѣлозерскъ расположенъ между каналомъ и озеромъ и, благодаря каналу, очень оживленъ въ судоходное время. Въ немъ, однако, ничего особенно замѣчательнаго нѣтъ; можно развѣ упомянуть о четвероугольномъ земляномъ валѣ, сажени въ $3^1/_2$—4 вышиною, который находится въ западной части города. Этотъ валъ — любимое мѣсто прогулокъ для горожанъ. Дѣйствительно, видъ съ него на Бѣлоозеро очарователенъ.

На своемъ настоящемъ мѣстѣ Бѣлозерскъ существуетъ, впрочемъ, только съ 1352 года; раньше онъ стоялъ на другомъ мѣстѣ, верстъ за семнадцать, и стоялъ онъ тамъ давно: тамъ—какъ мы сейчасъ вспоминали—водворился Синеусъ; тамъ среди населенія, еще погруженнаго во мракъ язычества, при великомъ князѣ Ярославѣ I Мудромъ, сынѣ Владиміра Святаго, просвѣтителя Руси, построена была деревянная церковь во имя св. Василія Неокесарійскаго.

На новое мѣсто Бѣлозерскъ переведенъ былъ послѣ сильной моровой язвы, которую народъ называлъ «черной смертью». Въ древнемъ Бѣлозерскѣ отъ нея вымерло все населеніе, не осталось въ живыхъ ни одного человѣка.

Мѣсто стараго города еще до сихъ поръ обозначается небольшими буграми. Между ними на мѣстѣ прежней церкви св. Василія, на лѣвомъ берегу Васильевскаго ручья, поставлена часовня во имяВаситія Блаженнаго; въ ней остатки кирпичной гробницы какого-то князя. *(Изъ кн. „Кирилло-Бѣлозерскій монастырь“, изд. Пост. комм. нар. чт.).*

20.—На Финскомъ взморьѣ.

А. Бахтіаровъ.

Какъ извѣстно, Петръ Великій воевалъ со шведами двадцать одинъ годъ, чтобы приблизить Россію къ берегамъ Финскаго залива.

Вообще говоря, русскій человѣкъ рѣдко видитъ море. Коренной подмосковный крестьянинъ знаетъ о морѣ только по наслышкѣ: онъ искони привязанъ къ твердой землѣ. Зато если русскій человѣкъ поселяется около моря, онъ начинаетъ любить его не менѣе приморскихъ жителей.

Жители нашей сѣверной столицы невольно тяготѣютъ къ морю. Лучшія пригородныя дачныя мѣстности подъ Петербургомъ раскинуты по берегу Финскаго залива: Ораніенбаумъ, Петергофъ, Стрѣльна, Сестрорѣцкъ, Терріоки и т. д.

Берега Финскаго залива чрезвычайно отлоги и песчаны. Нерѣдко надо пройти съ полверсты по водѣ, чтобы можно было выкупаться. Весь берегъ усѣянъ булыжникомъ разной величины. Тамъ и сямъ лежатъ огромные камни

гранита, на половину погружаясь въ воду; чѣмъ дальше отъ берега, эти камни все больше и больше уходятъ въ воду, пока, наконецъ, совсѣмъ не скроются подъ нею. Булыжникъ съ Финскаго взморья идетъ въ Петербургъ— для мощенія улицъ, а песокъ на разныя строительныя работы. На берегу—масса сухого тростника, прибитаго волнами.

Вдали отъ берега идутъ песчаныя дюны, покрытыя соснами и можжевельникомъ. Песокъ—бѣлый, чистый, у берега—крупнозернистый, а подальше—мелкій, точно пыль. Сплошь и рядомъ эти дюны, напримѣръ, около Сестрорѣцка, бываютъ обнажены, лишены всякой растительности, и вѣтеръ несетъ съ нихъ песокъ далѣе—въ глубь материка, засыпая на своемъ пути все, что̀ попадаетъ—болото, пашню, лѣсъ и т. п.

«Берегъ лѣзетъ вверхъ»,—говорятъ финны. Во время бурной погоды, со дна моря подымается песокъ, волны выбрасываютъ его на берегъ; когда песокъ высохнетъ, вѣтеръ, въ свою очередь, уноситъ его далѣе, на сушу. Такъ мало-по-малу образуются песчаныя дюны на Финскомъ побережьѣ. Нерѣдко высокія прибережныя сосны бываютъ наполовину занесены пескомъ.

Когда вѣтеръ дуетъ съ сѣвера, на морѣ— штиль, вода отходитъ отъ берега и становится холодною, соленою; напротивъ, при южныхъ и западныхъ вѣтрахъ—море шумитъ,

подымаются волны и набѣгаютъ на берегъ; вода становится прѣсною, потому-что много ея набѣгаетъ изъ устья Невы.

Во время убыли воды, обнажается масса прибережныхъ камней, которые при закатѣ солнца имѣютъ весьма живописный видъ, отражаясь въ зеркальной поверхности воды. По вечерамъ, въ тихую погоду, тамъ и сямъ на поверхности воды появляются блестящія точки: это—«рыба играетъ», какъ говорятъ рыбаки. Плотва, окуни, щука, корюшка, ряпушка, салака на мгновеніе выскакиваютъ изъ воды и блестятъ своею серебристою чешуею. Этихъ блестящихъ точекъ такъ много, сверкаютъ онѣ такъ часто, что вы невольно думаете, сколько же рыбы въ морѣ!....

Живописенъ Финскій заливъ въ тихую погоду, представляя собою прекрасныя картины сѣверной природы.

Масса гранита, разбросаннаго по берегу въ хаотическомъ безпорядкѣ, переноситъ выше воображеніе ко временамъ давно минувшимъ.

Но не менѣе великолѣпенъ Финскій заливъ во время бури, когда подуютъ западные вѣтры. Далеко вокругъ разносится величественный шумъ моря, подавляя и заглушая собою всѣ прочіе звуки въ окрестности. Шелестъ листьевъ и шумъ сосноваго лѣса, кажется, безмолвствуютъ передъ разгулявшеюся стихіею.

На темномъ фонѣ моря волны быстро бѣгутъ одна за другою, разбрасывая позади себя

бѣлоснѣжныя гривы. Добѣжавъ до берега, онѣ ударяются о камни, разлетаясь на тысячи брызгъ.

Осень—на Финскомъ заливѣ считается временемъ бурь и непогодъ. По цѣлымъ днямъ, по цѣлымъ недѣлямъ шумитъ море, своимъ шумомъ напоминая вамъ о Томъ, Кто создалъ и море, и землю.....

Ваша душа невольно настраивается возвышенно.....

— «Какая страшная сила!... Какой грандіозный шумъ»!—думаете вы.

Морской шумъ слышенъ верстъ на десять отъ берега.

Кто живетъ около моря, тотъ весь бываетъ охваченъ этимъ шумомъ. Ходите-ли вы по берегу, сидите ли дома, море шумитъ, проснетесь ли вы ночью, море по прежнему шумитъ.

Съ наступленіемъ осеннихъ ненастій на Финскомъ заливѣ не проходитъ дня, чтобы не получались извѣстія о гибели судовъ, объ утонувшихъ рыбакахъ, пускающихся въ море, не смотря на бурную погоду. Особенно гибнутъ рыбаки.

По Финляндской статистикѣ, ежегодно Финскій заливъ поглощаетъ до 300 человѣческихъ жертвъ. Въ октябрѣ 1895 г. въ одну недѣлю погибло 60 человѣкъ рыбаковъ.

Невольно припоминаются при этомъ слова поэта:

«Нелюдимо наше море!
«День и ночь шумитъ оно,
«Въ роковомъ его просторѣ
«Много жертвъ погребено»!...

Среди этихъ жертвъ находится и знаменитая «Русалка», погибшая въ волнахъ Финскаго залива, съ нѣсколькими стами отважныхъ моряковъ. О нихъ ни слуху, ни духу, и ужъ, дѣйствительно, по пословицѣ—«въ воду канули».

Продолжительный западный вѣтеръ всегда производитъ наводненіе по Финскому побережью и даже въ Петербургѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательно то, которое было ночью, съ 1 на 2 ноября 1895 г.,—по своей силѣ и высотѣ воды, третье въ этомъ столѣтіи. По словамъ очевидцевъ, въ этотъ день вѣтеръ дулъ съ такою силою, что на берегу нельзя было стоять, не подвергаясь опасности. Вѣтеръ съ корнемъ выворачивалъ прибрежныя вѣковыя деревья и опрокидывалъ ихъ на землю, параллельно другъ другу. Вода быстро подымалась выше и выше, вылилась изъ береговъ, и хлынула на сушу. Въ Петербургѣ это наводненіе разразилось катастрофою: пострадала приморская окраина столицы, извѣстная подъ именемъ Галерной гавани, такъ что понадобилась помощь общественной благотворительности.

Слѣды навонненія на Финскомъ берегу мнѣ пришлось видѣть. Точно ножницами,

море отрѣзало часть суши, гдѣ на сажень въ глубь материка, гдѣ на двѣ и т. д., такъ что образовался отвѣсный обрывъ. На пространствѣ какой-нибудь полуверсты я насчиталъ болѣе двадцати огромныхъ сосенъ, поваленныхъ на берегъ. Море подмыло корни, а вѣтеръ довершилъ остальное. Кое-гдѣ на сушѣ обнажились колоссальные камни, скрывавшіеся ранѣе въ землѣ, а теперь въ ростъ человѣка, размытые водою. Трудно представить себѣ ту разрушительную силу, которая работала на Финскомъ взморьѣ въ эту памятную ночь.

По обыкновенію, финны въ эту ночь не смыкали глазъ. Какъ только бываетъ наводненіе, они выходятъ на берегъ, разводятъ костры и всю ночь проводятъ на берегу, ожидая разсвѣта. Лишь только вода пойдетъ на убыль, ни свѣтъ, ни заря, они разсыпаются по всему берегу, отыскивая для себя добычу— «дары моря».

Произошло-ли гдѣ-нибудь кораблекрушеніе, обломки судна волны выбрасываютъ на берегъ; разломало-ли барку съ дровами, дрова прибиваетъ вѣтромъ къ берегу; кромѣ того, водою приноситъ бревна, доски, щепы и даже иногда, Богъ вѣсть откуда,—могильные кресты. Мой хозяинъ, у котораго я жилъ на дачѣ, наловилъ въ эту ночь два воза могильныхъ деревянныхъ крестовъ, которые онъ распилилъ на дрова. Два изъ нихъ, наиболѣе

ему понравившіеся, онъ оставилъ у себя и поставилъ въ сарай—на всякій случай.....

После наводненія многія бедныя женщины. финки, съ мешками за плечами ходятъ по берегу, отыскивая для себя даровое топливо.

Не смотря на близость моря, на Финскомъ побережье, вследствіе песчаной почвы, почти никогда по вечерамъ не бываетъ тумановъ. Въ летніе жары, въ полдень, песокъ такъ сильно нагревается, что босикомъ больно ходить. Вечеромъ песокъ постепенно охлаждается, освобождая массу теплоты. Воздухъ наполненъ смолистымъ запахомъ сосны и можжевельника.

Даже сама финская сосна отличается отъ всехъ сосенъ въ міре; она въ большинстве случаевъ — кривая, разныхъ причудливыхъ формъ, не высока, и если стоитъ при море, то отъ постоянныхъ западныхъ ветровъ наклонена въ сторону.

Финки собираютъ ягоды съ можжевельника и варятъ изъ нихъ «пиво».

Какъ известно, въ мае и іюне месяце въ Финляндіи почти совсемъ не бываетъ ночей, вместо нихъ стоятъ прозрачныя сумерки.

«И не пуская тьму ночную
«На золотыя небеса,
«Одна заря сменить другую
«Спешитъ, давъ ночи полчаса».

Въ тихую погоду, во время «белыхъ ночей» море спитъ, не шелохнется, отражая

въ себѣ сперва ярко-красный у горизонта, потомъ оранжевый, блѣдно-зеленый и, наконецъ, свѣтло-синій небосклонъ. Ночью, когда все утихнетъ, выступаетъ комариная сила.... Чу! Что это такое! Слышите? Кто-то въ дудку гудитъ! Нѣтъ!.... Это комары *жужжатъ*— около моря. Подойдите сюда! Нагнитесь къ водѣ, видите ли, какъ надъ водою, чуть не задѣвая поверхность крыльями, рѣютъ миріады комаровъ, кружась вихремъ вверхъ, въ сторону, впередъ, назадъ.... Сколько ихъ погибаетъ здѣсь, усѣевая собою берегъ моря. Кромѣ комаровъ, погибаетъ множество бѣлыхъ ночныхъ бабочекъ, съ распростертыми крыльями лежащихъ на мокромъ пескѣ. Вы невольно жалѣете ихъ. Бѣдныя, зачѣмъ вы летѣли сюда, или васъ вѣтромъ занесло? Вѣдь здѣсь нѣтъ цвѣтовъ! Здѣсь—царство воды, камня и песку!...

Комары, бабочки и прочія насѣкомыя привлекаютъ на взморье перелетныхъ птицъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ—самый разгаръ перелета. Если небо безоблачно, то можно наблюдать перелетъ птицъ. Бываютъ дни, когда ежеминутно вы слышите, какъ журавли, утки, лебеди и прочія перелетныя птицы перекликаются подъ небесами.

Журавли летятъ высоко, утки—ниже. Одни летятъ угломъ, другіе—длинной вереницей, наконецъ, третьи просто въ рядъ, шеренгой, точно солдаты.

Перелетѣвъ Финскій заливъ, однѣ птицы

спускаются на берегъ, на сушу, другія летятъ далѣе, въ глубь Финляндіи,—вплоть до Сѣвернаго океана.

Весна въ природѣ чувствуется всюду: и на землѣ, и «въ водахъ подъ землею».

Съ наступленіемъ весны, и рыба въ морѣ плыветъ ближе къ берегу.....

Хорошо жить на берегу моря!...

Если у васъ есть возможность, то поѣзжайте на берегъ моря! Тамъ привольно. Тамъ безконечный просторъ изощритъ ваше зрѣніе; тамъ чистѣйшій влажно-соленый воздухъ *вдохнетъ здоровье* въ вашу грудь; тамъ величіе картинъ вселитъ любовь къ природѣ!...

Къ морю! Къ морю!...

21.—С.-Петербургъ.

Уже много сотенъ лѣтъ тому назадъ на мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Петербургъ, т. е. при впаденіи рѣки Невы въ Финскій заливъ Балтійскаго моря, жили русскіе люди.

Вся эта мѣстность принадлежала Великому Новгороду, и въ ней, рядомъ съ деревнями природныхъ жителей Ижорской земли (такъ назывались тогда окрестности нынѣшняго Петербурга)—финовъ или чухонцевъ, существовали и русскіе поселки. Русскіе купцы спускались изъ Ладожскаго озера по Невѣ до моря и оттуда уже плыли продавать свои товары въ разныя европейскія государства.

Вслѣдствіе того, что Ижорская земля была расположена около моря, къ ея берегамъ часто приплывали корабли изъ лежащей на другомъ берегу Балтійскаго моря—Швеціи. Шведы завели сношенія съ русскими и имъ очень хотѣлось оттѣснить нашихъ предковъ отъ береговъ моря, чтобы всѣ товары шли черезъ шведскія руки.

Въ трудное для Россіи время, въ началѣ XVII вѣка, шведамъ удалось укрѣпиться на

берегахъ Финскаго залива и они около ста лѣтъ владѣли этой мѣстностью, пока Императоръ Петръ Великій не отнялъ у нихъ исконную русскую землю.

Тогда на мѣстѣ Петербурга (около нынѣшней Охты) стояла шведская крѣпость Ніеншанцъ, которую и осадилъ Петръ. Шведы храбро защищались, но русскіе, одушевленные присутствіемъ и примѣромъ самого царя, послѣ недолгой осады принудили ихъ сдаться.

Желая укрѣпиться на вновь завоеванной землѣ, Петръ Великій рѣшилъ основать на берегу Невы городъ съ крѣпостью, который и былъ заложенъ 16 мая 1703 года, получивъ названіе Санктъ-Петергургъ, т. е. городъ св. Петра.

Сначала Петръ Великій не предполагалъ сдѣлать Петербургъ своей столицей, но когда Полтавская побѣда показала, что ему уже нечего больше бояться Шведовъ, то онъ дѣятельно занялся постройкой новаго города. Такъ какъ мѣстность, гдѣ построенъ Петербургъ, очень болотиста, то при постройкѣ рабочіе часто заболѣвали и умирали, а по этому долго никто не хотѣлъ ѣхать селиться въ новый городъ. Для того, чтобы скорѣе заселить новую столицу, Петръ Великій запретилъ производить гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ каменныя постройки и обязалъ всѣхъ вельможъ, дворянъ и купцовъ строить себѣ дома въ Петербургѣ, смотря по состоянію

каждаго. Черезъ нѣкоторое время, когда Петербургъ уже немного обстроился, это повелѣніе было царемъ отмѣнено.

Первые дома были построены возлѣ крѣпости, на правомъ берегу Невы, въ мѣстности, называемой теперь Петербургской стороной; самъ державный основатель Петербурга прежде всего выстроилъ себѣ маленькій домикъ; этотъ домикъ существуетъ и до настоящаго времени.

Лѣвый берегъ Невы, гдѣ расположена теперь бóльшая часть Петербурга, началъ заселяться уже позже.

Петръ Великій, ясно понималъ, что для того, чтобы выдвинуть Россію и развить ея могущество, нужно завязать болѣе тѣсныя отношенія съ иностранными государствами, дать русскимъ возможность увидать то, что есть у иноземцевъ полезнаго и хорошаго и развить, для увеличенія богатства страны, русскую торговлю и промышленность. Для этого же Петру нужно было имѣть то, къ чему стремились его предшественники, чего добивался еще Іоаннъ Грозный,—ему нужно было море, омывающее русскіе берега, нужны гавани и города на этомъ морѣ.

Добившись, послѣ долгихъ усилій, этого желаннаго моря, Петръ Великій прилагалъ всѣ старанія, чтобы закрѣпить его за собою. Лучше же всего можно было укрѣпить за Россіей вновь завоеванные берега Финскаго

залива, заселивъ его русскими людьми и оттого-то великій Императоръ до самой своей кончины неусыпно слѣдилъ за постройками, увеличеніемъ и украшеніемъ Петербурга, названнаго имъ «окномъ», прорубленнымъ изъ Россіи въ Европу.

Послѣ смерти Петра Великаго о Петербургѣ стали меньше заботиться и онъ росъ очень медленно. При Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ новая столица опять начала расти и украшаться, но въ особенности увеличился и украсился Петербургъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

Государыня очень любила Петровскую столицу, постоянно тамъ жила и много о ней заботилась. Число жителей въ столицѣ достигло 250,000 человѣкъ. Екатеринѣ II городъ обязанъ многими украшеніями; при ней начали устраивать гранитныя набережныя какъ на Невѣ, такъ и на каналахъ и рѣчкахъ, и было построено много красивыхъ зданій, существующихъ, по большей части, и въ наше время.

Съ царствованія Екатерины Петербургъ непрерывно увеличивался и богатѣлъ и теперь считается однимъ изъ лучшихъ городовъ Европы.

Въ настоящее время Петербургъ вмѣстѣ со своими пригородами занимаетъ пространство въ 258 квадратныхъ верстъ (около 25,000 десятинъ), и въ немъ числится около милліона

300 т. жителей. Петербургъ считается первымъ городомъ въ Россіи не только по числу жителей, но и по своему значенію. Въ немъ живетъ Государь и Царская фамилія и находятся всѣ главныя правительственныя учрежденія — Государственный Совѣтъ, Сенатъ, Сvнодъ, министерства.

Весь городъ изрѣзанъ линіями конно-желѣзныхъ дорогъ, въ вагонахъ которыхъ за нѣсколько копѣекъ можно проѣхать почти отъ одного конца города до другого. Торговля его также имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ, благодаря расположенію на берегу моря, изъ Петербурга легко сноситься съ иностранными государствами и въ Петербургскій портъ ежегодно приходитъ значительное (около 1500) число иностранныхъ кораблей, привозящихъ къ намъ свои товары и берущихъ въ обмѣнъ наши русскіе, главнымъ образомъ хлѣбъ, сало, кожи, лѣсъ и такъ далѣе.

Часть финскаго залива между Кронштадтомъ и Петербургомъ довольно мелка и для того, чтобы большіе морскіе корабли могли прямо подходить къ самому Петербургу, въ восьмидесятыхъ годахъ былъ устроенъ такъ называемый Морской каналъ. Этотъ каналъ начинается у устья Невы и идетъ по заливу на разстояніи 26 верстъ. Ширина канала отъ 17 до 50 саженей, а глубина — 22 фута. Около Петербурга по сторонамъ канала сдѣланы дамбы или искуственные берега, со-

оруженіе которыхъ было сопряжено съ большими трудностями, и для этого понадобилось вбить въ дно залива до 10,000 бревенъ (свай). У начала канала находится Морской Портъ, гдѣ можетъ помѣститься сразу до 40 большихъ кораблей. Въ самомъ Петербургѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ находится множество фабрикъ и заводовъ—машиностроительныхъ, стеклянныхъ, сахарныхъ, бумагопрядильныхъ и многихъ другихъ.

Прежде находили, что въ Петербургѣ мало русскаго и называли его иностраннымъ городомъ, но теперь Петербургъ совершенно русскій городъ, хотя въ немъ немало инородческаго населенія и онъ попрежнему носитъ иностранное имя.

Есть много людей, которымъ Петербургъ не нравится своими прямыми, какъ стрѣлы, улицами, громадными каменными домами, почти совершеннымъ отсутствіемъ зелени, своимъ по большей части пасмурнымъ небомъ и холодомъ, которымъ, какъ говорятъ, отъ него дышетъ. Но какъ красивъ, какъ привлекателенъ покажется каждому Петербургъ въ хорошіе весенніе дни, когда его великолѣпныя улицы полны экипажей и пешеходовъ, съ чудной Невой, несущей на своихъ синихъ волнахъ многочисленные пароходы мимо роскошныхъ дворцовъ, построенныхъ на ея берегахъ, одѣтыхъ въ каменную одежду—набережную! Нева составляетъ главную

прелесть Петербурга и во всей Европѣ нѣтъ столицы, которая была бы расположена на такой красивой и многоводной рѣкѣ. Она красива во всякое время года—и лѣтомъ, и зимой, скованная сверкающими на солнцѣ какъ алмазы льдинами, и весной, когда эти льдины трескаются съ похожимъ на пушечные выстрѣлы грохотомъ и стремительно, разрушая все на пути своемъ несутся въ море.

Петербургъ расположенъ по обоимъ берегамъ Невы, соединеннымъ четырьмя мостами. Когда на Невѣ нѣтъ льда, то по ней ходятъ маленькіе пароходики. Такіе же пароходики ходятъ по рукавамъ Невы—рѣкѣ Фонтанкѣ и Екатерининскому каналу. Кромѣ пароходовъ Неву можно переѣхать и на яликѣ, когда же Нева покрывается льдомъ, то по этому льду расчищаютъ дороги для экипажей и строятъ мостки для пѣшеходовъ. Въ послѣдніе годы зимой на Невѣ устраивается электрическая дорога, маленькіе вагончики которой съ замѣчательной быстротой бѣгаютъ съ одного берега на другой.

При небольшой, сравнительно, длинѣ (отъ истока до устья въ ней всего 63 версты). Нева отличается шириной и глубиной. Ширина ея доходитъ до 300 саженей, а глубина такова, что приходящія съ моря суда свободно подходятъ къ берегамъ ея для нагрузки и выгрузки товаровъ. Близъ впаденія своего въ море, Нева дѣлится на нѣсколько рукавовъ

и протоковъ; главнѣйшіе между ними слѣдующіе: Малая Нева, Большая, Малая и Средняя Невка, Фонтанка, Мойка и другіе.

Кромѣ того въ Петербургѣ прорыто много каналовъ, между которыми первое мѣсто по величинѣ занимаютъ Обводной и Екатерининскій. Всего въ Петербургѣ 15 каналовъ разныхъ величинъ и 22 рѣчки и протока. Такимъ образомъ весь Петербургъ состоитъ какъ бы изъ многихъ большихъ и маленькихъ острововъ, соединенныхъ между собою 150 мостами.

Благодаря своему низменному расположенію и близости къ морю, Петербургъ очень страдаетъ отъ наводненій, приносящихъ почти ежегодно большіе убытки. Для обезпеченія города отъ наводненій нѣсколько разъ предпринимали рытье каналовъ и другія мѣры для отведенія водъ, но всѣ эти работы не вполнѣ достигли цѣли и при сильномъ вѣтрѣ, дующемъ съ моря, воды Невы выступаютъ изъ береговъ и покрываютъ болѣе или менѣе значительную часть города. Со времени основанія Петербурга было свыше тридцати большихъ наводненій, а незадолго до постройки его было такое сильное наводненіе, что все пространство, занимаемое нынѣ городомъ, находилось подъ водою. Въ 1706 году Петръ Великій писалъ, что во время наводненія вода покрывала у него во дворцѣ весь полъ. Самое большое наводненіе было

въ 1824 году, когда большая часть города находилось подъ водою и утонуло очень много народа, а всякаго имущества и товаровъ погибло на нѣсколько милліоновъ рублей. Наводненія случаются, по большей части, во второй половинѣ осени и Петербуржцы извѣщаются о нихъ пушечными выстрѣлами изъ Галерной Гавани и съ крѣпости, которые учащаются по мѣрѣ того какъ прибываетъ вода; на зданіи Адмиралтейства кромѣ того вывѣшиваются флаги, ночью фонари.

Мостовъ въ Петербургѣ, какъ мы уже сказали, около 150. Изъ четырехъ мостовъ черезъ Неву два каменныхъ, постоянныхъ и два деревянныхъ, снимающихся во время ледохода, чтобы ихъ не попортило громадными глыбами льда, несущимися по Невѣ.

Дворцовый мостъ соединяетъ лѣвый берегъ Невы съ Васильевскимъ островомъ. На Васильевскій же островъ ведетъ великолѣпный гранитный Николаевскій мостъ, названный такъ въ честь императора Николая I, при которомъ онъ былъ построенъ.

Другой каменный мостъ—Александровскій или Литейный, построенный при Александрѣ II, ведетъ на Выборгскую сторону. Четвертый мостъ черезъ Неву—Петербургскій, болѣе извѣстный подъ стариннымъ его названіемъ Троицкаго, соединяетъ съ главною частью города Петербургскую сторону и построенъ

въ самомъ широкомъ мѣстѣ Невы, имѣющей здѣсь 305 саженей ширины.

Кромѣ островов Васильевскаго и Петербургскаго (Петербургская сторона) остальные острова носятъ уже характеръ загородной мѣстности и зимою на нихъ живутъ немногіе; за то лѣтомъ эти острова (Аптекарскій, Петровскій, Каменный, Крестовскій и Елагинъ) оживляются и наполняются петербуржцами, переѣзжающими въ построенныя здѣсь въ огромномъ количествѣ лѣтніе домики—дачи, чтобы вмѣсто душнаго Петербурга подышать чистымъ воздухомъ и пожить среди садовъ и парковъ, покрывающихъ эту мѣстность.

Весной, по вечерамъ, на острова отправляется въ экипажахъ, лодкахъ и на пароходахъ значительная часть Петербургскаго общества, причемъ больше всего народа бываетъ на Елагиномъ островѣ, на такъ называемой Стрѣлкѣ (оконечность острова, вдающаяся въ Финскій заливъ), гдѣ любуются, какъ солнце закатывается за море.

Самый городъ дѣлится на двѣнадцать частей (изъ нихъ три лежатъ на правомъ берегу Невы, а девять на лѣвомъ). Стариннѣйшія его части—Петербургская и Васильевская, изъ которыхъ впослѣдствіи разрослась громаднѣйшая столица и гдѣ сохранилось больше всего слѣдовъ Великаго Основателя Петербурга.

Петербургская часть, или сторона, какъ ее обыкновенно называютъ, расположена на правомъ берегу Невы и омывается Большой и Малой Невой и Большой Невкой—это зерно, изъ котораго выросъ Петербургъ, теперь представляетъ одну изъ болѣе бѣдныхъ частей города. Но все же пріѣзжающій въ Петербургъ непремѣнно отправится въ эту отдаленную отъ центра города мѣстность, чтобы осмотрѣть ея достопримѣчательности—Петропавловскую крѣпость и соборъ, Троицкій соборъ, домикъ Петра Великаго, съ которыми для каждаго русскаго связано столько воспоминаній.

Петропавловская крѣпость теперь, конечно, потеряла всякое военное значеніе, такъ какъ она сохраняется въ томъ же видѣ, въ какомъ была полтораста лѣтъ тому назадъ, современныя же крѣпости строятся совершенно иначе, а главное—Петербургъ вообще не нуждается въ крѣпости.

Петропавловскій соборъ былъ заложенъ Петромъ Великимъ въ день рожденія 30 мая 1714 года; куполъ этого собора имѣетъ видъ иглы, на верху которой находится яблоко или шаръ, служащій подножіемъ для ангела, держащаго въ своихъ рукахъ крестъ. Этотъ куполъ самый высокій во всей Россіи (53 сажени) и виденъ очень далеко.

Петропавловскій соборъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ немъ погребаются русскіе импе-

раторы и лица императорской фамилiи;—почему его и называютъ «Царской усыпальницей». Всего въ немъ похоронено 15 императоровъ и императрицъ и 22 особы Императорской фамилiи.

Недалеко отъ собора стоитъ зданiе Монетнаго Двора, гдѣ чеканятъ монету.

Вблизи крѣпости стоитъ древнѣйшая въ Петербургѣ церковь — соборъ во имя Животорящей Троицы, построенный Петромъ въ 1703 году въ память основанiя города.

Около Троицкаго собора стоитъ на берегу Невы знаменитый домикъ Петра Великаго. Въ одной изъ комнатъ, служившей царю столовой и спальней, Императоромъ Николаемъ Павловичемъ была устроена часовня, гдѣ главную святыню составляетъ чудотворный образъ Спасителя, бывшiй постояннымъ спутникомъ Петра Великаго во всѣхъ его походахъ и по имени котораго получила названiе и сама часовня. Передъ этой иконой постоянно служатся молебны и къ ней ежедневно стекается нѣсколько сотъ богомольцевъ. Въ другой комнатѣ, служившей Петру рабочей, сохранилось нѣсколько вещей, сдѣланныхъ самимъ царемъ (два распятiя, стулъ и рюмки). Около домика стоитъ лодка съ веслами и парусомъ, тоже собственноручно сдѣланная Петромъ Великимъ.

Рядомъ съ Петербургской стороной, соединяясь съ нею Мытнымъ и Тучковымъ мо

стами, находится Васильевскій островъ, имѣющій уже совершенно другой видъ. Весь островъ перерѣзанъ длинными, совершенно прямыми улицами, стороны которыхъ носятъ названіе линій.

На берегу Невы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ нея отдѣляется Малая Нева, стоитъ красивое зданіе Биржи, передъ которой находятся двѣ высокія каменныя колонны—маяки. Кругомъ ихъ разведенъ садъ. Съ этого мѣста открывается замѣчательно красивый видъ на Петербургъ.

Слѣва видна крѣпость съ высокоподнимающеюся въ воздухъ золотою иглой Петропавловскаго собора, а за нею деревья Александровскаго парка; справа, на лѣвомъ берегу Невы, вдоль ея чудной гранитной набережной, расположенъ рядъ великолѣпныхъ домовъ и дворцовъ, за которыми поднимается, блестя своей позолотой, величественный куполъ Исаакіевскаго собора. (*Изъ кн. „Петербургъ", изд. Пост. Комм. нар. чт.*).

22.—Петербургъ. („Изъ Мѣднаго Всадника“)

А. С. Пушкинъ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ,
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго Чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ онъ:
«Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На-зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ,
И запируемъ на просторѣ.»

Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ—нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцевъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концевъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылились острова—
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.
Люблю тебя, Петра творенье!
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я, въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,

И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, непуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой—
Шипенье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно—зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ

И, чуя вешни дни, ликуетъ.
Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Непобѣдимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинной свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

23.—Наводненіе въ Петербургѣ. („Изъ Мѣднаго Всадника“).

А. С. Пушкинъ.

Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ...
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ-мочь...
Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла,
Котломъ клокоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ

Вдругъ опустѣло.... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшоткамъ хлынули канала—
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясь въ воду погруженъ.
Осада! приступъ! злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки бѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гробы съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!
Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ,
Печаленъ, смутенъ, вышелъ онъ
И молвилъ: «съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать.» Онъ сѣлъ
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ:
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ;

Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонущій народъ.

24.—Псковъ.

К. К. Случевскій.

«А о Плесковѣ градѣ отъ лѣтописанія не обрѣтается воспомянуто отъ кого созданъ бысть и которыми людьми»—такъ повѣствуетъ составитель псковской лѣтописи XIII—XIV вѣка. Онъ же сообщаетъ, что князь Игорь «поятъ себѣ жену Ольгу отъ Плескова». Очень характерно то, что два самые ранніе женскіе облика русской исторіи смотрятъ на насъ именно отсюда, изъ этихъ мѣстъ: св. великая княгиня Ольга была псковитянкой; Рогнѣда, супруга Воломиміра Красное Солнышко, была уроженкой недалекой отсюда древней полоцкой земли, настолько недалекой, что при одномъ изъ позднѣйшихъ административныхъ дѣленій Псковская губернія была переименована въ Полоцкую.

Псковъ окруженъ памятью св. Ольги: въ двѣнадцати верстахъ отсюда село Выбута—ея родина; тамъ же, какъ повѣствуетъ Степенная Книга, перевозила она черезъ Великую Игоря; онъ узналъ и полюбилъ ее; бли-

зехонько оттуда есть мѣсто, называемое Буденикъ, а, по преданію, въ селѣ Будятинѣ родился внукъ ея, св. Владиміръ; есть тутъ Ольгины слуды, или подводные камни; есть деревня Ольгинъ городокъ—Перино и Ольгинъ дворецъ—житникъ; есть рукавъ рѣки, называемый Ольгиными воротами.

Въ XII вѣкѣ Псковъ уже относится къ числу значительныхъ городовъ русскихъ; будучи вначалѣ только пригородомъ Новгорода, онъ мало-по-малу становится самостоятельнымъ и переживаетъ самый Новгородъ. Исторія его отношеній къ Новгороду, путанныя сумятицы князей, посадниковъ и вѣча еще дадутъ впослѣдствіи не одну тему какъ для исторической разработки, такъ и для художественныхъ и литературныхъ произведеній. Исторія Пскова полна не только исключительной своеобразности мотивовъ, но и глубоко симпатична, въ особенности, если сопоставить ее съ исторіей Новгорода. Новгородъ при всемъ своемъ могуществѣ, при всемъ богатствѣ, ослѣпляющемъ глаза, по сравненію съ бревенчатыми, лубочными городами тогдашней Руси, при всемъ физическомъ ростѣ его пятинъ, смѣло забѣгавшихъ къ Бѣлому морю, Мурману и Выборгу,—Новгородъ былъ прежде всего все-таки городомъ людей торговыхъ, ставившихъ рубль выше всего.

Близкій къ нѣмцамъ, воздвигнутый на самой окраинѣ, отдаленный отъ нихъ только

водой Талабскаго озера, Псковъ не былъ окруженъ, подобно Новгороду, кольцомъ отдѣльныхъ оборонительныхъ пунктовъ, не стоялъ въ нѣкоторомъ удаленіи отъ границы. Это обусловило гораздо большую воинственность, если можно такъ выразиться, большую рыцарственность псковичей, поставленныхъ въ необходимость постоянно отбиваться отъ сосѣдей. Цѣлыя три кольца каменныхъ стѣнъ обводили центръ города, въ который иностранные не допускались: стѣна князя Довмонта, поднятая въ серединѣ XIII вѣка; окружавшая ее стѣна средняя и, наконецъ, третья стѣна, обѣгавшая городъ на протяженіи семи верстъ, построенная въ XV вѣкѣ, вся изрѣзанная, словно кружевомъ, бойницами, вышками и башнями или кострами; подъ землей, параллельно внѣшней стѣнѣ, шли потаенные ходы; одинъ изъ нихъ у Свиной башни сохранился на древнемъ рисункѣ, изображающемъ осаду Баторія; башенъ высилось 37, и въ одномъ современномъ документѣ написано: «Мы любуемся Псковомъ. О Боже! это нѣчто величественное, какъ бы другой Парижъ, городъ чрезвычайно большой, въ Польшѣ нѣтъ ему равнаго»; а между тѣмъ, предъ приходомъ Баторія выжжено въ посадахъ болѣе 1500 домовъ. Военныхъ запасовъ хранилось столько, будто весь городъ состоялъ изъ ядеръ и пороха; клѣти ломились отъ хлѣбовъ.

Подобной воинственности обличья Новго-

родъ не имѣлъ никогда, какъ не имѣло его и настроеніе духа новгородцевъ. Не слилась съ исторіей Новгорода на вѣки вѣчные свѣтлая память героическихъ защитниковъ русской земли отъ чужеземцевъ, въ родѣ мудраго князя Довмонта или такого земного архистратига, какъ св. благовѣрный Александръ Невскій. Не испыталъ Новгородъ и нѣмецкаго плѣненія, какъ Псковъ въ 1240 г., когда, благодаря измѣнѣ знатнаго псковича Твердыни Иваньковича, рыцари нѣмецкіе были впущены въ городъ. Это краткое плѣненіе, повлекшее за собою побѣду Александра Невскаго, окончательно укрѣпило въ псковичахъ убѣжденіе въ необходимости умѣть постоять за себя, за Россію. Всѣхъ нападеній выдержалъ Псковъ 26 и взятъ только однажды и то, какъ сказано, измѣной.

Когда въ 1347 году шведскій король Магнусъ напалъ на сѣверныя новгородскія крѣпости, новгородцы обратились за помощью къ псковичамъ, и помощь была дана имъ, но съ условіемъ: считать отнынѣ Псковъ не подчиненнымъ ему городомъ, а меньшимъ братомъ, не сажать имъ своихъ новгородскихъ посадниковъ, а духовному владыкѣ новгородскому хотя и держать во Псковѣ своего намѣстника, но назначать его не изъ новгородцевъ, а изъ псковичей. Отъ времени заключенія этого договора, на цѣлыя полтора столѣтія, вступаетъ Псковъ въ лучшее, блестящее

время своего существованія и становится самостоятельнымъ членомъ Ганзейскаго союза, а полное подчиненіе Новгорода великому княженію московскому обусловливаетъ, наконецъ, переходъ ко Пскову и всей заграничной торговли.

Если во многомъ отличается Псковъ отъ Новгорода, начиная съ обличья, то иначе, чѣмъ Новгородъ, покончилъ онъ и со своими вольностями. Издавна не нравилось псковскимъ князьямъ быть выборными и не смотрѣть на свое княженіе какъ на наслѣдственное; отсюда многія насилія, неурядицы, междоусобія. Испытавъ разныхъ князей, псковичи обратились, наконецъ, и къ Москвѣ, и въ 1399 году былъ у нихъ князь «отъ руки великаго князя Василія Дмитріевича», князь Иванъ Холмскій. Это было первымъ шагомъ на пути сліянія съ Москвой, завершившагося сполнѣ снятіемъ вечевого колокола въ 1510 году.

Если псковичи справедливо укоряли новгородцевъ въ томъ, что отъ нихъ на непріятеля помощь плохая, то Москва, наоборотъ, никогда не оставляла Пскова въ обидѣ и вѣрно держала за своихъ и не допускала того, чтобы русское «сердце урвалося отъ корени».

Эта мысль общности интересовъ Пскова съ Москвой была такъ сильна, что Псковъ въ XVI столѣтіи легко могъ бы отдаться въ руки полякамъ, при Стефанѣ Баторіи, но онъ,

лишенный всѣхъ своихъ правъ, обиженный Москвой въ конецъ въ торговыхъ интересахъ, обнищалый и пригорюнившійся, поневолѣ оставленный царемъ, занятымъ въ то время другимъ дѣломъ,—онъ въ теченіе слишкомъ пяти мѣсяцевъ выдерживаетъ осаду поляковъ и доказываетъ правду своего цѣлованія Московскому государству. Не присягнулъ онъ и позже польскому Владиславу.

Блестящее положеніе Пскова въ его хорошіе дни было такъ исключительно, что дальнѣйшія судьбы его могли быть ничѣмъ инымъ, какъ долгимъ, постояннымъ паденіемъ. Значительная часть войнъ нашихъ на западномъ порубежьѣ происходила на псковскихъ земляхъ, и Псковъ былъ граневою крѣпостью; при Петрѣ Великомъ, исправившемъ стѣны, во Псковѣ находилась главная квартира, стояло много войска, и строились суда для военной флотиліи, бѣгавшей по рѣкѣ Великой.

Крупнѣе всѣхъ ударовъ для Пскова (какъ и для Архангельска) было основаніе Петербурга, притянувшаго къ себѣ всю иностранную торговлю, и въ настоящую минуту Псковъ, одинъ изъ самыхъ древнихъ, постоявшихъ за Русь, городовъ нашихъ, совершенно обойденный новою жизнью, фактически не тронутъ и почти не оживленъ близостью желѣзнаго пути.

Центромъ всѣхъ святыхъ воспоминаній является, конечно, кремль, кромъ, дѣтинецъ,

холмъ, отчасти искусственный, длиною въ 200 саженъ, шириною въ 30, въ отвѣсѣ около 10, омываемый рѣками Псковою и Великою. Видъ отъ остраго угла дѣтинца, остававшагося въ мусорѣ и только въ самое послѣднее время обращеннаго въ садъ—превосходенъ. Цѣпью тянутся по берегу Ивановскій монастырь, Мѵроносицкая церковь, Параменская, Николаевская, Клементьевская и замыкаются Мирожскимъ монастыремъ; кругомъ какъ широкій пьедесталъ незримаго, но существующаго былаго, высятся остатки громоздкихъ стѣнъ, и сквозь одну изъ нихъ, сбѣгающую внизъ, тихо двигаетъ свои невеликіе струи, сливаясь съ Великою, рѣка Пскова. Въ концѣ X вѣка, когда здѣсь была зелень, шумѣлъ «великъ лѣсъ и многія дубравы». Св. Ольга, возвратившись изъ Царьграда и задумывая обращеніе къ христіанству народа, имѣла именно на этомъ мѣстѣ видѣніе трехъ свѣтоносныхъ лучей, озарявшихъ окрестность тройственнымъ свѣтомъ. Видѣніе это имѣла она, стоя на другомъ берегу Великой, тамъ, гдѣ воздвигнута у источника часовня св. Ольги.

«Разумно да будетъ вамъ,—сказала послѣ этого окружавшему ее синклиту княгиня: — яко на семъ мѣстѣ церковь имать быти во имя нераздѣльныя Троицы, еще же и градъ здѣ великъ будетъ и славенъ, и изобиленъ». На этомъ мѣстѣ водрузила св. Ольга крестъ, перенесенный впослѣдствіи въ соборъ, а за-

тѣмъ воздвигла и деревянный храмъ Св. Троицы, наслѣдникъ котораго занимаетъ и нынѣ значительную долю поверхности кремля. Одновременно съ храмомъ сталъ возрастать и самый городъ Псковъ. Было такое время, когда Псковъ и его Св. Троица были словами тождественными, и псковичи благодарили великаго князя «за то, что прислалъ въ домъ Св. Троицы воеводу своего съ людьми на оборону противъ нѣмцевъ».

Въ храмѣ этомъ сажали у себя псковичи князей на княженіе, подлѣ него находился княжескій домъ, и тутъ же рядомъ помѣщались и вѣче и казна; вѣчевые документы хранились въ особомъ ларѣ въ соборѣ. Соборъ, видимый въ настоящую минуту, счетомъ четвертый и строился въ 1682 году, по указу Іоанна, Софіи и Петра Алексѣевичей, а освященъ въ 1703 году; онъ невеликъ (въ вышину съ крестомъ 36 саж. 2 арш., въ длину съ папертью 24 саж. 2 арш., въ ширину съ придѣлами 13), простое кубическое основаніе осѣнено пятью главами и окружено полукружіями придѣльныхъ церквей и алтарей, но высокое и одинокое расположеніе представляетъ его гораздо большимъ, чѣмъ онъ есть. Виденъ соборъ за 57 вер., и городъ ластится къ нему, какъ бы признавая въ немъ причину своего рожденія и своего былого величія. Бросается въ глаза полное отсутствіе въ соборѣ какой-либо стѣнной живописи, и это

обусловливаетъ то, что семиярусный иконостасъ въ 27 арш. вышины, со всѣми его иконами, какъ-то не роднится съ бѣлыми стѣнами и стоитъ особнякомъ. Если судить по изображеніямъ храмовъ 1138 и 1366 годовъ, предшествовавшихъ этому и дошедшихъ до насъ на двухъ иконахъ, то они были еще меньше и имѣли только по одной главкѣ на цѣлой системѣ мелкихъ арочекъ, высившихся одна поверхъ другой. Соборъ въ два свѣта; куполъ покоится на четырехъ столбахъ; въ задней части храма хоры. Всѣ пять куполовъ свѣтятъ внутрь и напоминаютъ обиліемъ свѣта соборъ Андрея Боголюбскаго во Владимірѣ. Основные столбы разрисованы зелеными столбами съ капителями, и низъ ихъ вплотную обставленъ вѣнцами древнихъ иконъ. Звѣзды сіяютъ на сѣрыхъ куполахъ снаружи, звѣзды сіяютъ по голубому фону внутри.

Трое святыхъ мощей имѣются въ храмѣ: строителя второго храма св. кн. Гавріила, св. кн. Довмонта и блаженнаго Николая юродиваго. Надъ могилами князей висятъ заржавленные мечи ихъ. Молчаливы они, какъ и гробницы, но сдѣлали свое дѣло. Когда-то Довмонтъ, поднимая мечъ на литву и Ливонію, говаривалъ: «Братья, мужѣ псковичи, кто старъ, то отецъ мнѣ, а кто младъ, то братъ», — и псковичи, отвѣчая воззванію, шли за нимъ; эти слова передаетъ намъ лѣтопись; мечъ Гавріила несетъ на себѣ латинскую легенду

(надпись), гласящую: «чести моей никому не отдамъ». Вѣсъ Довмонтова меча $3^1/_2$ фун., а Гавріилова $7^1/_2$. Новгородцы думали было однажды перенести мощи Гавріиловы къ себѣ, такъ какъ княжилъ онъ и у нихъ, но рака съ мощами съ мѣста не двинулась, и только по молитвѣ ихъ отпалъ самъ собою ноготь отъ руки блаженнаго князя и отнесенъ въ Новгородъ. Святые князья чествуются каждый въ свой день, но блаженному Николаю юродивому особаго дня не назначено, и онъ поминается Церковью нашею, когда поминаются и всѣ юродивые, вмѣстѣ взятые. Хорошо извѣстно преданіе о томъ, какъ говорилъ преподобный Николай съ Іоанномъ Грознымъ, какъ озлобилъ его словами: «Иванушко, Иванушко, хлѣба-соли, а не христіанской крови», какъ сталъ невидимъ послѣ приказанія схватить его, какъ испугалъ этимъ царя и тѣмъ спасъ жителей города отъ безконечной казни.

Святѣйшимъ воспоминаніемъ собора былъ крестъ св. Ольги, поставленный ею надъ рѣкой Великой еще до основанія собора, позже внесенный въ него и сгорѣвшій въ 1509 г.; въ воспоминаніе этого креста устроенъ въ 1623 г. другой, дубовый, по образцу старѣйшаго, виднѣющійся и донынѣ. Крестами и иконами соборъ очень богатъ, и многіе изъ предметовъ его ризницы имѣютъ большую археологическую и художественную цѣнность. Одинъ изъ воздуховъ съ жемчугами вышитъ

великою княгиней Елисаветой Алексѣевной; хороши многія панагіи и кресты: евангеліе Апракосъ, то-есть писанное не по порядку началъ, а по чтеніямъ въ продолженіе года—1532 г., и многое другое. Подъ соборомъ находится нѣсколько гробницъ князей и архіереевъ, при чемъ первые безыменны.

Различныя событія городской жизни писаны на многихъ колоколахъ собора и той или другой церкви, пожертвованныхъ разными лицами. На многихъ изъ нихъ событія излагаются чрезвычайно подробно, при чемъ поименованы и участники въ постройкѣ колокола: «Рыбникъ Чухна», да »всѣ сусѣди» да, «при священникѣ Микитѣ Козлѣ». Въ звонахъ этихъ колоколовъ, при всякой молитвѣ церковной, для всякаго знающаго исторію своей родины гармонично глаголетъ былое, и нельзя не признать, что это сочетаніе звука и историческаго дѣянія, разносимое музыкой православнаго церковнаго звона, должно трогать душу того человѣка, который знаетъ и любитъ и продолжаетъ исторію своего народа, какъ исполнена она предками и какъ намѣчена Богомъ для всѣхъ и для каждаго въ особенности.

Много поучительнаго представляла выставка мѣстныхъ произведеній и кустарной промышленности Псковскаго уѣзда, устроенная въ саду и зданіяхъ учительской семинаріи, противъ древняго Мирожскаго монастыря, на

берегу Великой. Ленъ, холсты, личники (длинныя полотенца съ вышитыми концами, которыя носятся на головѣ какъ украшенія), салфетки, скатерти и очень хорошія шерстяныя ткани (одѣяла и платки) занимали видныя мѣста. Много виднѣлось земледѣльческихъ орудій, машинъ, моделей, модель водяной мельницы, сдѣланная находившимся тутъ же крестьяниномъ Рушевымъ 14 лѣтъ. Первенствовалъ на выставкѣ, конечно, ленъ, одинъ изъ тѣхъ немногихъ предметовъ вывоза, которому мы на европейскомъ рынкѣ конкурента не имѣемъ.

Значеніе льноводства для Псковской губерніи и Россіи вообще, равно какъ и его исторія, очень хорошо изображены въ особой книжечкѣ. Изъ книжечки ясно значеніе льна для Россіи: мы производимъ въ годъ до 15,000,000 пудовъ и изъ этого числа 1/4 — Псковская губернія, тогда какъ ближайшею нашею конкуренткой является Германія, производящая только 4,500,000 пуд. Этихъ двухъ цифръ достаточно для опредѣленія важности льна. Кромѣ льна, составлявшаго центръ выставки, привлекли на себя вниманіе предметы, касающіеся исконнаго промысла Псковскаго озера—ловли снѣтковъ; сѣти, «лодка мутница», печи для сушки снѣтковъ, сани-водовики для перевозки неводовъ зимой и пр. Тутъ же, имѣлись на виду два живые лососка, пойманные въ Великой въ текущемъ году,—несомнѣнное

доказательство пользы Никольскаго рыборазводнаго завода. Полное одѣяніе ловца—треухъ (шапка), шуба, передникъ, редень, рукавицы и сапоги совершенно тѣ же, что у нашихъ сѣверныхъ поморовъ. Слѣдуетъ упомянуть о томъ, что въ саду имѣлись налицо нѣсколько представителей *мѣстныхъ полувѣрокъ и полувѣрцевъ* Печерской волости, Псковскаго уѣзда; очень характерны на женщинахъ громадныя круглыя серебряныя бляхи такой величины, что одна подобная бляха покрываетъ почти всю грудь; кресты и монеты составляютъ тоже замѣтную часть украшенія. Нельзя обойти молчаніемъ, говоря о выставкѣ, и того факта, что существуетъ тутъ не делеко табачная махорочная фабрика, получающая табачный листъ изъ Черниговской губерніи. Извѣстно, что массы нашего табака провозятся въ листахъ за границу и привозятся къ намъ обратно въ видѣ гаванскихъ сигаръ.

Очень близко къ мѣсту расположенія выставки кустарной устроена была выставка крестьянскихъ лошадей,—приплода отъ находящагося въ Псковѣ пункта государственнаго коннозаводства.

25.—Прибалтійскій край.

Географическій очеркъ.

Я. Р.

I.

На юго-западъ отъ Озернаго края лежатъ три губерніи, Эстляндская, Лифляндская и Курляндская, называемыя обыкновенно Прибалтійскимъ или Остзейскимъ краемъ. Послѣднее названіе произошло оттого, что нѣмцы, первоначально завоевавшіе эту область, называютъ Балтійское море «Восточнымъ моремъ» (Ostsee). Эти губерніи не соединены въ одно административное цѣлое, какъ Финляндія, населеніе ихъ принадлежитъ къ нѣсколькимъ народностямъ, тѣмъ не менѣе ихъ можно разсматривать какъ особую, имѣющую нѣкоторое единство, область нашего отечества. Единство это обусловливается отчасти прошлыми историческими судьбами этого края, отчасти тѣмъ, что всѣ три губерніи омываются водами Балтійскаго моря и Риж-

скаго залива, глубоко вдающагося въ материкъ. Черезъ море пришли въ этотъ край нѣмцы, долго здѣсь властвовавшіе и теперь еще сохраняющіе за собой вліятельное положеніе, отъ моря же зависитъ главнымъ образомъ торговое значеніе этого края.

Балтійское море омываетъ берега Прибалтійскаго края на протяженіи безъ малаго тысячи четырехсотъ верстъ. По Финскому заливу, отъ устья Наровы до мѣстечка Мерекюль, берегъ низменный, песчаный и состоитъ изъ непрерывнаго ряда дюнъ и бугровъ, покрытыхъ рѣдкимъ сосновымъ лѣсомъ. Дальше, до самаго Балтійскаго порта тянется нагорный берегъ, только кое-гдѣ прерывающійся равнинами. Прибрежные скаты круты, иногда отвѣсны и въ окрестностяхъ Ревеля очень живописны. Остальное прибрежье большею частью представляетъ низменную равнину, на которой возвышаются въ видѣ холмовъ и хребтовъ песчаныя дюны. По Рижскому заливу дюны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поросли лѣсомъ и достигаютъ значительной высоты; одна изъ нихъ, самая высокая, поднимается на высоту 426 футовъ. Въ сосѣдствѣ съ правымъ берегомъ Двины берегъ моря сильно понижается, покрытъ лѣсами, болотами и усѣянъ множествамъ озеръ. Берегъ Курляндской губерніи почти на всемъ своемъ протяженіи покрытъ дюнами; высота ихъ незначительна, но зато ширина простирается

иногда на нѣсколько верстъ. Между песчаными холмами дюнъ образовались стоячія воды, отдѣленныя отъ моря только узкою полосою суши. Сильные вѣтры, дующіе съ моря, поднимаютъ песокъ дюнъ и заносятъ имъ не только поля и луга, но даже жилища. Мѣстнымъ жителямъ приходится бороться съ дюнными песками; чтобы закрѣпить пески и задержать ихъ опустошительное движеніе внутрь страны, на дюнахъ разводятъ различныя растенія съ длинными корнями и обсаживаютъ берега вербой.

Берега Прибалтійскаго края, хотя и имѣютъ важное торговое значеніе, но вообще должны быть отнесены къ числу малодоступныхъ. Сравнительно съ огромнымъ протяженіемъ этихъ береговъ здѣсь мало удобныхъ гаваней, самое море мелководно и имѣетъ не мало мелей и подводныхъ камней. Зимой море покрывается льдомъ, но не вездѣ на одинаковое время: Финскій заливъ закрытъ бываетъ для навигаціи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, тогда какъ Рижскій скорѣе освобождается отъ льда, а Либавскій портъ замерзаетъ недѣль на шесть, да и то не каждый годъ.

У береговъ Финскаго залива и при входѣ въ Рижскій заливъ лежитъ очень много острововъ; самые крупные изъ нихъ: Езель, Моонъ (Лифляндской губерніи), Даго и Вармсъ (Эстляндской губ.). Въ Рижскомъ заливѣ

лежатъ два небольшихъ острова: Куно и Кюно.

Первое мѣсто по величинѣ среди этихъ острововъ занимаетъ островъ Эзель (47 квадр. миль), по всей вѣроятности поднятый со дна морскаго дѣйствіемъ *вулканическихъ* силъ, какъ и острова Даго и Моонъ; поднятіе *этихъ* острововъ продолжается и теперь: старожилы утверждаютъ, что даже на ихъ памяти площадь этихъ острововъ увеличилась, такъ какъ море отступило отъ берега. Въ частности, что касается Эзеля, то слѣдомъ давней *вулканической* дѣятельности на этомъ островѣ нѣкоторые ученые считаютъ одинъ замѣчательный холмъ въ восемнадцати верстахъ отъ города Аренсбурга. На вершинѣ этого холма находится воронкообразное углубленіе въ видѣ кратера. На днѣ углубленія прудъ, глубина котораго сто лѣтъ тому назадъ считалась неизмѣримою, но теперь прудъ мелокъ и лѣтомъ обыкновенно высыхаетъ.

Дно моря вокугъ всего Эзеля усѣяно множествомъ отмелей и рифовъ, иногда очень опасныхъ для судовъ; особенно часто случаются кораблекрушенія у западныхъ береговъ. Берега острова на большей части своего протяженія плоски и низки, особенно южные, и только мѣстами высоки и падаютъ въ море отвѣсными обрывами. Такую же плоскую, однообразную равнину, немного возвышающуюся въ срединѣ, представляетъ и весь

островъ Эзель. Почва на островѣ очень плодородна, болотъ меньше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ Лифляндской губерніи, много луговъ, дающихъ хорошее сѣно.

Сельское населеніе Эзеля состоитъ изъ эстовъ, гораздо лучше сохранившихъ здѣсь нѣкоторыя особенности своего костюма, свои пѣсни и преданія, чѣмъ на материкѣ. Множество эстонскихъ преданій и пѣсенъ имѣютъ мѣстомъ дѣйствія именно Эзель. Сельское населеніе занимается земледѣліемъ и скотоводствомъ. Изъ мѣстныхъ породъ овецъ и лошадей эзельскія считаются лучшими. Важнымъ промысломъ жителей можно считать также ломку песчаника, который имѣется здѣсь въ такомъ изобиліи, что изъ него выведена большая часть построекъ на островѣ. Этотъ песчаникъ также вывозятъ и изъ него сдѣлано не мало колоннъ, памятниковъ, вазъ и т. п., красующихся въ Ригѣ. На западномъ и южномъ прибрежьяхъ острова еще и теперь находятъ янтарь, за которымъ ѣздили сюда въ глубокой древности.

Нѣмцы овладѣли Эзелемъ въ 1227 году, выстроили здѣсь замокъ и образовали эзельское епископство. Спустя нѣкоторое время эзельскіе эсты подняли возстаніе противъ своихъ поработителей и вѣроломно перебили защитниковъ замка, которые сдались подъ условіемъ свободнаго выхода. Но вскорѣ нѣмцы снова явились и тогда наступила

кровавая расправа. Нѣмцы взяли укрѣпленіе эстовъ, полонили ихъ князька, изрубили девять тысячъ человѣкъ и заставили побѣжденныхъ выстроить имъ же на страхъ замки Аренсбургъ и Зюнебургъ. Послѣ такой расправы островъ опустѣлъ надолго. Въ половинѣ XVI вѣка островъ былъ купленъ Даніей, съ половины XVII вѣка до 1710 года Эзелемъ владѣли шведы, и затѣмъ онъ сдѣлался русскимъ владѣніемъ.

Въ настоящее время на Эзелѣ двадцать два прихода, изъ которыхъ одиннадцать, съ населеніемъ около восемнадцати тысячъ человѣкъ, православныхъ. Единственный городъ на Эзелѣ—Аренсбургъ. Это городокъ очень маленькій, но лѣтомъ представляетъ весьма оживленный видъ, отчасти вслѣдствіе торговой дѣятельности въ гавани, но главнымъ образомъ отъ наплыва пріѣзжихъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи для пользованія морскими купаньями и грязями, которыя устроены на берегу залива и на двухъ высохшихъ старыхъ бухтахъ. Аренсбургскія цѣлебныя грязи состоятъ изъ ила, покрывающаго молочнымъ слоемъ морское дно около города; онѣ излѣчиваютъ золотушныя и ревматическія болѣзни. Главную историческую достопримѣчательность Аренсбурга составляетъ замокъ, построенный въ началѣ XIV вѣка и прекрасно сохранившійся, несмотря на такую почтенную старость.

Островъ *Моонъ*, подобно Эзелю, представ-

ляетъ плоскую, въ срединѣ немного повышающуюся поверхность; прежде онъ составлялъ съ Эзелемъ одинъ островъ и отдѣлился отъ него въ началѣ XIV вѣка. Отъ Эзеля до Моона всего три версты, и зимою сообщенie между обоими островами и съ материкомъ производится по льду. Небольшой островъ *Руно* лежитъ къ югу отъ Эзеля, почти посрединѣ Рижскаго залива. Восточная часть острова высока, покрыта хвойнымъ лѣсомъ и падаетъ къ морю крутыми скатами, между которыми находятся удобныя стоянки для судовъ; западная половина острова занята пашнями и лугами. На островѣ живетъ около 400 шведовъ, потомковъ первыхъ поселенцевъ. Живутъ они крайне уединенно: трудное лѣтомъ сообщенie съ материкомъ зимою прекращается совсѣмъ почти на полгода. Всѣхъ дворовъ на островѣ тридцать; здѣсь въ одномъ домѣ ютится по двѣ и по три семьи, браки заключаются только между своими. Главное и исключительное занятie здѣшнихъ жителей—бой тюленей.

Даго или *Дагденъ* («Утреннiй островъ»), второй по величинѣ островъ послѣ Эзеля, имѣетъ видъ продолговатаго четыреугольника, множествомъ мысовъ вдающагося въ море. Весь островъ окруженъ мелями, подводными камнями и мелкими островками и съ западной стороны почти недоступенъ для судовъ. Поверхность острова, за небольшими исключенiями, ровная и низменная; внутри островъ

очень болотистъ, во многихъ мѣстахъ встрѣчаются въ огромномъ количествѣ гранитные валуны. Почва на сѣверѣ острова каменистая, на югѣ глинистая и плодородная. Жители Даго—преимущественно эсты, но въ юго-восточной части обитаютъ и шведы. Кромѣ сельскихъ промысловъ, здѣшнее населеніе занимается рыболовствомъ, тюленьимъ промысломъ, ломкою известняка, работаютъ на фабрикѣ, но всѣ эти промыслы не могутъ вполнѣ прокормить здѣшнихъ жителей, и потому отсюда народъ уходитъ на заработки на материкъ и выселяется въ другія губерніи и даже на Кавказъ. Къ востоку отъ Даго, верстахъ въ трехъ отъ материка, лежитъ островъ *Вормсъ*, по площади разъ въ двѣнадцать меньше Даго. Сѣверный и южный берега его изрѣзаны мелководными заливами и окружены островками и подводными камнями. На сѣверѣ острова почва каменистая и безплодная, на югѣ глинисто-песчаная, пригодная для хлѣбопашества. Жители—шведы, говорящіе древнимъ нарѣчіемъ шведскаго языка, занимаются земледѣліемъ, рыболовствомъ, выжиганіемъ извести и лоцманствомъ.

Для полноты описанія Балтійскаго побережья нельзя не упомянуть о морскихъ купальняхъ. Линія этихъ купаленъ тянется, съ небольшими перерывами, отъ Усть-Наровы или Гунгербурга до Либавы. Всѣ эти купальни по внѣшности своей довольно однообразны.

Суша уходитъ въ море плоской песчаной полосой, ширина которой измѣняется въ зависимости отъ того, дуетъ вѣтеръ съ моря или на море. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ береговой черты тянутся плоскіе, невысокіе холмы дюнъ, перестраивающіеся ежегодно по фантазіи вѣтра, поросшіе довольно крупной сосной по вершинамъ; за ними, въ защитѣ отъ вѣтра, растетъ вдоль всего побережья хвойный, иногда лиственный лѣсъ, въ которомъ настроено видимо-невидимо дачъ. Дачи эти, какъ и дачи въ окрестностяхъ Петербурга, по большей части выстроены на скорую руку и самымъ дешевымъ способомъ; щелей въ стѣнахъ и полу сколько угодно, и жить въ этихъ дачахъ въ маѣ почти невозможно, въ августѣ затруднительно, и только два лѣтнихъ мѣсяца онѣ могутъ служить пріютомъ для дачниковъ. Во многихъ дачныхъ мѣстностяхъ постройки скучены такъ, что домашняя жизнь сосѣда вполнѣ доступна для наблюденія и разговоръ въ сосѣдней дачѣ можно слышать отъ слова до слова. Особенной тѣснотой отличаются Меррекюль, Дуббельнъ и Маіоренгофъ. Шире разбросаны постройки въ Силламягахъ, гдѣ берегъ выше и поднимается тремя террасами или «глиндами», но въ недалекомъ будущемъ и эта дачная мѣстность вѣроятно такъ же будетъ переполнена, какъ и многія другія. Берегъ моря почти вездѣ одинаково безжизненъ, ракушки мелки и сѣры, водоросли

бѣдны видами и больше всего виднѣется оторванныхъ рыбачьихъ поплавковъ и грузилъ. Но зато лѣтомъ на Балтійскомъ побережьѣ воздухъ дѣйствительно хорошъ; онъ растворенъ запахомъ смолистой хвои и морской волны, а послѣ дождя песчаная почва вбираетъ въ себя воду такъ быстро, что лужи составляютъ достояніе лишь немногихъ мѣстъ. Лѣтомъ морскія купанья привлекаютъ на берегъ огромное количество пріѣзжихъ, дающихъ дачевладѣльцамъ весьма и весьма крупные доходы. Изъ всѣхъ купаній наиболѣе посѣщаемыя—Дуббельнъ—Маіоренгофъ, расположенныя въ 30 минутахъ желѣзнодорожнаго пути отъ Риги. Лѣтомъ сюда стекается болѣе 50000 человѣкъ, главнымъ образомъ изъ Прибалтійскаго края, но очень многіе ѣдутъ сюда изъ Петербурга и даже изъ Москвы.

II.

Прибалтійскій край занимаетъ часть прибалтійской низменной равнины. Равнина эта вообще мало поднимается надъ уровнемъ моря и только мѣстами на ней встрѣчаются холмистыя возвышенности, которыя кажутся значительными среди окружающихъ ихъ плоскихъ равнинъ. Въ Эстляндской губерніи эти высоты образуютъ у берега моря въ разныхъ мѣстахъ утесы, состоящіе изъ известняковъ и песчаника, извѣстные у здѣшнихъ нѣмцевъ подъ

названіемъ «глиндовъ». Внутри этой губерніи возвышается холмистое плоскогоріе, одинъ изъ холмовъ котораго *Эммо-Мегги* («Гора-Мать») достигаетъ семидесяти одной сажени высоты надъ уровнемъ моря. Небольшія гряды эстляндскихъ высотъ постепенно понижаются къ югу и сѣверная часть Лифляндской губерніи имѣетъ характеръ низменной равнины; наиболѣе низкую часть этой равнины занимаетъ котловина озера Вирцъ-Ярви. Но за равнинами, по которымъ протекаетъ рѣка Эмбахъ, впадающая въ это озеро, мѣстность опять поднимается. Къ юго-востоку отъ упомянутаго озера расположено плоскогоріе *Оденпе*, а южнѣе его Гаангофское плато (плоская возвышенность), на которомъ высится гора *Мунна-Мегги*, самая высокая (152 сажени) вершина Лифляндіи. Гаангофское плоскогорье, изрѣзанное глубокими, поросшими лѣсомъ, ущельями, придающими скатамъ и вершинамъ суровый видъ, посылаетъ отъ себя отроги, на юго-востокъ и юго-западъ. Юго-восточные отроги его проникаютъ въ предѣлы губерній Псковской и Витебской; юго-западный боковой кряжъ этого плоскогорія выдвигается между рѣками Аа и Западной Двиной и образуетъ такъ называему «Венденскую Швейцарію», замѣчательно живописную, холмистую мѣстность, усѣянную сотнями маленькихъ озеръ. По лѣвую сторону Западной Двины, внутри треугольнаго полуострова, образуемаго Риж-

скимъ заливомъ и Балтійскимъ моремъ, есть также своя «Швейцарія»—курляндская, которая ниже Лифляндской, но подобно ей образуетъ изрѣзанную долинами, лѣсистую возвышенность, усѣянную множествомъ озеръ.

Въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ и въ Финляндіи, очень много валуновъ; они встрѣчаются вездѣ, гдѣ почва не вспахана и гдѣ еще не убраны разсѣянные на ней камни; они попадаются даже на вершинѣ Мунна-Мегги. Особенно много валуновъ въ сѣверной и западной частяхъ Курляндской губерніи. Величина ихъ различна: попадались валуны, имѣвшіе до трехъ тысячъ кубическихъ футовъ въ объемѣ.

Подпочва Прибалтійскаго края состоитъ преимущественно изъ песчаниковъ и известняковъ, дающихъ превосходный строительный матеріалъ. Въ нижнихъ слояхъ песчаника въ Лифляндской губерніи встрѣчается много замѣчательныхъ пещеръ, съ которыми связаны разныя мѣстныя преданія и суевѣрія. Такъ, напримѣръ, близъ Вендена находится на берегу Аа очень большая пещера, извѣстная подъ именемъ «чортовой печи»; чортова пещера на рѣкѣ Салисъ (впад. въ Рижск. зал.) лежитъ футовъ на 18 подъ землею и имѣетъ узкій и низкій подземный входъ. Замѣчательная пещера находится въ четырехъ верстахъ отъ Юрьева. Она справедливо носитъ названіе лабиринта, такъ какъ состоитъ изъ мно-

жества продольныхъ и поперечныхъ ходовъ. По всей вѣроятности, она—дѣло человѣческихъ рукъ и возникла въ первые времена нѣмецкаго владычества; должно быть, она служила мѣстомъ, куда во время нашествія непріятеля туземцы прятались сами и прятали свое имущество. Въ Курляндской губерніи также встрѣчаются пещеры; изъ нихъ болѣе замѣчательна пещера Давида, близъ Дондангена, имѣвшая въ древности священное для язычниковъ значеніе.

Рѣкъ и озеръ въ Прибалтійскомъ краѣ очень много, но какъ тѣ, такъ и другія, за немногими исключеніями, большого значенія не имѣютъ. Рѣки Эстляндской губерніи почти всѣ имѣютъ медленное теченіе, мелководны и несудоходны, тогда какъ въ губерніяхъ Лифляндской и Курляндской онѣ текутъ довольно быстро и на большомъ протяженіи, многоводны, судоходны, но мѣстами порожисты.

Самая важная рѣка Прибалтійскаго края—Западная Двина, беретъ начало далеко за предѣлами этого края, въ очень близкомъ сосѣдствѣ съ истоками Волги. Въ Прибалтійскій край, которому Западная Двина принадлежитъ только нижней третью своего теченія, она вступаетъ уже большой рѣкой, имѣющей 100—200 саженей ширины. Но несмотря на ширину и многоводіе рѣки, судоходство встрѣчаетъ на ней препятствія въ видѣ множества пороговъ, мелей и острововъ. Эти мели и ост-

рова образовались вслѣдствіе слишкомъ мягкаго грунта береговъ, уступающихъ потоку воды. Кромѣ пороговъ весьма важнымъ препятствіемъ для двинскаго судоходства является засореніе устья рѣки наносами, образованіе тамъ островковъ и мелей. Такъ какъ Двина служила и служитъ главнымъ воднымъ путемъ, по которому идутъ отпускные товары въ Ригу, то поддержаніе этого пути въ исправности составляетъ съ давнихъ поръ предметъ заботы и рижскаго купечества и правительства, поглощало и продолжаетъ поглощать милліоны рублей. До настоящаго времени удалось нѣсколько углубить кокенгаузенскіе пороги, отъ которыхъ судоходство наиболѣе терпѣло, выправить фарватеръ плотинами, очистить русло отъ большихъ камней и мѣстами углубить его; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега рѣки укрѣплены такъ, чтобы предохранить ихъ отъ разрушительнаго дѣйствія весенняго ледохода и водополья; въ другихъ берега рѣки сужены посредствомъ дамбъ настолько, чтобы рѣка сама, силою своего теченія очищала русло отъ засоренія; русло углубляется и очищается также посредствомъ землечерпательныхъ машинъ. Очень многое сдѣлано, но борьба съ препятствіями для судоходства на Западной Двинѣ еще далеко не окончена.

Остальныя рѣки Прибалтійскаго края имѣютъ сравнительно ничтожное значеніе, и

о нихъ не приходится много говорить. Изъ нихъ болѣе замѣчательны: Курляндская Аа, Виндава, Лифляндская Аа, Пернова, Эмбахъ и Нарова.

Курляндская Аа медленно течетъ среди низкихъ, песчаныхъ береговъ на протяженіи ста одиннадцати верстъ по одной изъ самыхъ обработанныхъ и богатыхъ въ краѣ мѣстностей. Однимъ рукавомъ она впадаетъ въ Рижскій заливъ, а другимъ (Больдеръ-Аа) въ Двину у крѣпости Усть-Двинска. Судоходство по Аа производится только отъ Митавы до Двины и то на судахъ средней величины.

Виндава въ предѣлахъ Курляндской губерніи имѣетъ значительную ширину (30—100 саж.), но глубока только мѣстами и судоходна лишь въ своемъ нижнемъ теченіи. Въ отличіе отъ Курляндской Аа, Виндава течетъ быстро, среди большею частію крутыхъ и обрывистыхъ береговъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ней есть пороги.

Лифляндская Аа — длинная (365 в.), но почти не судоходная рѣка. Начинается въ Венденскомъ уѣздѣ и, описавъ почти кругъ, впадаетъ въ Рижскій заливъ немного сѣвернѣе устья Западной Двины. Рѣка эта протекаетъ по Ливонской Швейцаріи и долина ея представляетъ самую живописную мѣстность во всемъ краѣ.

Пернова судоходна только на протяженіи нѣсколькихъ верстъ нижняго теченія, а выше

служитъ только для сплава. Берега ея большею частію высоки, особенно правый, и мѣстами изрыты пещерами.

Изъ рѣкъ Прибалтійскаго края, направляющихся къ Финскому заливу, болѣе другихъ замѣчательна рѣка *Эмбахъ*. Она спускается съ Гаангофскаго плоскогорья, направляется на сѣверъ и, пройдя довольно большое ($5^1/_2$ кв. верстъ) озеро *Вюрцъ-Ярви*, принимаетъ восточное направленіе и впадаетъ въ озеро Пейпусъ. Верній Эмбахъ имѣетъ берега холмистые и несудоходенъ. Нижній Эмбахъ течетъ среди низменныхъ, болотистыхъ береговъ и судоходенъ на всемъ своемъ протяженіи.

III.

Благодаря положенію Прибалтійскаго края на западѣ Европейской Россіи и преобладающимъ юго-западнымъ теплымъ вѣтрамъ, его климатъ теплѣе сравнительно съ другими мѣстностями[1]), лежащими къ востоку отъ него, но вообще не можетъ считаться мягкимъ и благопріятнымъ для человѣка и растилельности. Частыя колебанія температуры, сырость,

[1]) Средняя годовая температура въ Ревелѣ (отъ +4 до +5°) такая же, какъ въ Пензѣ и Уральскѣ; въ Перновѣ и Виндавѣ (+5 до +6), какъ въ Саратовѣ; въ Либавѣ и Ригѣ (+6 до +7), какъ въ Царицынѣ. Въ Митавѣ число дней, когда возможенъ ростъ злаковъ (180 дн.) такое же, какъ въ Саратовѣ, а число дней съ температурой выше 0° больше: въ Митавѣ 245, въ Саратовѣ 220.

густые туманы весною и осенью—вотъ отличительныя свойства климата этого края. Особеннымъ непостоянствомъ климата отличается Эстляндская губернія, гдѣ въ іюлѣ, въ самый разгаръ лѣта, иногда бываютъ очень холодныя ночи. Какъ ни незначительны по своей высотѣ холмистыя пространства Прибалтійскаго края, но, какъ показываютъ наблюденія, и они замѣтно вліяютъ на климатъ. Такъ напр., гористыя мѣстности Лифляндской губерніи холоднѣе и все тамъ поспѣваетъ приблизительно двумя недѣлями позже, чѣмъ въ низменныхъ равнинахъ Эстляндіи, хотя послѣдняя и лежитъ сѣвернѣе и открыта дѣйствію холодныхъ вѣтровъ. Впрочемъ, средняя годовая температура здѣсь вообще правильно повышается въ направленіи отъ сѣвера къ югу, и Курляндская губернія пользуется болѣе теплымъ и благопріятнымъ климатомъ, чѣмъ Эстляндская. По количеству выпадающаго дождя и снѣга и числу дождливыхъ или снѣжныхъ дней, Прибалтійскій край принадлежитъ къ числу наиболѣе орошаемыхъ мѣстностей Россіи. О засухахъ здѣсь понятія не имѣютъ, а въ нѣкоторые годы число дней съ осадками (т. е. дождемъ, снѣгомъ) доходитъ до 200 и больше. Лучшимъ временемъ года въ Прибалтійскомъ краѣ можно считать осень; тепло стоитъ нерѣдко до конца октября.

Прибалтійскій край покрытъ преимущественно суглинистой или песчаной почвой, ко-

торая вообще не можетъ быть отнесена къ числу плодородныхъ; только въ восточныхъ частяхъ Курляндіи почвенный слой настолько толстъ и плодороденъ, что можетъ равняться по своей производительной силѣ любой изъ черноземныхъ губерній Россіи. Въ зависимости отъ почвы и климата, растительность края не вездѣ одинакова: всего бѣднѣе растительность Эстляндской губерніи, всего богаче — Курляндской. Такъ напр., изъ фруктовыхъ деревьевъ въ Эстляндіи вызрѣваютъ только яблоки и низкіе сорта грушъ, а въ Курляндіи различные сорта грушъ, вишни и сливы. Изъ хлѣбныхъ растеній во всѣхъ трехъ губерніяхъ сѣются: рожь, ячмень, овесъ, пшеница, гречиха, горохъ, бобы, ленъ, конопля, картофель, но по урожаямъ Курляндская губернія стоитъ впереди двухъ другихъ. По характеру древесной растительности, весь Прибалтійскій край относится къ полосѣ смѣшаннаго лѣса: кромѣ хвойныхъ деревьевъ здѣсь растутъ разнообразныя породы лиственныхъ — кленъ, вязъ, липа, встрѣчаются цѣлыя дубовыя рощи. Вслѣдствіе усиленной вырубки пространство лѣсовъ въ Прибалтійскомъ краѣ сильно сократилось, (особенно въ Эстляндской губерніи), и въ настоящее время лѣса занимаютъ не болѣе четверти всей площади края. Не будь здѣсь правильнаго лѣсного хозяйства, то, вѣроятно, лѣсъ вскорѣ исчезъ бы окончательно. Здѣшній лѣсъ не похожъ на дремучіе лѣса

сѣвера Европейской Россіи, которые съ незапамятныхъ временъ ростутъ безъ всякаго призора и ухода, и истребляются (по-крайней мѣрѣ такъ было недавно) безъ всякаго разсчета. Въ Прибалтійскомъ краѣ лѣса находятся въ образцовомъ порядкѣ: они раздѣлены на участки, отъ 40 до 60, смотря по степени прироста; каждый годъ вырубается только одинъ участокъ, такъ что, когда вырубается послѣдній участокъ, то первый уже успѣваетъ снова поростi лѣсомъ; кромѣ того здѣшніе лѣса просвѣтляются, т. е. изъ нихъ убираются хворостъ и буреломъ и вырубаются лишнія деревья, чтобы они не мѣшали развиваться другимъ деревьямъ.

Говоря о природѣ Прибалтійскаго края, нельзя не упомянуть о томъ, что здѣсь не мало очень живописныхъ, красивыхъ мѣстъ. Въ Эстляндской губерніи такихъ мѣстъ сравнительно немного; здѣсь красивъ только возвышенный берегъ Финскаго залива, особенно въ окрестностяхъ Ревеля, но зато многія мѣстности губерній Лифляндской и Курляндской замѣчательно живописны. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ долина рѣки Аа отъ Вендена до Кронеберга. Покрытые зеленью высокіе и крутые берега рѣки иногда почти отвѣсно поднимаются съ обѣихъ сторонъ, образуя ущелья и пещеры, а на вершинахъ береговыхъ горъ виднѣются живописныя развалины древнихъ замковъ. Великолѣпную

картину представляютъ берега Двины отъ Зельбурга до Фридрихштадта: рѣка течетъ между скалистыми, покрытыми зеленью обрывами, а у Кокенгаузена стоятъ величественныя развалины древняго замка. Красивы окрестности прозрачнаго Маріенбургскаго озера на Гаангофской возвышенности и Святого озера, усѣяннаго живописно разбросанными островами, на возвышенности Оденпе. Въ Курляндіи есть также своя «Швейцарія», свои очень живописныя мѣстности.

IV.

Хотя Прибалтійскій край иногда и называютъ «нѣмецкимъ», но это названіе совершенно неправильно и не оправдывается ни исторіей этого края, ни современнымъ составомъ его населенія. Нѣмцы появились здѣсь въ XII столѣтіи, поработили край и долго въ немъ господствовали, но не могли и не могутъ его онѣмечить, такъ какъ составляютъ незначительную часть его населенія, едва ли равняющуюся одной двѣнадцатой всего числа жителей. Но несмотря на свою малочисленность и на то, что не они уже являются господами края, нѣмцы и теперь отчасти удерживаютъ здѣсь вліятельное положеніе: большинство здѣшняго дворянства, владѣющаго огромными землями, и зажиточныхъ горожанъ—нѣмецкаго происхожденія. Но нѣмцы

не пользуются теперь въ Прибалтійскомъ краѣ тѣми правами и привилегіями, какими пользовались прежде, и нѣмецкій языкъ теперь уже уступилъ здѣсь мѣсто языку русскому.

Присоединивъ Эстляндію и Лифляндію, Петръ Великій оставилъ неприкосновенными существовавшіе тамъ порядки и учрежденія, однако съ оговоркой: «елико сообразны они съ общими государства нашего законами и учрежденіями». А эти порядки и учрежденія очень часто находились въ сильномъ противорѣчіи и съ интересами массы туземнаго населенія въ краѣ и съ интересами русской народности. Для примѣра достаточно указать на то, что въ Ригѣ торговлею могли заниматься только рижскіе граждане, а для этого нужно было быть лютераниномъ, сыномъ родителей свободнаго состоянія и получить утвержденіе магистрата. Первыя попытки обрусить этотъ край, сблизить его съ остальной Россіей были сдѣланы въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Русское правительство отняло у рижскаго магистрата упомянутое право, предоставивъ поступать въ рижскіе граждане по общимъ государственнымъ законамъ, дѣлало прибалтійскому дворянству разныя предложенія въ пользу крестьянъ, тяжесть быта которыхъ «государыня видѣла своими очами» во время посѣщенія Прибалтійскаго края. Но это заступничество за крестьянъ со

стороны русскаго правительства большинство нѣмецкаго дворянства встрѣтило съ большимъ неудовольствіемъ. Во время ландтага (дворянскаго собранія) 1765 г., когда одинъ изъ нѣмецкихъ дворянъ сталъ защищать крестьянъ, то другіе дворяне хотѣли вышвырнуть его за окно, «въ наказаніе ему и въ подобающій примѣръ другимъ». Однако Императрица издала нѣсколько указовъ въ пользу крестьянъ; однимъ изъ этихъ указовъ воспрещалась продажа крестьянъ на площадяхъ, другимъ — расторженіе помѣщиками крестьянскихъ браковъ. Въ 1785 г. въ Ригѣ было введено общее для всей Россіи городовое положеніе и ходатайство рижскаго магистрата объ измѣненіи нѣкоторыхъ пунктовъ этого положенія было отклонено.

Императоръ Александръ I обратилъ весьма серьезное вниманіе на улучшеніе положенія прибалтійскихъ крестьянъ. Изданы были правила, которыми опредѣлялись крестьянскія повинности, запрещена продажа крестьянъ безъ земли и переселеніе ихъ въ другія губерніи. Тогда нѣмецкое дворянство освободило своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (1819 г.), но освободило ихъ безъ земли. Положеніе крестьянъ послѣ этого не только не улучшилось, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стало даже хуже, и потому русское правительство вынуждено было издать впослѣдствіи нѣкоторыя новыя узаконенія, клонившіяся къ

подъему крестьянскаго благосостоянія и ограждавшія крестьянина отъ произволапри и тѣсненій со стороны землевладѣльцевъ.

Богатое разными преобразованіями царствованіе императора Александра II затронуло многія коренныя права Прибалтійскаго края. Кромѣ введенія всесословной воинской повинности и упраздненія должности генералъ-губернатора, было введено въ 1877 г. городовое положеніе, уже существовавшее въ прочихъ русскихъ губерніяхъ и обнародованъ Высочайшій указъ Сенату о введеніи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ мировыхъ учрежденій и судебныхъ уставовъ 1864 года. Эти реформы встрѣчены были нѣкоторымъ нѣмецкимъ населеніемъ края враждебно, но русское правительство и въ послѣдующіе годы вплоть до настоящаго времени продолжало и продолжаетъ дѣйствовать въ духѣ обрусенія этого края и объединенія его съ остальной Россіей.

Въ послѣднее время наше правительство особенно дѣятельно поддерживало распространеніе православія въ Прибалтійскомъ краѣ и дало совершенно иную постановку дѣлу народнаго образованія. Въ 1836 году, при открытіи рижскаго викаріатства, число православныхъ приходовъ не превышало 19, въ 1869 г. ихъ было 136, а въ настоящее время 195. Немаловажное значеніе имѣло для православія учрежденіе въ Ригѣ перваго въ прибалтійской епархіи мужского монастыря, Алексѣевскаго.

Въ настоящее время въ краѣ существуютъ уже четыре монашескихъ обители. На дѣло церковнаго строительства въ краѣ ежегодно отпускаются крупныя суммы изъ средствъ государственнаго казначейства.

Что касается народнаго образованія, то до 1886 года во всѣхъ сельскихъ лютеранскихъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ (за исключеніемъ двухъ правительственныхъ) преподаваніе велось на нѣмецкомъ языкѣ. На томъ же языкѣ велось преподаваніе въ уѣздныхъ училищахъ, женскихъ школахъ, реальныхъ училищахъ и гимназіяхъ. Естественно, при такихъ условіяхъ, не только мѣстное населеніе не могло научиться государственному языку, но и проживающіе въ краѣ русскіе стали забывать родной языкъ. Поэтому правительство предприняло и постепенно осуществило преобразованіе учебныхъ заведеній въ краѣ. Желая прежде всего доставить возможность изучать русскій языкъ городскому населенію, Министерство Народнаго Просвѣщенія учредило въ разныхъ городахъ городскія училища по положенію 1872 года съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ. Затѣмъ приступили къ преобразованію въ томъ же направленіи и женскихъ училищъ; во всѣхъ частныхъ школахъ мужскихъ и женскихъ было къ 1895 г. постепенно введено обязательное обученіе на русскомъ языкѣ всѣмъ предметамъ, кромѣ Закона Божія евангелическо-лютеран-

скаго исповѣданія. Вмѣстѣ съ открытіемъ и преобразованіемъ городскихъ училищъ преобразованы были всѣ среднія мужскія и женскія учебныя заведенія въ краѣ: въ нихъ введено преподаваніе на русскомъ языкѣ и уставы среднихъ учебныхъ заведеній Имперіи. Такому же преобразованію подверглись и всѣ высшія учебныя заведенія края: ветеринарный институтъ, юрьевскій (бывшій дерптскій) университетъ и наконецъ рижскій политехникумъ.

Особенное вниманіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія было обращено на начальное образованіе. Прежде всего всѣ народныя школы и учительскія семинаріи были подчинены правильному надзору со стороны Министерства, а затѣмъ было приступлено къ ихъ коренному преобразованію. Введенъ рускій языкъ, прежніе учителя замѣнены новыми, говорящими по-русски, открыты правительственныя учительскія семинаріи для подготовленія учителей начальныхъ школъ. Всѣ эти мѣропріятія уже привились въ достаточной степени и приносятъ значительную пользу мѣстному населенію; эсты и латыши охотно учатся русскому языку, который, ставъ языкомъ школы, явится, конечно, однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ духовнаго сліянія Прибалтійскаго края съ остальной Россіей.

Это сліяніе тѣмъ необходимѣе, что русскіе люди издавна стали селиться въ Прибалтій-

скомъ краѣ, что черезъ этотъ край идетъ вывозъ за-границу произведеній сельскаго хозяйства изъ внутреннихъ частей Россіи. Съ теченіемъ времени движеніе русскаго населенія въ Прибалтійскій край не ослабѣвало, а усиливалось: шли и идутъ сюда торговые люди, затѣмъ плотники, каменщики, огородники, спросъ на которыхъ всегда великъ вслѣдствіе недостатка знающихъ эти мастерства между туземцами. Всего-больше русскихъ въ Ригѣ, затѣмъ въ Ревелѣ, Юрьевѣ и др. городахъ; кромѣ того много ихъ живетъ по деревнямъ у озеръ Чудскаго и Вюрцъ-ярви. Главная масса населенія прибалтійскихъ губерній—именно ихъ сельское населеніе, состоитъ изъ *эстовъ* [1]) и *латышей*. [2]) Первые живутъ въ сѣверной половинѣ края, вторые въ южной. И по происхожденію и по языку, Эсты—тѣ же финны, какъ и населеніе «страны озеръ и гранита.» Въ общихъ чертахъ Эсты имѣютъ очень замѣтное сходство съ финляндскими тавастами и, вѣроятно, принадлежатъ къ этой же отрасли финскаго племени. Большинство эстовъ невысокаго роста, имѣютъ плоское скуластое лицо, узкіе глаза, свѣтло-русые съ рыжеватымъ оттѣнкомъ волосы. По характеру,

---

[1]) Эсты (650 т.), кромѣ губерній Эстляндской и Лифляндской, живутъ также въ губерніяхъ Петербургской (Гдовскій у.) и Псковской (Псковской у.)

[2]) Латыши (болѣе 1 мил.), кромѣ губерній Курляндской и Лифляндской, живутъ также въ губерніяхъ Витебской и Ковенской.

эсты народъ вялый и мрачный, но при случаѣ храбры и стойки. Во время своей вѣковой борьбы съ датчанами и нѣмцами, эсты неоднократно обнаруживали замѣчателную силу сопротивленія и ожесточенныя битвы не разъ орошали кровью ихъ поля. Большинство эстовъ исповѣдуетъ лютеранскую вѣру, но есть между ними и православные.

Латыши составляютъ особый народъ кавказскаго племени, родственный литовцамъ. Они высокаго роста, стройны, имѣютъ бѣлое лицо, свѣтло-голубые или сѣрые глаза и свѣтло-русые волосы, но тѣлосложеніе у литовцевъ не отличается крѣпостью: спина и грудь плоски, плечи не широки. Усы и бороду латыши стали носить только въ послѣднее время, а прежде обыкновенно брились. Латыши отличаются трудолюбіемъ, мягкосердечны, добродушны и гостепріимны и не лишены природныхъ способностей; если изъ среды латышскаго народа и не выходило замѣчательныхъ людей, то причиною этого было не отсутствіе способностей, а долговременное рабство. Въ отличіе отъ Эстовъ латыши живутъ отдѣльными дворами или усадьбами. Большинство латышей лютеране, но есть среди нихъ и православные, число которыхъ мало-по-малу увеличивается.

Небогато живетъ сельское населеніе въ Прибалтійскомъ краѣ. Нѣмецкіе завоеватели въ прежніе времена завладѣли всей землей,

раздѣлили ее между собою, а эстовъ и латышей обратили въ крѣпостныхъ. Въ 1816—1819 годахъ прибалтійское дворянство освободило своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но сохранило за собою право собственности на землю и неограниченнаго ею пользованія. Поэтому и землевладѣніе въ Прибалтійскомъ краѣ представляетъ большія отличія сравнительно съ остальной Россіей. Земля здѣсь, за весьма небольшими исключеніями, принадлежитъ нѣмецкимъ помѣщикамъ, которые живутъ въ своихъ роскошныхъ усадьбахъ, окруженныхъ тѣнистыми парками. Помѣщичьи земли раздѣлены на участки, изъ которыхъ большія—мызы, находятся въ непосредственномъ пользованіи помѣщиковъ и обработываются наемными рабочими, а меньшіе, или усадьбы, отдаются въ аренду крестьянамъ. По настоянію русскаго правительства, нѣмецкіе помѣщики должны были изъ своей земли выдѣлить извѣстные участки, хутора или усадьбы для крестьянскаго пользованія. Эти участки называются «крестьянской землей» или «повинностными землями» и соотвѣтствуютъ крестьянскимъ надѣламъ въ другихъ губерніяхъ, но разница между нашими крестьянскими надѣлами и крестьянской землей въ Прибалтійскомъ краѣ огромная. Русскіе крестьяне—полные хозяева своей земли, тогда какъ въ Прибалтійскомъ краѣ настоящимъ хозяиномъ всегда остается помѣщикъ. Онъ только не

может присоединить повинностной земли къ своимъ землямъ и долженъ сдавать ее непремѣнно въ аренду крестьянамъ, но арендная цѣна или выкупъ земли крестьянами зависятъ отъ добровольнаго соглашенія владѣльца имѣнія съ отдѣльными хозяевами крестьянами. Понятно, при такихъ условіяхъ крестьянъ, хозяйничающихъ самостоятельно на арендуемой или выкупленной землѣ, не можетъ быть много: они составляютъ не болѣе одной четвертой части всего крестьянскаго населенія края, а остальныя три четверти земли совсѣмъ не имѣютъ и состоятъ изъ батраковъ и бобылей, существующихъ поденной работой у помѣщиковъ и зажиточныхъ крестьянъ-арендаторовъ. Выкупъ земли очень дорогъ и обставленъ многими стѣснительными условіями: крестьянинъ не можетъ дробить свою землю дальше извѣстнаго предѣла, не можетъ и сосредоточить въ своихъ рукахъ больше извѣстнаго количества земли. Если добавить къ этому, что крестьяне здѣсь платятъ разныхъ налоговъ въ нѣсколько разъ болѣе помѣщиковъ, тогда какъ въ остальной Россіи помѣщичьи и крестьянскія земли обложены тяготою равномѣрно, то станетъ понятно, почему множество эстовъ и латышей покидаютъ родину и выселяются во внутреннія губерніи Россіи.

V.

Изъ отраслей промышленности въ Прибалтійскомъ краѣ первое мѣсто занимаетъ земледѣліе. Земледѣліе, да и другія отрасли сельскаго хозяйства здѣсь стоятъ выше, чѣмъ въ остальной Россіи, хотя природа края, какъ мы видѣли, не отличается большимъ богатствомъ. Земля здѣсь обрабатываетя усовершенствованными способами и даетъ хорошіе урожаи, многія болота осушены и превращены въ луга, здѣсь разводятся лучшія породы домашняго скота, выписанныя изъ-за границы, существуетъ правильное лѣсоводство и всюду проведены превосходныя шоссейныя дороги. Сельское хозяйство ведется образцово не только у помѣщиковъ, но и у крестьянъ, которые, слѣдуя примѣру господъ, дѣлаютъ всевозможныя улучшенія. Высокое развитіе земледѣльческой промышленности въ краѣ создано прежде всего наукой и опытомъ, которыми богаты здѣшніе крупные землевладѣльцы, обладающіе серьезными сельскохозяйственными знаніями, зорко слѣдящіе за всѣми сельскохозяйственными нововведеніями въ Западной Европѣ и заимствующіе оттуда все, что для нихъ можетъ быть полезно: и лучшіе способы обработки земли, и сельскохозяйственныя машины, и хорошія породы коровъ, овецъ и лошадей. Все это, конечно, требуетъ большихъ расходовъ, но расходы эти щедро окупаются, такъ

какъ различныя произведенія сельскаго хозяйства находятъ себѣ выгодный сбытъ за-границу. Кромѣ того, здѣсь преобладаетъ крупное хозяйство, на большихъ участкахъ земли, которое всегда требуетъ меньше затратъ на каждую десятину земли, чѣмъ хозяйство мелкое, т. е. требуетъ меньше рабочаго скота, орудій, построекъ и т. п. Богатый владѣлецъ крупнаго помѣстья можетъ покупать дорогія машины и орудія, сокращающія ручной трудъ по обработкѣ земли, можетъ предпринимать дорогія земельныя улучшенія, которыя современемъ увеличиваютъ доходность его хозяйства, въ случаѣ надобности легче можетъ достать въ займы для какого нибудь дѣла необходимую сумму денегъ, чѣмъ мелкій собственникъ.

Этими благопріятными условіями и пользуются крупные помѣщики Прибалтійскаго края, которые ведутъ свое хозяйство такъ, что у нихъ есть чему поучиться. Уже лѣтъ семьдесятъ тому назадъ здѣшніе помѣщики начали вводить у себя вмѣсто трехпольной многопольную или плодоперемѣнную систему, съ посѣвомъ клевера или тимофеевой травы, которые, служа отличнымъ кормомъ для скота, не только не истощаютъ почвы, но своими корнями и опадающими листьями разрыхляютъ ее и дѣлаютъ плодороднѣе. Сначала эта система распространялась медленно, но въ настоящее время уже нѣтъ ни одного помѣщи-

чьяго имѣнья, гдѣ бы она не была введена. Примѣру помѣщиковъ давно слѣдуютъ и большинство крестьянъ. Здѣшніе хозяева усиленно заботятся о расчисткѣ выгоновъ для скота и другихъ неудобныхъ земель. Выгоны предварительно очищаются отъ кустарниковъ и корней, затѣмъ эти послѣднія сжигаются на мѣстѣ; удобренная пепломъ земля нѣсколько разъ вспахивается, боронуется и засѣвается рожью, а затѣмъ уже превращается въ хорошій выгонъ. Для улучшенія качества земли здѣшніе хозяева давно прибѣгаютъ къ искусственному осушенію и обводненію полей. Осушеніе полей производится разными способами, изъ которыхъ наиболѣе совершенный, но въ то же время и наиболѣе дорогой—дренажъ или осушеніе посредствомъ подземныхъ глиняныхъ трубъ. Осушеніе полей, несмотря на свою дороговизну, приноситъ огромную пользу, увеличивая урожайность почвы и оказывая вліяніе даже на климатъ. Предполагаютъ, что если осушить посредствомъ глиняныхъ трубъ всѣ имѣнья Лифляндской губерніи, то время полевыхъ работъ увеличится до трехъ недѣль и посѣвы не будутъ страдать отъ самаго страшнаго своего бича ночныхъ заморозковъ въ концѣ августа и въ началѣ сентября. Здѣшніе луга не особенно хороши сами по себѣ—сѣна даютъ мало и невысокаго качества, но хозяева здѣсь издавна обратили вниманіе на усовершенствованіе луговодства: мокрыя

поля осушаютъ рвами и канавами, а сухія искусственно орашаютъ, проводя воду изъ прудовъ и рѣкъ, или же устраивая временныя наводненія. Въ Курляндской губерніи существуетъ даже такъ называемое прудовое хозяйство, состоящее въ томъ, что въ низменныхъ долинахъ устраиваютъ запруды и черезъ три года, когда образовался значительный слой илу, воду спускаютъ и обращаютъ долину въ пашню на три года, затѣмъ опять запруживаютъ и т. д. Съ орашенныхъ луговъ сѣно косится два раза—въ концѣ іюня и въ началѣ сентября.

Пашни въ Прибалтійскомъ краѣ занимаютъ приблизительно одну пятую всего его пространства. Господствующими хлѣбными растеніями въ краѣ являются рожь, ячмень и овесъ, затѣмъ пщеница озимая и яровая. Сѣверные зорновые хлѣба и озимая пшеница родятся обыкновенно самъ—8, а иногда даютъ и болѣе богатые урожаи. Впрочемъ, относительно пшеницы слѣдуетъ замѣтить, что она растетъ не вездѣ и въ бѣлизнѣ и вкусѣ уступаетъ пшеницѣ нашихъ черноземныхъ губерній. Картофель въ началѣ XIX-го столѣтія разводился здѣсь только какъ овощь, на огородахъ, но въ настоящее время онъ занимаетъ очень видное мѣсто въ сельскомъ хозяйствѣ, особенно въ Эстляндской губерніи, гдѣ площадь, засѣянная картофелемъ занимаетъ наибольшую часть засѣваемой земли,

чѣмъ въ любой изъ другихъ губерній въ Россіи. Съ начала XIX-го столѣтія стало также развиваться производство льна, который сѣется теперь въ очень значительномъ количествѣ, особенно въ Лифляндской губерніи.

Скотоводство въ здѣшнемъ краѣ составляетъ весьма важную отрасль хозяйства и въ количественномъ [1]) и въ качественномъ отношеніяхъ. По численному богатству крупнымъ рогатымъ скотомъ, сравнительно съ количествомъ населенія, Эстляндская губернія занимаетъ четвертое мѣсто среди всѣхъ губерній Европейской Россіи. Многопольная система, травосѣяніе, разведеніе картофеля, улучшеніе луговъ и выгоновъ, наконецъ винокуреніе позволяютъ держать въ Прибалтійскомъ краѣ большое количество скота; при винокуренныхъ заводахъ здѣсь держать довольно много крупнаго рогатаго скота, котораго кормятъ въ продолженіе зимы бардою. Богатые помѣщики часто заводятъ у себя дорогія породы заграничнаго скота, но преобладаетъ мѣстная ливонская порода, не отличающаяся большимъ ростомъ, но довольно мясистая и молочная. Какъ земледѣліе, такъ и скотоводство въ Прибалтійскомъ краѣ поставлено образцово: въ очень немногихъ мѣстахъ Россіи существуетъ такое цѣлесообразное *воспитаніе*

---

[1]) На 100 жителей приходится крупнаго рогатаго скота 39 головъ, овецъ 48, лошадей 20.

и откормъ скота, такое хорошо устроенное молочное хозяйство, какъ здѣсь. Здѣшніе молочные продукты, особенно сыры, пріобрѣли себѣ почетную извѣстность и имѣютъ хорошій сбытъ на мѣстныхъ рынкахъ, идутъ также во внутреннія губерніи Россіи, въ Петербургъ и даже за-границу. Въ Прибалтійскомъ краѣ разводятъ значительное количество овецъ, между прочимъ и тонкорунныхъ, англійской породы, да и мѣстная порода даетъ такую добротную шерсть, что она идетъ на суконныя фабрики; но овцеводство не имѣетъ здѣсь такого значенія, какъ разведеніе рогатаго скота и сравнительно мало интересуетъ крупныхъ сельскихъ хозяевъ. Коневодство является также только вспомогательною отраслью сельскаго хозяйства. Здѣшніе лошади мелки, но крѣпки и выносливы, особенно курляндскія и эзельскія. Петръ Великій обратилъ вниманіе на хорошія свойства этихъ лошадей и, по его приказанію, лошади отсюда были перевезены въ губерніи Казанскую и Вятскую, гдѣ смѣшались съ туземною породою. Въ Прибалтійскомъ край разводится также значительное количество свиней.

Кромѣ земледѣлія и скотоводства, населеніе Прибалтійскаго края занимается и другими промыслами: ломкой песчаника и известняка, рубкой и сплавомъ лѣса, добываніемъ торфа (добываніе торфа, когда недостатокъ въ лѣсѣ уже даетъ себя чувствовать, принимаетъ

большіе размѣры), рыболовствомъ, а также работаетъ на фабрикахъ и заводахъ.

Въ рѣкахъ и озерахъ Прибалтійскаго края ловятся сиги, снѣтки, ряпушка, корюшка, налимы, судаки и др.; въ рѣкахъ, впадающихъ въ Рижскій заливъ главнымъ предметомъ лова служитъ лосось, который въ копченомъ видѣ вывозится и во внутреннія губерніи Россіи. Изъ внутреннихъ водъ края болѣе важное значеніе для рыболовства имѣетъ Чудское озеро. Право лова рыбы принадлежитъ береговымъ имѣніямъ, владѣльцы которыхъ или сами имъ пользуются, или отдаютъ въ аренду рыбопромышленникамъ. Но въ Курляндской губерніи есть нѣсколько такъ-называемыхъ «вольныхъ озеръ», на которыхъ имѣетъ право ловить рыбу всякій желающій. Болѣе значенія имѣетъ рыболовство для жителей острововъ и прибрежій Балтійскаго моря, хотя это море не отличается рыбными богатствами и породы рыбъ, составляющихъ предметъ промысла, въ немъ немногочисленны. Самою главною изъ нихъ является салакушка или, какъ ее обыкновенно называютъ, килька. Послѣ кильки всего болѣе ловится камбала морская и обыкновенная. Морская камбала отличается своею величиною (10—15 фунтовъ) и дольше сохраняется, но гораздо вкуснѣе ея обыкновенная камбала, которая ловится у береговъ. Рыбъ остальныхъ породъ ловится немного; чаще другихъ попадаются: осетръ нѣмецкій,

лосось (или по-здѣшнему лоховина), сигъ, семга и др. Семга прежде встрѣчалась въ большомъ количествѣ у устьевъ рѣкъ, но теперь ея немного, и одной изъ причинъ этого надобно считать обыкновеніе загораживать вершами устья рѣкъ, куда идетъ рыба изъ моря метать икру.

Фабрично-заводская промышленность въ Прибалтійскомъ краѣ сосредоточивается въ главныхъ населенныхъ пунктахъ, изъ коихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ городъ Рига и ея окрестности. Такъ какъ Рига стоитъ при устьѣ рѣки, которая далеко углубляется внутрь Россіи и можетъ служить путемъ для подвоза сырья и сбыта произведеній фабрикъ и заводовъ, то здѣсь фабричная и заводская дѣятельность началась раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ края. Впрочемъ, исторія рижской фабрично-заводской промышленности не восходитъ далѣе второй половины XVIII-го вѣка. Въ началѣ XIX-го столѣтія фабрики начинаютъ появляться и въ другихъ мѣстахъ Лифляндской губерніи, а въ двадцатыхъ годахъ онѣ существуютъ уже во всѣхъ трехъ губерніяхъ. Всего лучше развилась обрабатывающая промышленность въ Лифляндской губерніи, производительность которой въ нѣсколько разъ выше, чѣмъ въ двухъ другихъ губерніяхъ, вмѣстѣ взятыхъ. Въ этой губерніи сосредоточены самыя разнообразныя производства, между которыми главное мѣсто занимаютъ

суконное, бумажное, машиностроительное и винокуренное. Послѣднее имѣетъ также крупные размѣры въ губерніи Эстляндской, а затѣмъ въ Курляндской; матеріаломъ для выдѣлки спирта служитъ здѣсь картофель. Изъ промышленныхъ учрежденій Прибалтійскаго края наиболѣе замѣчательнымъ является фабрика Товарищества Кренгольмской мануфактуры, въ Везенбергскомъ уѣздѣ Эстляндской губерніи, близъ Нарвы. По размѣрамъ производства [1]) Кренгольмская мануфактура принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ, не только въ Россіи, но и на всемъ земномъ шарѣ. Она расположена на островѣ рѣки Наровы, Кренгольмѣ, у водопада. Еще Петръ Великій обратилъ вниманіе на то, что этотъ островъ представляетъ большія удобства для устройства на немъ фабрики. Но до начала XIX столѣтія на островѣ была только лѣсопильная мельница. Въ 1820 г. одному нарвскому купцу пришла мысль воспользоваться теченіемъ Наровы и устроить вблизи водопада фабрику. Въ томъ же году, на правомъ берегу Наровы, была основана суконная фабрика, которая впослѣдствіи была куплена барономъ Штиглицемъ и нынѣ называется «Нарвскою суконною и льнопрядильною мануфактурой». (Петерб. губ.) Блестящія дѣла Штиглицевской фабрики вызвали основаніе еще болѣе пред-

[1]) 11.000.000 рублей.

пріимчивой компаніи, которая въ 1856 году построила огромную фабрику для обработки хлопка на островѣ Кренгольмѣ. Постоянно увеличивая свою дѣятельность, Кренгольмская мануфактура достигла нынѣшнихъ размѣровъ своей производительности. Въ настоящее время на ней работаетъ 350.000 веретенъ, 2.200 ткацкихъ станковъ, вырабатывается около милліона пудовъ пряжи, общая длина которой въ тридцать три раза превышаетъ разстояніе между Москвой и Петербургомъ. Рабочихъ на фабрикѣ 5,000 человѣкъ; фабричныя машины приводятся въ движеніе теченіемъ рѣки Наровы. Кругомъ огромныхъ фабричныхъ корпусовъ расположены дома служащихъ, фабричной полиціи и казармы для рабочихъ, занимая въ общей сложности пространство въ восемь верстъ въ окружности. По заведеннымъ на фабрикѣ порядкамъ, по устройству жилищъ для рабочихъ, прекрасной школѣ, больницѣ и т. п. Кренгольмская мануфактура не оставляетъ желать ничего лучшаго. [1])

---

[1]) *Источники и пособія:* „Систематическій сборникъ очерковъ по отечествовѣдѣнію" С.-П. 1898 г.; Э. Реклю „Земля и люди" т. V; „Живописная Россія", т. II, ч. 2; „Сельское и лѣсное хозяйство Россіи", С.-Пб. 1893. Изд. Мин. Госуд. Имущ.; К. Случевскій „По Сѣверо-Западу Россіи" и др.

26.—Эсты.

Изъ «Живописной Россіи».

Эсты, первобытные жители занимаемой ими мѣстности, принадлежатъ къ тому огромному племени Финновъ, или, какъ называли ихъ Славяне, Чуди, которыхъ Тацитъ изображаетъ какъ людей крайне—дикихъ и бѣдныхъ и про которыхъ онъ говоритъ: «безопасные отъ людей, небоящіеся боговъ, они достигли самаго труднаго въ жизни—ничего не желать». Кромѣ нихъ, по Балтійскому прибрежью, на югъ, обитали другія финскія племена, изъ коихъ наиболѣе извѣстны были Ливы и Куры. Ливы, живущіе и по настоящее время въ небольшомъ числѣ въ Курляндіи у р. Салиса, говорятъ на эстскомъ нарѣчіи; а Куры, жившіе у залива Куришъ-гафа, слились съ Леттами. На островѣ Эзелѣ и другихъ островахъ, лежащихъ около береговъ нынѣшнихъ Прибалтійскихъ губерній, жили также финскія племена. Скандинавы облагали ихъ данью. Эсты жили не отдѣльными хуторами, какъ Латыши, а деревнями въ нѣ-

сколько дворовъ. Для защиты отъ враговъ, они строили замки, обнесенные оградою, которые складывали, по обилію камня въ странѣ, изъ булыжника. Слѣды такихъ замковъ видны и понынѣ.

Эстовъ древніе лѣтописцы изображаютъ людьми воинственными, свирѣпыми, сильными, коварными и мстительными, но въ то же время храбрыми, твердыми въ своемъ словѣ и упорными въ сопротивленіи врагамъ. Сосѣдніе Латыши называли ихъ забіяками, и дѣйствительно, во время споровъ, разсерженный эстонецъ всегда готовъ доказывать свою правоту кулакомъ, тогда какъ латышъ, въ томъ же состояніи, довольствуется одними ругательствами. По наружности они были небольшаго роста, носили длинные волосы льнянаго цвѣта и по образованію черепа приближались, какъ и всѣ финскія племена, къ монгольской расѣ.

Современный эстонецъ еще болѣе, чѣмъ латышъ, сохранилъ въ своемъ характерѣ и въ обычаяхъ древній типъ. Въ немъ до сихъ поръ осталась прежняя суровость, безчувственность, мстительность, упорная настойчивость, неустрашимость и твердость въ данномъ имъ словѣ. Сохраненіемъ первобытнаго типа отличаются въ особенности жители острововъ, которые разнятся отъ жителей материка даже и наружностью: они выше ростомъ, стройнѣе и красивѣе. Съ развитіемъ

образованія, дурныя качества эстовъ все болѣе и болѣе сглаживаются, а хорошія ярче выступаютъ наружу. Одно чувство, которое остается у эстовъ въ прежней силѣ и не смягчается ни временемъ, ни другими вліяніями, это—ненависть къ нѣмцамъ. Хотя ненависть эта осталась и въ латышахъ, но у послѣднихъ она является результатомъ болѣе разсудка, чѣмъ сердца, и потому не имѣетъ ожесточеннаго характера. Эстонцы же ненавидятъ нѣмцевъ отъ всего сердца. Разница эта объясняется различіемъ въ характерѣ двухъ народовъ: добродушный латышъ позволяетъ себѣ скорѣе забыть обиду; мстительный же эстонецъ не забываетъ ея никогда. Умственныя способности эстовъ, на первый взглядъ, поражаютъ своею неразвитостью и даже ограниченностью, но при ближайшемъ ознакомленіи съ ними, приходится заключить, что эсты обладаютъ умомъ острымъ и логичнымъ, и въ то же время нѣсколько лукавымъ.

Въ домашнемъ быту эсты не такъ опрятны, какъ латыши и женщины ихъ не столь стыдливы, какъ у послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, у эстовъ совмѣстное посѣщеніе бань обоими полами считается дѣломъ весьма естественнымъ; дѣвушки ихъ, не говоря уже о замужнихъ женщинахъ, не стыдятся у себя дома и даже на полевыя работы ходить въ однѣхъ сорочкахъ. Ни того, ни другаго у латышей не встрѣчается. Глазными болѣзнями

страдаютъ современные эсты такъ же, какъ и ихъ предки. Привязанность эстовъ къ древнему образу жизни такъ велика, что и зажиточные крестьяне живутъ такъ же, какъ и бѣдные. Можетъ быть этому есть и другая причина: склонность къ бережливости. Эстонецъ скорѣе отнесетъ лишній рубль въ кредитное общество, чѣмъ позволитъ себѣ какую-нибудь роскошь. Въ этомъ онъ рѣзко отличается отъ современнаго латыша. Въ одеждѣ произошла большая перемѣна. Старинная народная одежда почти совсѣмъ вышла изъ употребленія. Только на островахъ Эзелѣ и Моонѣ уцѣлѣли старинные наряды, отличающіеся большимъ разнообразіемъ; даже мужчины одѣваются тамъ иначе, чѣмъ на материкѣ. Въ пищѣ эсты тоже остались вѣрны старинѣ: капуста и кашица (сыворотка, смѣшанная съ мукою и разбавленная водою), попрежнему—любимыя ихъ кушанья; но къ нимъ прибавилось и много другихъ, напр. салакушка, сельди и свинина. Любимый напитокъ прежній—квасъ, приготовляемый изъ ячменя. Занимаются они преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ, а прибрежные жители—рыболовствомъ и морскими промыслами; между ними встрѣчаются также искусные мастеровые, въ особенности слесаря. Веселостью характера эсты не отличаются; но семейные праздники ихъ, напр. свадьба, продолжаются всегда нѣсколько дней; сна-

чала веселятся въ домѣ невѣсты, потомъ у родителей жениха. Въ свадьбахъ наиболѣе сохранились обычаи старины; во время ихъ исполняются разнаго рода суевѣрные обряды. На всякихъ праздникахъ происходятъ конечно попойки, угощенія, а также пѣсни и пляски подъ звуки волынки, а иногда и скрипки.

Пѣсни эстовъ чрезвычайно монотонны, а плясокъ народныхъ вовсе нѣтъ; ихъ замѣняютъ современные танцы, въ особенности вальсъ въ нѣсколько искаженномъ видѣ. Важнѣйшими годовыми праздниками считаются также, какъ и у латышей, Ивановъ день и Рождество Христово.

Языкъ эстовъ весьма благозвучный и отличается отсутствіемъ иностранныхъ словъ. Онъ имѣетъ два нарѣчія; ревельское и дерптское. Разница между ними, впрочемъ, незначительная и состоитъ въ неодинаковомъ произношеніи и склоненіи нѣкоторыхъ словъ. Языкъ эстонскій весьма развитъ грамматически. Эстонская литература за послѣднее время сдѣлала, также какъ и латышская, большіе успѣхи.

27.—Латыши.

Изъ журн. „Семья и Школа“.

I.

Латыши—народъ родственный литовцамъ. Они составляютъ коренное населенiе Прибалтiйскаго или Остзейскаго края, образуя простое сельское сословiе. [1]) Впрочемъ, не весь этотъ край населенъ латышами: въ сѣверной его части сосѣдями латышей являются эстонцы—народъ финскаго происхожденiя. Граница между латышами и эстонцами проходитъ приблизительно вдоль 58 градуса сѣв. широты. Если взглянуть на карту Прибалтiйскаго края, то нельзя будетъ не замѣтить, что этотъ градусъ раздѣляетъ Лифляндiю на двѣ части: сѣверная составляетъ по больше $^1/_3$ всего

[1]) Дворянство, городскiе обыватели и духовенство (кромѣ православнаго) принадлежатъ къ господствующему нѣмецкому племени.

пространства губерніи, а южная до $^2/_3$. занимая эту южную часть Лифляндіи, латыши составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ сплошное населеніе Курляндіи и сѣверо-западныхъ уѣздовъ Витебсткой губерніи (такъ-называемые лифляндскіе уѣзды: Динабургскій, Рѣжицкій и Люцинскій.) Есть латыши и въ губерніи Ковенской, но ихъ тамъ мало. Общая численность латышей превышаетъ 1,100,000 душъ.

Естественныя условія занимаемаго латышами края благопріятствуютъ болѣе всего тому, чтобы выработать изъ латыша земледѣльца и рыболова.

Латыши принадлежатъ къ одному племени съ литовцами. Въ пѣснѣ, языкѣ и другихъ древнихъ языческихъ вѣрованіяхъ этихъ двухъ народовъ есть много общаго. Латышъ обладаетъ довольно высокимъ ростомъ и стройностью, но тѣлосложеніе у него не отличается крѣпостью: спина и грудь плоски, плечи не широки, шея вытянутая. Волосы у него по большей части свѣтлые, глаза сѣрые. Усовъ и бороды латыши прежде не носили: обыкновеніе отпускать то и другое распространилось лишь въ наше время.

Латыши говорятъ языкомъ одного происхожденія съ литовскимъ. Латышскій языкъ, впрочемъ, не такъ древенъ. Тѣмъ не менѣе онъ удержалъ лучше всѣхъ другихъ европейскикъ языковъ, послѣ литовскаго, формы,

сходныя съ санскритскимъ. Такъ, „Богъ“ по санскритски Daiwas, по латышски Diwas, „я есмь“ по санскритски asmi, а по латышски esmi, и мѣстоименія, причастія, имена числительныя, названія главныхъ животныхъ и растеній и т. п. представляютъ въ обоихъ языкахъ также много сходства.

Латышскій языкъ не всюду одинаковъ: въ немъ есть свои нарѣчія.

Латыши обладаютъ бойкими умственными способностями. Изъ ихъ среды, правда, выдвинулось мало видныхъ дѣятелей въ литературѣ и наукѣ, но причина этого кроется въ долговременномъ рабствѣ. Чтобы лучше держать народъ въ *ежевыхъ* рукавицахъ, нѣмцы не давали ему никакого образованія. Природныя способности самыхъ даровитыхъ людей при такихъ обстоятельствахъ должны были глохнуть.

Нравственныя качества латышей, какъ и всякаго народа, жившаго долгое время подъ гнетомъ, представляютъ пеструю смѣсь хорошихъ и дурныхъ чертъ. Латышамъ нельзя отказать въ трудолюбіи, добродушіи и веселости. Трудолюбіе они признаютъ великимъ достоинствомъ человѣка. Молодецъ, собираясь жениться, выглядываетъ себѣ трудолюбивую невѣсту, а дѣвица, думая о замужествѣ, желаетъ себѣ работящаго супруга. Но латышу присущи раболѣбство, скрытность, наклонность къ пьянству. Невозможно, однако, ставить

въ вину имъ этихъ, вызванныхъ историческими обстоятельствами, некрасивыхъ качествъ. Невозможно требовать отъ народа, цѣлые вѣка жившаго въ рабствѣ, возвышенныхъ душевныхъ свойствъ. „Рабская пугливость и недовѣріе,—говоритъ Меркель,—самыя выдающіяся черты въ характерѣ ливонскаго крестьянина. За 30 шаговъ, даже проходя мимо помѣщичьяго дома, онъ снимаетъ шляпу и присѣдаетъ. Потомъ онъ крадется, понуривъ голову, чтобъ поцѣловать у него кафтанъ или ногу. Если баринъ заговоритъ съ нимъ, латышъ, подозрѣвая своекорыстную хитрость, отвѣчаетъ двусмысленно.“ Влача печальную судьбу, латышъ искалъ утѣхи въ водкѣ. Отсюда развилась въ немъ наклонность къ пьянству. Даже матери, по словамъ Меркеля, раздѣляли поднесенный имъ стаканъ вина съ грудными младенцами. Обвиняютъ латышей еще въ томъ, что они вороваты. Но и эта черта ихъ характера обязана своимъ развитіемъ рабству. Крѣпостное право, при которомъ помѣщики вовсе не церемонились съ добромъ латышей, не могло развить и въ послѣднихъ уваженія къ чужой собственности. Въ то время, какъ баринъ у крѣпостнаго бралъ разные хозяйственные продукты, послѣдній воровалъ.

Религія, которая укрѣпляетъ человѣка въ жизненныхъ невзгодахъ, не могла дать утѣше-

шенія латышу и поддержать его нравственность. Въ древнѣйшую пору своей жизни латыши были язычниками. Хотя къ нимъ уже въ XII вѣкѣ стала проникать православная вѣра (изъ Полоцкаго княжества), но ея распространеніе было остановлено наплывомъ христіанскихъ проповѣдниковъ съ запада. Нѣмецкіе католическіе миссіонеры явились въ Прибалтійскій край не столько для утвержденія среди язычниковъ христіанства, сколько для ихъ порабощенія. Первый проповѣдникъ, посланный по приказанію папы, Мейнгардъ, прибылъ сюда въ 1186 году. Онъ дѣйствовалъ, не разбирая средствъ. Должно быть, его дѣятельность не особенно понравилась мѣстнымъ жителямъ, потому что, когда, послѣ его смерти, явился новый проповѣдникъ, Бертольдъ, то туземцы выпроводили его вонъ. Потерпѣвъ неудачу, нѣмецъ явился спустя 2 года уже въ сопровожденіи рыцарей. Туземцы не задумались встрѣтить непрошенныхъ благодѣтелей съ оружіемъ въ рукахъ, но гдѣ-же было полудикому населенію бороться съ сильнымъ рыцарствовъ! Мало-по-малу нѣмцы стали въ Прибалтійскомъ краѣ твердою ногою, сдѣлались его властителями. Нужно-ли удивляться, что латыши видѣли въ этихъ распросранителяхъ христіанства враговъ своей независимости? Нужно-ли удивлятся, что они не проникались духомъ христіанскаго

ученія, тѣмъ болѣе, что поработители объ ихъ религіозно-нравственномъ просвѣщеніи ни мало и не заботились? Латыши, считаясь христіанами, продолжали пребывать въ полномъ невѣдѣніи самыхъ простыхъ христіанскихъ истинъ. Перемѣны не произошло и тогда, когда въ зап. Европѣ, въ германскихъ странахъ, стало распространяться лютеранство. Хотя прибалтійскіе нѣмцы послѣдовали примѣру своихъ германскихъ собратій, но для латышей преобразованія Лютера прошли незамѣтно.

Прибалтійскіе ученые,—говоритъ одинъ писатель,—давно ищутъ и не находятъ никакихъ извѣстій о водвореніи и распространеніи лютеранства въ деревняхъ. Какъ при католицизмѣ, такъ и при лютеранствѣ, латыши остались болѣе язычниками, нежели христіанами. Во всей странѣ,—писалъ одинъ пасторъ въ XVI вѣкѣ,—не было ни одной школы, изъ который-бы могъ выходить хотя одинъ посредственный проповѣдникъ, владѣющій туземнымъ языкомъ. Поэтому, церкви по многу лѣтъ стояли въ запустѣніи и обращались въ развалины. Если гдѣ и былъ при киркѣ пасторъ, то это былъ иноземецъ, несвѣдующій въ туземномъ языкѣ. Онъ говорилъ проповѣди для нѣмцевъ; крестьяне его не понимали и всегда оставались въ отдаленіи отъ церкви. Но, не смотря на это, они обязаны были со-

держать пастора, тогда какъ нѣмцы доставляли ему только по окороку.

Немудрено, что еще въ текущемъ столѣтіи многіе латыши блуждали во тьмѣ язычества. Не далѣе, какъ около 1835 года, одинъ лифляндскій пасторъ узналъ о существованіи въ лѣсу языческаго жертвенника, который и былъ имъ разрушенъ.

Такъ какъ о духовномъ развитіи латышей нѣмцы ни мало не заботились, а внѣшняя, обрядовая сторона лютеранства не способна была дѣйствовать на чувство, то между латышами лютеранами находилось не мало людей, склонныхъ къ принятію православія. Уже въ началѣ текущаго столѣтія стали переходить они мѣстами въ православную вѣру, память о которой еще не могла вполнѣ искорениться въ населеніи [1]).

Но главное движеніе въ пользу православія началось между ними съ наступленіемъ 40-хъ годовъ. Надо сказать, что въ ту пору случился въ Прибалтійскомъ краѣ сильный неурожай; населеніе стало сильно бѣдствовать. Помѣщичій, нѣмецкій, классъ, который вообще жестоко тѣснилъ простой латышскій народъ,

---

[1]) Латыши, считавшіеся лютеранами, обращались къ православнымъ священникамъ съ заказами молебновъ, ходили въ русскія церкви. Наиболѣе посѣщались православный храмъ въ Якобштадтѣ (въ Курляндіи) и Печерскій монастырь на границѣ Псковской и Лифляндской губерній.

не обнаружилъ никакого участія къ голодающему люду. Тутъ распространился слухъ, что всякій кто перейдетъ въ царскую православную вѣру, получитъ землю въ тепломъ краю, на югѣ. И вотъ, между латышами началось сильное движеніе. Они стали цѣлыми массами заявлять о своемъ желаніи перейти въ православіе. Цѣлыми толпами стали валить они въ Ригу, къ православному епископу Иринарху, прося его принять ихъ въ православную церковь. Нѣмцы подняли страшную тревогу. Переходъ латышей въ православіе грозилъ имъ утратою владычества. Когда пасторовъ смѣнили-бы православные священники, то, разумѣется, нѣмцамъ, привыкшимъ господствовать въ краѣ, пришлось-бы поступиться многимъ. Духовенство стало-бы держать руку уже не нѣмцевъ, а простаго народа. Понятно, что нѣмцы стали дѣйствовать и правдой, и неправдой, чтобъ погасить распространившееся въ средѣ латышскаго народа стремленіе къ православію.

Однако, всѣ нѣмецкія козни не въ силахъ были совершенно уничтожить надеждъ латышскаго населенія. Спустя нѣсколько лѣтъ, среди латышей возникло въ пользу православія новое движеніе.

Православная вѣра пріобрѣтаетъ все больше и больше сторонниковъ въ средѣ латышскаго народа.

II.

Мы уже видѣли, что водвореніе нѣмецкаго владычества въ прибалтійскомъ краѣ сопровождалось порабощеніемъ народа. «Извѣстно,— говоритъ одинъ писатель,—что крестовая дружина, отправившаяся съ благословенія папы въ Ливонію, и всѣ послѣдующія подкрѣпленія ея набирались изъ самыхъ буйныхъ силъ Германіи, что это были люди, неспособные къ человѣческому обращенію съ кѣмъ бы то ни было»... «Зажило рыцарство, на привольѣ, потѣшаясь раздольными пирами и ухарскими охотническими наѣздами на безоруженныхъ язычниковъ, приглашая къ участію въ этихъ удовольствіяхъ удальцовъ со всего запада».

Съ паденіемъ рыцарства дѣло ни мало не измѣнилось къ выгодѣ туземнаго населенія. Прежнее рыцарство обратилось въ помѣщичье сословіе, которое стало выжимать сокъ изъ чуждаго себѣ народа не хуже рыцарей. Меркель, говоря о положеніи латышскихъ крестьянъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія, изображаетъ его крайне мрачными красками. Обремененный барщиною (работою въ пользу помѣщика), латышъ проводилъ жизнь въ бѣдности и постоянномъ голодѣ. При обыковенномъ урожаѣ, на пропитаніе не хватало 14

мѣръ, и послѣ скудной жатвы люди часто умирали съ голода. Помѣщики въ отношенiи своихъ крѣпостныхъ нерѣдко примѣняли пытки и истязанiя.

Такъ было, пока латыши находились въ крѣпостной зависимости. Въ 1819 году имъ дана была свобода, но свобода эта оказалась еще горше неволи. При неволѣ помѣщики обязаны были хоть заботиться о продовольствiи крестьянъ во время голодовокъ, когда же крестьяне получили свободу, то съ помѣщиковъ была снята о крестьянахъ всякая забота. Все дѣло въ томъ, что латыши получили свободу *личную*, безъ земли, а личная свобода для человѣка живущаго земледѣльческимъ трудомъ, равняется нулю. Не располагая собственнымъ земельнымъ участкомъ, крестьянинъ принужденъ снимать землю у того же помѣщика и быть готовымъ на всякiя требованiя со стороны своего бывшаго господина.

Освобожденiе крестьянъ безъ земли было хитрою нѣмецкою уловкою. Нѣмцы—помѣщики могли говорить, что крѣпостныхъ у нихъ нѣтъ, и въ то же время располагать крестьянами какъ своею собственностью. Въ 1849 г. и затѣмъ въ 60-хъ годахъ въ земельномъ устройствѣ крестьянъ были произведены нѣкоторыя перемѣны къ лучшему. Еще съ давнихъ поръ, всѣ принадлежавшiя помѣщикамъ земли дѣлились на два разряда—*мызныя* земли, на которыхъ велось собственно помѣ-

щичье хозяйство, и *повинностныя*. По закону 1811 года, повинностною землею помѣщикъ можетъ пользоваться только путемъ отдачи ея въ аренду крестьянъ. Онъ въ правѣ и продать эту землю, но опять таки лишь тѣмъ же крестьянамъ. Уже по этимъ правиламъ, положенie крестьянъ было не особенно-то выгодно. Арендовать землю могли между крестьянами лишь люди болѣе обезпеченные, располагавшiе деньгами, т. е. незначительное меньшинство сельскаго населенiя. Но и это меньшинство не было обезпечено въ отношенiи пользованiя землею.

Еще болѣе значительный, чѣмъ арендаторы, классъ сельскаго населенiя образуютъ *крестьяне издольные*. Это уже безземельные рабочiе, имѣющiе только свои земледѣльческiя орудiя, свой скотъ и занимающiеся обработкою земли или у помѣщиковъ, на ихъ мызныхъ земляхъ, или у арендаторовъ. Издольные рабочiе воздѣлываютъ земли за извѣстную долю урожая. Наконецъ, послѣднюю, хотя и не столь многочисленную, какъ предыдущая, но все-же очень значительную группу крестьянъ образуютъ *батраки*. Батраки—совсѣмъ неимущiе рабочiе, которые ничего, кромѣ пары здоровыхъ рукъ, предложить хозяевамъ не могутъ. Ихъ услугами и пользуются какъ помѣщики, такъ и арендаторы, неимѣющiе возможности справиться съ земледѣлiемъ безъ помощи наемной силы.

Лучше устроеннымъ и болѣе обезпеченнымъ можно считать быть тѣхъ крестьянъ латышей, которые получили надѣлы изъ казенныхъ государственныхъ земель, потому что казна въ отношеніи крестьянъ вовсе не слѣдовала образу дѣйствій нѣмцевъ-помѣщиковъ.

Незавидное житіе латышей на родинѣ заставляло ихъ выселяться въ другія мѣста Россіи. Часть ихъ водворилась, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, напримѣръ, на Кавказѣ, въ Кубанской области, въ Екатеринодарѣ. Такъ какъ поселившіеся здѣсь латыши знали разную «мастерщину» (между ними были плотники, столяры, стекольщики, кузнецы и т. п.), а въ мастеровыхъ ощущалась нужда въ краѣ, то переселенцы уже въ ремеслахъ получили средства къ жизни. Однако, они не забыли и земледѣлія, и при малѣйшей возможности засѣвали небольшіе участки земли подъ городомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, многіе латыши оставили городъ и разселились хуторами частью въ Ейскомъ уѣздѣ, частью въ сосѣдней мѣстности Донской области. Устроились и живутъ они теперь очень исправно. У нихъ хорошій скотъ и усовершенствованныя земледѣльческія орудія. Землю обрабатываютъ лучше, чѣмъ ихъ сосѣди—казаки. Казаки не думаютъ объ удобреніи почвы, разсчитывая на то, что черноземъ всегда вознаградитъ ихъ труды. Но и черноземъ можетъ исто-

щиться. Латыши, поэтому, завели у себя болѣе правильное хозяйство.

На родинѣ латыши живутъ, то разсѣянно, въ отдѣльныхъ усадьбахъ, то группируются деревнями. Отдѣльными усадьбами живутъ латыши прибрежные; по мѣрѣ удаленія отъ моря и приближенія къ Витебской губерніи усадьбы смѣняются деревнями. Усадьба латыша состоитъ изъ жилаго дома, конюшни, хлѣва, бани, риги, клѣти для склада имущества и спанья въ лѣтнюю пору. Жилой домъ устраивается такимъ образомъ, что по срединѣ его идутъ сѣни съ очагомъ для приготовленія пищи. По одну сторону сѣней располагаются комнаты для хозяевъ, другая сторона сѣней занята помѣщеніями для батраковъ. Разумѣется, такое расположеніе имѣютъ дома болѣе зажиточныхъ изъ крестьянъ, собственниковъ или арендаторовъ. Бѣдные хозяева устраиваютъ помѣщеніе, какъ имъ указываетъ нужда, и живутъ обыкновенно въ одной комнатѣ съ рабочими.

У латышей большая любовь къ цвѣтамъ. При всякомъ, несовсѣмъ бѣдномъ, латышскомъ хуторѣ проглядываетъ желаніе дѣвушекъ развести цвѣтникъ.

Такъ какъ баня для современнаго латыша такая же необходимость, какъ и для его предка, то она играетъ видную роль въ постройкахъ у латышей. Изъ предосторожности отъ пожара, ее нерѣдко строятъ особо, на

берегу рѣчки. Баня посѣщается латышемъ неукоснительно каждую субботу.

Описывая бытъ великороссовъ и малороссовъ, мы указали, что старинные обычаи, костюмы у нихъ мало-по-малу исчезаютъ. Подобныя же явленія замѣчаются и среди латышей. Такъ, напр., въ окрестностяхъ большихъ городовъ, каковы Рига и Митава, латыши уже утратили національную старину, въ ихъ жизнь проникли новыя привычки, новые взгляды.

Пища латышей состоитъ по большей части изъ растительныхъ и молочныхъ продуктовъ (молока и сыра), а также свинины. Національнымъ латышскимъ кушаньемъ служитъ путра,—похлебка съ ячменною крупою, солью, сладкимъ молокомъ и простокваша. Путра употребляется въ скисшемъ видѣ въ качествѣ ежедневной и часто, можно сказать, единственной похлебки латыша — крестьянина. Отправляясь на сельскія работы куда-нибудь вдаль отъ дома, рабочіе берутъ съ собою объемистые сосуды съ путрой и хлѣбъ. Безъ рыбы также не обходится. Въ жизни латыша сельдь и камбала играютъ не послѣднюю роль. Мелкая сельдь, ловимая въ большомъ количествѣ у курляндскихъ и лифляндскихъ береговъ, служитъ дешевымъ пищевымъ продуктомъ для мѣстнаго населенія, болѣе же цѣнная камбала приноситъ рыбакамъ хорошіе чистые

барыши. Объ этомъ говоритъ и народная пѣсня:

Сельдь, крошка—рыба,
Ты—моя кормилица;
Камбала съ широкими перьями,
Ты чеканишь мнѣ денежки.

Хотя земельный бытъ латышей далеко нельзя, какъ мы видѣли, считать благоустроеннымъ, тѣмъ не менѣе земледѣліе служитъ для латыша почти исключительнымъ источникомъ существованія. Привязанный къ земледѣлію, обладая трудолюбивою натурою, латышъ сдѣлался хорошимъ сельскимъ хозяиномъ. Въ этомъ случаѣ большую пользу принесли имъ знанія нѣмцевъ. Многіе нѣмецкіе помѣщики, надо отдать имъ справедливость,—отлично вели и ведутъ свои хозяйства, пользуясь всѣми новѣйшими указаніями науки. Ихъ примѣромъ и воспользовались латыши. Разводя рожь, пшеницу, овесъ, ячмень, горохъ, гречу, картофель, латыши собираютъ хорошія жатвы. Изъ хозяйственныхъ растеній заслуживаетъ вниманія разведеніе *льна.*

Прежде, въ старину, когда въ латышскомъ краю было много лѣсовъ, сильно распространенною и пользовавшеюся большимъ почетомъ отраслью промышленности было пчеловодство. Теперь пчеловодство упало и ведется въ ограниченныхъ размѣрахъ.

Прибрежные латыши промышляютъ рыболовствомъ.

Свободное отъ трудовъ время латышъ любитъ удѣлять шумному веселью. Имѣя отъ природы натуру веселую, латышъ каждый семейный праздникъ проводитъ въ пѣсняхъ, танцахъ, попойкѣ. Тутъ онъ отводитъ свою душу. Изъ всѣхъ праздниковъ особенно весело проводятся Ивановъ день (въ іюнѣ) и Рождество Христово.

Канунъ Иванова дня принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ и любимыхъ латышскихъ праздниковъ. Во времена язычества, той порѣ, когда теперь справляется Рождество Іоанна Предтечи (24 іюня), соотвѣтствовало празднество въ честь бога любви и радости—*Лига*. Принявъ христіанство, латыши стали справлять праздникъ уже въ честь Іоанна Крестителя. Характеръ празднованія во многомъ сходенъ съ русскимъ.

Изъ другихъ латышскихъ праздниковъ, сохранившихъ особые обрядности, надо упомянуть о крестинахъ и свадьбѣ.

Повѣрья и обряды, связанные съ латышскими крестинами, весьма многочисленны и притомъ разнообразятся по мѣстностямъ.

Свадебные обычаи латышей напоминаютъ еще то доброе старое время, когда невѣстъ «умыкали», т.-е. похищали. Съ характеромъ прежнихъ брачныхъ обычаевъ знакомятъ нѣкоторыя латышскія пѣсни.

Хотя въ современной латышской свадьбѣ большая часть старинныхъ обрядовъ исчезла, однако кое-что еще уцѣлѣло. Въ ней нѣтъ ни умыканія, ни погони, не видно и продажи сестры, но гости изображаютъ собою прежнихъ «увозчиковъ» и «догонщиковъ». Состязаніе этихъ двухъ партій въ бражничаньи, верховой ѣздѣ, пѣсняхъ и т. под.,— все это сообщаетъ и нынѣшней латышской свадьбѣ нѣкоторый воинственный оттѣнокъ, напоминая былое молодечество предковъ. Пѣсни, которыми обмѣниваются обѣ партіи, подчасъ носятъ на себѣ бранчливый, язвительный характеръ. Напримѣръ, догоньщики поютъ:

Что это за кривая жердь
Въ концѣ избушки?
Та кривая жердь—
То матушка сынка (т.-е. жениха).

Не меньшею безцеремонностью отзываются и отвѣты возчиковъ:

Догоньщики просятъ денегъ—
Гдѣ же намъ денегъ взять?
За пищу, за питье остается
Лошадиный навозъ на гумнѣ.

Украшеніе лошадей, на которыхъ везутъ приданое, своеобразная выноска приданаго сундука изъ клѣти и поставка его на повозку, задержка повозки съ приданымъ у воротъ

жениховa дома и т. п. обычаи также напоминаютъ о временахъ очень отдаленныхъ.

Неизбѣжная принадлежность каждой свадьбы—приданое. Приданымъ латышки-невѣсты служатъ главнымъ образомъ собственныя ея издѣлія — полотенца, чулки и т. п. изъ домашняго льна и шерсти собственныхъ овецъ. Существующій у латышей обычай заниматься молотьбою хлѣба на гумнѣ ночью, въ чемъ принимаютъ участіе и латышки, отнимаетъ у дѣвицъ значительную часть зимнихъ вечеровъ, которые онѣ могли бы посвящать приготовленію приданаго. Недостатокъ свободнаго времени заставляетъ будущую невѣсту рукодѣльничать урывками—въ необходимое для отдыха время.

Латыши, любя пѣніе, имѣютъ довольно богатую народную поэзію. Склонность латышей къ пѣнію такъ велика, что поражаетъ всякаго, кому приходилось наблюдать латышскую народную жизнь. Любимое пѣніе латышскаго народа—хоровое, но можно слышать, особенно отъ пастуховъ, и пѣніе сольное.

Латышскія пѣсни посвящены довольно разнообразнымъ предметамъ, но кругъ послѣднихъ далеко уже, чѣмъ пѣсенъ русскаго народа. Былины и историческія пѣсни, можно сказать, положительно отсутствуютъ. Только не многія произведенія народной поэзіи содержатъ какіе-то слабые намеки на прошлыя

судьбы народа, на прежнія войны его съ Литвою и Польшею.

Несмотря на поэтическія наклонности латышей и любовь ихъ къ пѣнію, латышская народная поэзія, подобно русской, переживаетъ теперь то время, когда прежнія произведенія народнаго пѣснотворчества постепенно исчезаютъ, а новыхъ, равныхъ по силѣ чувства, не является.

28.—Рига.

К. К. Случевскій.

Ровно въ десять часовъ утра, 22-го іюня, поѣздъ подходилъ къ Ригѣ. Пройдя мостъ черезъ Двину, онъ двигался по высокой насыпи, и далеко внизу, въ городскихъ улицахъ, подходящихъ къ вокзалу самыми людными частями своими, виднѣлись толпы народа. День былъ воскресный, и путешественники отправились прямо въ православный соборъ. Роскошный солнечный свѣтъ и толпы народа придавали зрѣлищу яркія краски жизни. Отрадно было подъѣзжать къ величавому православному храму, вполнѣ достойнаму представителю русской церкви въ Ригѣ; отрадно именно потому, что путники наглядѣлись вволю на маленькія и утлыя русскія церковки въ краѣ, съ ихъ алтариками, ветхими ризами духовенства и пѣвчими, взятыми съ бору да съ сосенки.

Блестящею, богатою, радушною представ-

ляется пріѣзжему Рига, и невольно напрашивается мысль о томъ, насколько обусловлено это богатство Риги, не говоря о трудѣ мѣстнаго населенія, тѣмъ, что подъ скипертомъ руссой державы впервые послѣ почти шестисотлѣтняго существованія, вступила Рига въ періодъ мирнаго благоденствія. Необходимы нѣкоторыя историческія воспоминанія, которыя тутъ будутъ умѣстны.

Семисотлѣтіе Риги уже завершилось. Чего-чего не видалъ городъ за это время, какимъ вліяніямъ не подвергался, какихъ положеній и противоположеній не испыталъ? Вотъ нѣсколько картинокъ, на выдержку взятыхъ изъ длиннаго ряда столѣтій.

XIII вѣкъ, 1201 годъ; по устью Двины еще дремлютъ вѣковые лѣса, полные священныхъ деревьевъ язычества; обители сосѣднихъ безмолвныхъ странъ—длиннокудрые эсты, латыши, куроны и ливы. Къ холму, называвшемуся Риге, подплываютъ суда съ военною силою, позванивають доспѣхи, высятся копья и бердыши; воздвигается замокъ, стѣны готовы, но обитателей еще нѣтъ, ихъ привезутъ изъ чужихъ краевъ, изъ католическихъ странъ, на самомъ рубежѣ православія. Это—основаніе города епископомъ Альбертомъ.

XIV и XV вѣка—время безконечной вражды рыцарскаго ордена съ рижскимъ архіепископомъ, за котораго стоитъ городъ Рига. Тринадцать мѣсяцевъ продолжается

одна изъ многочисленныхъ осадъ его; въ городѣ голодъ и болѣзни со всѣми ихъ ужасами. Часть городской стѣны разрушена. Рыцарство, сквозь пробоины, врывается въ городъ, и колѣнопреклоненный, приниженный, плачущій магистратъ встрѣчаетъ его. Есть и другія картинки того же времени. Торжественная встрѣча въ Ригѣ папскаго легата, пріѣхавшаго разбирать распрю ордена съ архіепископомъ, по 230 пунктамъ обвиненій, что и совершается въ процессѣ такой длины, что одни документы измѣряются десятками аршинъ; орденъ «покупаетъ» выгодное ему рѣшеніе папы, и всѣ разбои рыцарей признаются не чѣмъ инымъ, какъ христіанскими подвигами. Это—1312 и 1319 года. Проходитъ пять лѣтъ, и, въ той же Ригѣ, другой папскій легатъ, при погашенныхъ свѣчахъ и глухомъ калокольномъ звонѣ всѣхъ церквей, проклинаетъ орденъ и отлучаетъ его отъ церкви. Орденъ, владѣющій огромными богатствами и вооруженный до зубовъ, въ отвѣтъ на это смѣется.

XVI вѣкъ имѣетъ свои картинки. Бѣгутъ изъ Риги, забравъ свои пожитки, католическіе монахи, предъ лицомъ реформаціи, проповѣдуемой Кнопке; бѣгство совершается довольно мирно, хотя и не безъ иконоборства; вѣрный своимъ преданіямъ, самъ архіепископъ предпочитаетъ «продать» рижскій соборъ за 18.000 марокъ и удаляется въ

Кохенхузенъ; остался въ городѣ только одинъ котолическій монахъ,—это безмолвная фигурка на одномъ изъ частныхъ домовъ Риги, красующаяся въ качествѣ воспоминанія и понынѣ. Другая картинка: слава счастливыхъ годовъ ордена, послѣднихъ годовъ его, подъ управленіемъ Плеттенберга, каменный обликъ котораго, какъ окаменѣлое осажденіе времени, безмолвно красуется и по сей день во внутреннемъ дворѣ рижскаго зàмка.

Третья картинка имѣетъ мѣсто въ томъ же XVI вѣкѣ. Могучаго ордена нѣтъ больше, онъ исчезъ. Въ Ригѣ властвуетъ король польскій Сигизмундъ-Августъ, давшій дворянству привилегіи; но онъ же, а еще болѣе Стефанъ Баторій, ихъ и нарушилъ. Польскіе законы уничтожаютъ старые мѣстные, вводятся сеймики; лучшія єтароства раздаются полякамъ и литовцомъ, а изъ лифляндскихъ дворянъ — только тѣмъ, кто оказалъ польскому правительству значительныя услуги; являются іезуиты, является снова католическій епископъ въ Ригѣ, и мнгія лютеранскія церкви, какъ зъѣсь, такъ и въ Венденѣ и Юрьевѣ, обращены снова въ костелы, и лютеранство становится вѣроисповѣданіемъ «терпимымъ».

Другая картина: XVII вѣкъ—первая его половина. Паляковъ нѣтъ больше; въ Ригѣ новый властитель—это король шведскій Густавъ-Адольфъ; красуются въ Ригѣ шведскіе

ратники, шведскія эмблемы; и опять лютеранство; впервые обращено вниманіе на крестьянина, производится кадастръ (опредѣленіе производительности земельныхъ участковъ) и ограничена патримоніальная юстиція (родовое, наслѣдственное судопроизводство).

Во второй половинѣ XVII вѣка отъ дворянства отнимается всякое право вмѣшиваться въ дѣла правительства и, наконецъ, Карлъ XI, шведскій, отбираетъ въ казну всѣ дворянскія и другія имѣнія, «когда-либо коронѣ принадлежавшія». Что-же не принадлежало когда-то коронѣ? Пять шестыхъ дворянскаго имущества переходитъ такимъ образомъ къ казнѣ. Какъ бы въ насмѣшку обобранному королемъ дворянству, ему одному позволено «держать борзыхъ собакъ». Отчасти на эти огромныя деньги ведется сыномъ Карла XI, Карломъ XII, война противъ русскихъ. Испуганное и обѣднѣвшее рыцарство уходитъ на службу къ чуждымъ властителямъ, и нѣтъ европейской арміи, въ которой, въ половинѣ XVIII вѣка, не служили бы прибалтійскіе нѣмцы; они дали двадцать одного фельдмаршала и, безъ счета, генераловъ.

Въ началѣ XVIII вѣка опять, и въ который разъ, совершается полное преображеніе. 10-го іюня 1710 года войска Петра I вступаютъ въ Ригу вслѣдъ за долгой осадой, девятой по счету всѣхъ осадъ, выдержанныхъ городомъ

за все время. Дѣйствію «редукцій» (возвращеніе земель казнѣ), благодаря царской милости, только милости, данъ обратный ходъ, дворянство опять начинаетъ богатѣть, и Рига, во главѣ всего балтійскаго побережья, впервые вступаетъ въ долгій періодъ почти двухсотлѣтняго мира подъ Русской державой.

Лѣтомъ 1764 года посѣщаетъ Ригу Императрица Екатерина II. На слѣдующемъ за этимъ Ландтагѣ (дворянское собраніе) 1765 года генералъ-губернаторомъ Броуномъ, отъ Императорскаго имени, дѣлаются различныя предложенія въ пользу крестьянъ, тягость быта которыхъ государыня «видѣла своими очами». Голоса за крестьянъ поднимаютъ: въ 1796 году—Меркель, въ 1849 Фелькерзамъ и вмѣстѣ съ ними наше Правительство, какъ крупнѣйшій собственникъ прибалтійскихъ губерній, унаслѣдовавшій значительную часть земель, принадлежавшихъ ордену и архіепископу.

1783-ій годъ застаетъ въ Ригѣ опять-таки новую картину. Много молятся, много звонятъ, много стрѣляютъ: это вводятъ новое городское положеніе. До того собирался «рыцарскій конвентъ» (собраніе) въ Ригѣ, просившій Императрицу одновременно съ «ревельскимъ конвентомъ» остаться при старыхъ порядкахъ; свѣтлѣйшій князь Потемкинъ этого ходатайства до Ея Величества не допустилъ. Новые

губернскіе порядки существовали только до 1796 года, до Императора Павла.

Пестрота и быстрая смѣна перечисленныхъ набросковъ, выхваченныхъ изъ долгой, самостоятельной исторіи Риги, остаются, собственно говоря, такими же и за все управленіе краемъ нашими генералъ-губернаторами,— управленія, длившагося до 1876 года, до кончины князя Багратіона.

Во внѣшнемъ обликѣ Рига, помимо размѣровъ и богатства, бьющихъ въ глаза въ ея монументальныхъ сооруженіяхъ новѣйшаго времени, отличается отъ Ревеля, полнаго и до сихъ поръ многими архитектурными памятниками среднихъ вѣковъ, тѣмъ, что она «поюнѣла.» Имѣетъ и Рига древніе памятники, въ ряду которыхъ стоитъ назвать, напримѣръ, соборную церковь, замокъ, церковь св. Петра, домъ черноголовыхъ; но они какъ бы теряются въ обступившей ихъ всюду поросли новаго, заглушающей архитектурное представительство прежнихъ дней. Въ Ревелѣ, въ его очертаніяхъ, во многихъ, сравнительно съ народонаселеніемъ церквахъ, въ частныхъ домахъ, въ направленіяхъ и размѣрахъ улицъ не чувствуется руки инженера, направлявшаго ихъ; они шли, тянулись, разветвлялись, какъ Богъ послалъ; въ Ригѣ, въ особенности въ новыхъ частяхъ ея, а онѣ почти всѣ новыя, замѣчается общая планировка и древніе намятники ея все болѣе и болѣе сиротѣютъ,

хилѣя въ постоянно сильнѣющемъ потокѣ новой торговой жизни. Трактирная и ресторанная жизнь въ Ригѣ тоже очень развиты, и пивныя являются, какъ и во всѣхъ торговыхъ центрахъ, продолженіемъ биржи. Относительно газетъ—это чуть ли не самый пестрый городъ, потому что тутъ дòма—нѣмѣцкія, эстонскія и латышскія, каждая со своими взглядами на рѣшеніе разныхъ вопросовъ.

Лютеранскій соборъ, Маріенкирхе, болѣе извѣстный подъ именемъ Домкирхе, былъ построенъ въ 1215 году и, какъ сказано, во времена реформаціи, совершенно «мирнымъ путемъ», «денежной сдѣлкой», перешелъ отъ послѣдняго архіепископа Вильгельма въ пользованіе лютеранъ. Всякихъ гробницъ въ соборѣ очень много: здѣсь покоится между прочимъ первый по времени епископъ Мейнгардъ (†1196 г.), и послѣдній, продавецъ собора, Вильгельмъ. Надъ люднымъ царствомъ мертвыхъ Домкирхе зачастую поднимается голосъ самаго большого органа въ свѣтѣ; газовый двигатель его въ четыре лошадиныя силы, съ него звучитъ 6,800 трубъ, изъ которыхъ наибольшая, самая густая, имѣетъ 30 футовъ вышины. Наиболѣе выдающіеся изъ памятниковъ свѣтскаго характера—риттергаузъ (дворянскій домъ), за́мокъ, ратуша и домъ Черноголовыхъ.

Въ риттергаузѣ, въ роскошныхъ портре-

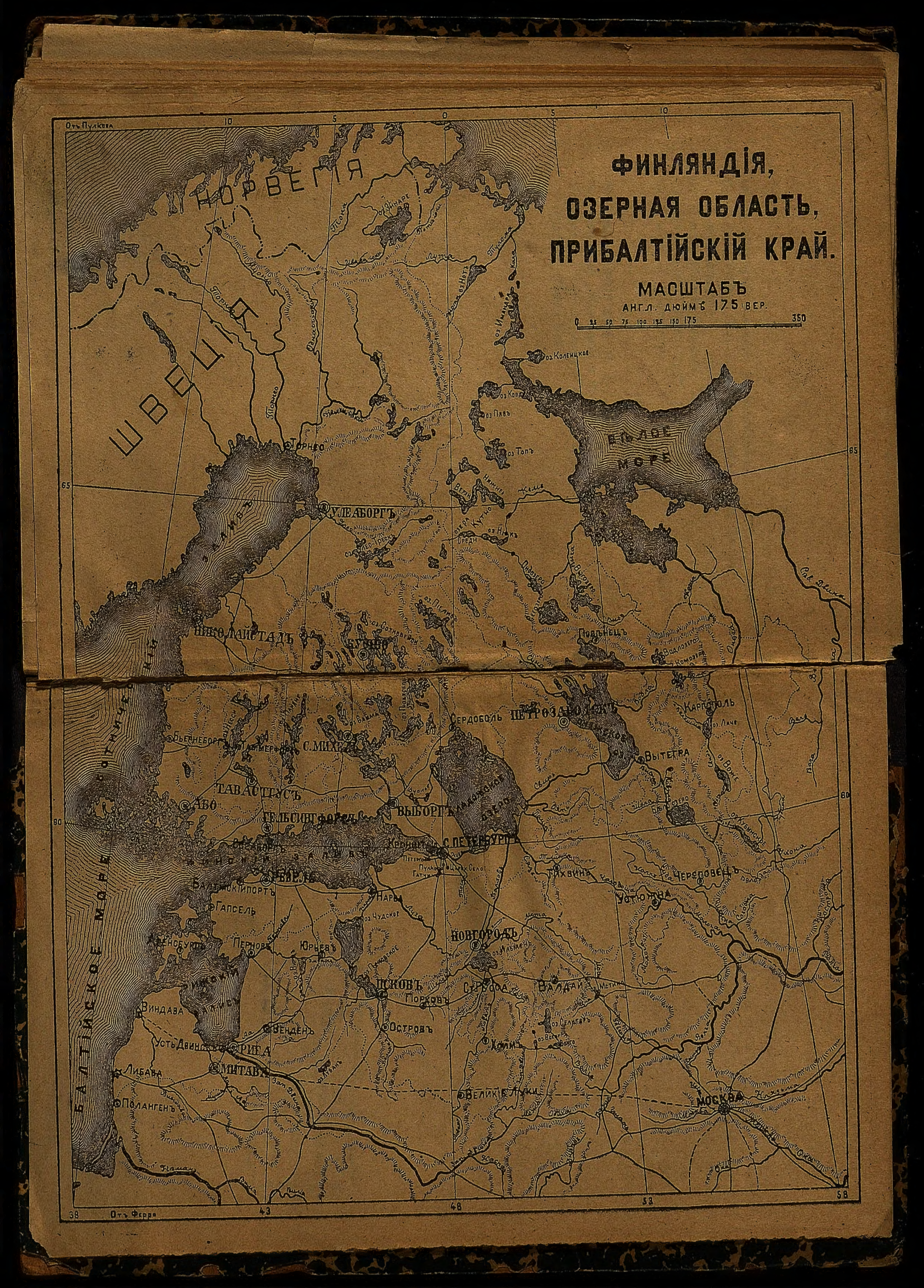
тахъ, имѣется въ большомъ залѣ и маломъ цѣлая галлерея властителей Риги: Плеттенберга, короля Сигизмунда-Августа, Императоровъ Петра I, Павла I, Александра I, Николая I, Александра II, и Александра III. Въ большомъ залѣ смотрятъ гербы дворянскихъ родовъ Лифляндской губерніи, фигурныя изображенія которыхъ имѣютъ каждое что порассказать, и разсказы нѣкоторыхъ изъ нихъ ведутъ далеко назадъ, не ближе, чѣмъ къ крестовымъ походамъ. Домъ Черноголовыхъ, отличающійся отъ всѣхъ домовъ Риги фигурчатымъ, остроконечнымъ, цвѣтистымъ фасадомъ, существуетъ съ XIV вѣка. «Черноголовые» пережили много вѣковъ и были чѣмъ-то совершенно противоположнымъ рыцарскимъ союзамъ, составленнымъ для грабежа. Черноголовые въ Ригѣ не разъ проливали кровь въ защиту своего очага, и вотъ причина того глубокаго уваженія, которымъ они пользовались.

Въ Ригѣ имѣются двѣ русскія правительственныя гимназіи: Александровская мужская и Ломоносовская женская. Оба зданія довольно помѣстительны. Несравненно роскошнѣе, внушительнѣе зданіе политехническаго училища (высшее учебное заведеніе).

Русскіе составляютъ въ Ригѣ довольно замѣтную часть населенія. Отрадно видѣть, что они постепенно примѣшиваютъ къ нѣмецкой окраскѣ Риги очень существенные, самостоя-

тельные колера. Русскія общественныя учрежденія въ Ригѣ обладаютъ крупными капиталами и имуществомъ. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія изъ рижскихъ учрежденій шесть; изъ нихъ: богадѣльня Садовникова, русское благотворительное общество, вспомогательное общество отставныхъ воинскихъ чиновъ, мужское общество пѣнія «Баянъ», литературно-музыкальное общество «Ладо» и «Улей».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ФИНЛЯНДІЯ,
ОЗЕРНАЯ ОБЛАСТЬ,
ПРИБАЛТІЙСКІЙ КРАЙ.
МАСШТАБЪ
АНГЛ. ДЮЙМЪ 175 ВЕР.
НОРВЕГІЯ
ШВЕЦІЯ
БѢЛОЕ МОРЕ
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ
Торнео
Улеаборгъ
Николайстадъ
Петрозаводскъ
Сердоболь
Каргополь
Вытегра
Повѣнецъ
С. Михель
Тавастгусъ
Або
Гельсингфорсъ
Выборгъ
С. Петербургъ
Ревель
Балтійскій портъ
Гапсель
Нарва
Новгородъ
Тихвинъ
Череповецъ
Устюжна
Юрьевъ
Перновъ
Псковъ
Порховъ
Старая Русса
Валдай
Островъ
Венденъ
Виндава
Усть Двинскъ
Рига
Митава
Либава
Полангенъ
Великіе Луки
Холмъ
Москва
От Пулкова
От Ферро

